

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ БЫЛНЫ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ (К. И. КУНА), Б. САДОВАЯ, №.

1883

КНИГА ВТОРАЯ.

Пѣснь 7-я.

ОСОБЫЙ МІРЪ МИКУЛЫ.

„Больше себя самаго я люблю
мое семейство; больше, чѣмъ се-
мейство, я люблю мое отечество;
больше, чѣмъ отечество, я люблю
все человѣчество“.

(Фенелонъ).

Что наша земная жизнь, если не сонъ?
Такъ мы твердимъ, люди, сначала время.
Такъ мы твердимъ, люди, себѣ и другимъ,—
А сами всю жизнь свою только что спимъ.
Но чудно!—Край спитъ, край угрюмо молчитъ;
Но въ немъ что-то есть,—что-то есть, что не спитъ!
Спать власти, законы, спитъ цѣлый народъ,
А край невидимо уходитъ впередъ.
Посмотришь, объять непробуднымъ онъ сномъ;
Но пусть кто найдетъ мигъ бездѣйствія въ немъ!
Незримо, чуть слышно, стучитъ пульсъ живой:
То духъ всенародный, то духъ мировой!
Когда туманъ сѣрый надъ моремъ стоитъ,—
Неужели море въ часы эти спитъ?
Нѣтъ, жизнь кипитъ всюду,—и въ безднѣ глухой;
Намъ только не видѣнъ міръ этотъ живой.

О, слава тебѣ, показавшему свѣтъ!...
Мы въ немъ родилися, мы имъ существуемъ,
Мы чувствуемъ, видимъ во всемъ его слѣдъ;
Вліянье его на весь міръ необъятно.

Часть II.

1

Гонимый, подобно Христу, человекъ,
 Распятый, какъ Онъ же, въ языческомъ мѣрѣ,
 Лежавшій во гробѣ, пока новый вѣкъ
 Боролся со злобой и тьмой первобытной, —
 Вотъ онъ воскресаетъ, — вотъ онъ возстаетъ,
 Какъ Лазарь тридневный изъ душнаго гроба;
 Самъ мѣръ фарисейскій ему руку жметъ,
 И шумно встрѣчаетъ его воскресенье.

Весь мѣръ Христовъ полонъ участьемъ живымъ,
 Любовью къ успѣхамъ благимъ человекъ:
 Цари преклоняютъ ихъ скипетръ предъ нимъ,
 Народы въ восторгъ ему рукоплещутъ;
 Народный вопль чуждой, безвѣстной страны
 Приводитъ въ тревогу далекаго царства;
 Сквозь дымъ и крушенье жестокой войны
 Враги простираютъ къ врагамъ своимъ руку;
 Народный тиранъ, какъ разбойникъ простой,
 Дрожитъ предъ верховнымъ общественнымъ мнѣньемъ.

Свѣтъ этотъ чудесный, свѣтъ этотъ благой
 Проникнулъ въ глубь обществъ, въ слои всѣхъ сословій;
 Высокій мудрецъ и мечтатель молодой
 Мечтаютъ и мыслятъ, подъ теплымъ наитьемъ
 Его дивной силы. Онъ въ нашихъ сердцахъ,
 Онъ въ нашихъ понятіяхъ; мы развивались
 Въ его благодатныхъ, живящихъ струяхъ.
 Онъ нравственный воздухъ нашъ, воздухъ душевный, —
 То грязный и смрадный отъ нашихъ страстей, —
 То дивно — прозрачный, когда гордость мѣра
 Его не туманитъ тревогой своей.

Сыны настоящихъ дней, полныхъ сомнѣнья,
 Однако мы видимъ давно предъ собой,
 Его храмъ всемірный... Мы видимъ и слышимъ
 Народы и царства, весь мѣръ сей земной,
 Поющіе гимнъ міровой возрожденью, —
 Тому Богу мира и Богу любви,
 Что древле былъ распятъ за насъ и воскреснулъ,
 И насъ воскресилъ, и очистилъ въ крови,
 Отъ смерти и рабства. Нѣтъ болѣе рабства!..

Злой духъ произвола уходитъ съ земли;
 Вездѣ блещетъ утро,—покутъ души свѣта;
 Мы сами,—хоть дни тѣ для насъ не пришли,
 Твердимъ въ тихомолку напѣвъ этотъ новый.

Мы видимъ храмъ этотъ не въ дальнихъ вѣвахъ,—
 А возлѣ себя. Онъ давно передъ нами;
 Давно на его блеститъ надпись вратахъ:
 «Воскресшій Христосъ,—Богъ живыхъ, ане мертвыхъ!»
 Миръ новый свѣтаетъ у насъ на глазахъ...
 Кто мыслить, что вѣра враждебна наукѣ,
 Тотъ пусть въ ихъ сляніи видитъ хаосъ;
 Но вѣра,—она не боится науки;
 Свѣтъ всякій отъ Бога. Свѣтъ—день, свѣтъ—Христосъ!
 Все наше безумье, всѣ наши несчастья,—
 Сыны тьмы и мрака; а миръ нашъ идетъ,
 Идетъ непрестанно въ верховному свѣту.

Когда жь просвѣтишься ты, Русскій народъ?
 Когда возродишься ты, вѣщій Микула?
 Прошло много времени,—тысяча лѣтъ;
 Отъ насъ совсѣмъ скрылся твой образъ минувшій.
 Страна вся въ движеніи, тебя будто нѣтъ.
 Мы слышимъ глухой скрипъ твоей вѣщей сошки,
 Нашъ край живетъ теплымъ усердьемъ твоимъ;
 Но ты невидимъ,—ты всегда на работѣ.....

Весной, еще дремлетъ земля подъ сырмыъ,
 Холоднымъ покровомъ сѣдаго тумана,
 Черно на поляхъ и по доламъ пустымъ,
 Какъ сквозь рѣшето, мороситъ мелкій дождикъ,
 И гонитъ послѣдній свѣгъ съ голыхъ луговъ,
 Микула ужь правитъ родимую сошку;
 Глядитъ онъ, отколь зыбь бѣжитъ облаковъ,
 И день весь торчитъ съ своей сошкою въ полѣ,
 И будитъ родимую землю. Летятъ
 Одиъ за другими, съ далекаго юга,
 Гусей сѣрыхъ стай, и шумно кричатъ:
 — Богъ въ помощь, Микула!—А, здравствуйте, дѣтки!—
 Пахнулъ первый вешній въ лице вѣтерокъ:

*

— Богъ въ помощь, Микула! Здорово, родимый! —
 Прибился на нивахъ весенній листоги:

— Ты видишь, Микула?—Все вижу, желанный!....

И вотъ, будто гласу Микулы внемля,
 Какъ силой волшебной, повсюду проснулась,
 Умылась дождями, одѣлась земля;
 Раздвинулся день по широкому небу;
 Блестить все, сіяетъ по злачнымъ полямъ;
 Шумъ, гамъ, щебетанье по темнымъ дубравамъ;
 Серебро лется съ златомъ по свѣтлымъ рѣкамъ;
 Чуть дышетъ надъ нивой сверкающей воздухъ.....

Микула подыметъ глаза въ небесамъ,
 Какъ солнце садится,—и снова день цѣлый,
 Какъ образъ сторукий его, Бриарей,
 Онъ видѣнъ повсюду; лишь только мелькаютъ,
 По чащѣ лѣсной, вдоль луговъ и полей,
 То серпъ его острый, то древо съ косою.
 Глядитъ тогда птичка съ веселыхъ небесъ,
 Глядитъ звѣрокъ малый изъ норки подземной,
 Глядитъ песъ лохматый, глядитъ темный лѣсъ,
 Глядятъ всѣ и ждуть: вотъ, родной уберется,—
 Вотъ онъ уберется и будетъ для нихъ
 Своя также доля; затѣмъ, что Микула
 Не только кормилецъ собратій своихъ,
 Но также кормилецъ и ихъ, безсловесныхъ.

Но вотъ, убрался онъ! Господь Богъ помогъ.
 Осеннее солнце еще позлащаетъ
 Прощальнымъ сіаньемъ свой лѣтній чертогъ;
 Опять потянулись сѣрмя тучи,
 Опять летятъ стаи гусей, журавлей;
 Хруститъ желтый листъ по поблекшему лѣсу,
 Растетъ пора длинныхъ, осеннихъ ночей,—
 Микула выходитъ царемъ домовитымъ,
 Луга его полны рядами стоговъ;
 Въ гумнѣ, будто городъ, стоятъ желты скирды;
 Зеленая овимъ, плодъ новыхъ трудовъ,
 Какъ яркій коверъ, разостлалась вдоль поля;
 Для всѣхъ удѣлилъ отъ своихъ онъ плодотъ:

Кротъ въ темную норку стащилъ всякихъ зеренъ;
 Залетная птица еще щелушить
 Во всю длинну ночьку пустынную ниву;
 Уютная мышка, и та шеберститъ
 Подъ ворохомъ гречи... «Спасибо, Микула!
 Спасибо, кормилецъ нашъ!—все говорить.
 Съѣдимъ мы немного, а все ты сытъ будешь».
 Затѣмъ, вплоть до лѣта спокойна семья!
 Сильнѣй дунулъ холодъ, ушло солнце съ неба;
 Уснула подъ снѣгомъ пушистымъ земля;
 Угрюмая вьюга гуляетъ по селамъ;
 Голодный медвѣдь по берлогамъ лежитъ;
 Залетныя птицы слетѣли на Полдень;
 Одинъ непосѣдный Микула не спитъ.
 Глядитъ онъ: яснѣетъ иль хмурится небо?
 А самъ съ полуночи стоитъ на гумнѣ;
 Горитъ ворохами сухая солома;
 Обмерзшій лѣсъ дремлетъ въ глухой тишинѣ;
 Лишь цѣпь долговязый гуляетъ по току,
 И мѣрно стучить по холоднымъ снопамъ.
 Къ Николѣ, сварить онъ, Микулушка, брагу;
 Отворить дверь настезь любезнымъ гостямъ.
 На утро насыплетъ въ дровешки онъ хлѣба,
 Побѣдетъ шажкомъ онъ съ богатствомъ своимъ
 Въ уѣздный свой городъ,—купить себѣ соли,
 А внукамъ гостинцевъ. Подъ кровомъ роднымъ
 Они подростутъ,—а тамъ воля Господня....

«А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 «Во скирды сложу, домой выволочу,
 «Домой выволочу, да дома вымолочу,
 «Драни надеру, да и пива наварю,
 «Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 «Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Все это, какъ прежде! И образъ его
 Таковъ же, какъ прежде. Въ немъ духъ православный;
 Но складомъ стариннымъ ума своего

Онъ тотъ же язычникъ. Ему еще нуженъ
 Обрядъ и обычай; онъ чтить лишь боговъ, —
 Боговъ, что онъ видитъ своими глазами.
 Ему нуженъ Богъ, какъ чудесный покровъ
 Въ его тяжелой долѣ, — богъ-домостроитель,
 Хранящій незримо его теплый кровъ,
 Стада его, пчельникъ; богъ—вѣрный защитникъ
 Его самага и семьи, отъ бѣды
 И алчной корысти властей ненасытныхъ.
 Подъ гнетомъ стѣсненій и вѣчной нужды,
 Ему нужна вѣра въ миръ будущій, лучшій;
 Гдѣ онъ отдохнетъ отъ земныхъ своихъ мукъ,
 Гдѣ онъ посмѣется надъ вѣчной неправдой,—
 Надъ тѣмъ Бриареемъ о тысячѣ рукъ,
 Что въ немъ поломалъ давно крѣпкія кости.

Какъ въ древнее время, въ его деревняхъ
 Живуть съ нимъ и нынѣ старинные боги,
 По мельницамъ темнымъ; въ озерахъ, въ рѣкахъ,
 По гумнамъ и нивамъ, въ избѣ его теплой,
 На пчельникѣ, въ злчныхъ лугахъ и въ лѣсахъ;
 Повсюду, гдѣ онъ самъ. Какъ въ прежнее время.
 Они посылаютъ подспорье въ трудѣ,
 Пасутъ его скотъ и коней, извѣщаютъ,
 Что чуютъ въ добру, и что въ худу—въ бѣдѣ,
 Даютъ ему ведро, даютъ и ненастье.

И нынѣ, гдѣ онъ ни селится въ глуши, —
 Тотчасъ же все чуетъ его приближеніе...
 Звѣрь хищный уходитъ въ дубравы свои,
 А малый звѣрь, птица, спѣшать въ нему въ гости;
 И съ первой же въ полѣ его бороздой,
 Лѣсъ пятится въ доли, гора ползетъ къ низу,
 Болота сбѣгаютъ въ овраги съ водой,
 Сама зима образъ мѣняетъ суровый.
 И всѣ имъ довольны, кормильцемъ роднымъ;
 Кому трудового онъ дастъ поѣсть хлѣбца,
 Кого миротворить совѣтомъ благимъ,
 Кого пришибеть и тяжелой сошкой.

Вокругъ него тотъ же міръ вѣщій стоятъ,
 Надъ нимъ тоже небо, что были и древле.
 Илья пророкъ, древній Громовникъ, гремитъ
 Ему въ бурныхъ тучахъ; святой ему Власій,
 Старинный Велесъ нашъ, скотинку хранитъ.
 На святкахъ, Микула съ семьею гадаеть;
 Авсению онъ грешневу кашу варить, 1—
 А свѣгомъ крещенскимъ врачуетъ недуги, 2—
 И гонитъ имъ силу нечистую прочь.
 Во дни самыхъ сильныхъ январскихъ морозовъ 3—
 Онъ вѣдмъ изгоняеть, и цѣлую ночь
 Тогда угощаетъ въ избѣ домоваго.
 На Срѣтеньевъ день, онъ заклатье кладеть 4—
 На мелкую мышъ, чтобъ не портила скирды;
 Предъ масляной, только притихнетъ народъ, 5—
 Онъ кличетъ съ овчины небесныя звѣзды,
 Чтобъ овцы плодились, и по три зари
 Несетъ на морозъ сѣмена полевья, 6—
 Чтобъ тѣмъ охранить лѣтомъ нивы свои.
 Въ Грачевники онъ изгоняеть вѣкиморъ, 7—
 Что сушатъ красавиць его молодыхъ
 Нечистой любовью; предъ свѣтлою Пасхой, 8—
 Огнемъ очищаетъ домашнихъ своихъ,
 И зимнія ихъ сожигаетъ постели.
 При вскрытіи рѣкъ, — во главѣ рыбаковъ, 9—
 Онъ топить живаго коня Водяному,
 Чтобъ онъ даровалъ имъ богатый уловъ;
 Причемъ у коня заплетается грива
 Въ косички и въ ленты; какъ древней порой,
 Въ священный часъ жертвы, ему обливають
 Всю голову медомъ и солью.

Весной

Микула ждетъ срѣтенья Мѣсяца съ Солнцемъ.
 Со дня самыхъ первыхъ морозовъ, они
 Расходятся порознь, въ далекія страны;
 Но только паступать весенніе дни,
 Встрѣчаются вновь, и тогда сообщаютъ,
 Другъ другу, гдѣ были, что видѣли тамъ.

Нерѣдко ихъ встрѣча доходить до ссоры;
А ссора кончается, по временамъ,
Ужасною бурей и землетрясеньемъ.

А праздники?—Святки, зеленый Семикъ,
Иль встрѣча Весны, день Ивана-Купалы,
Святой Коляды, раздаванье ковригъ
И разныхъ печеныхъ животныхъ изъ тѣста;
Ильбинъ день, — Перуній, — Флора и Лавра, —
Семень день, — Русалья педѣля, — Ярила, —
Великій Петровъ-день, когда изугра
Микула столь ставитъ *обѣтный*, — Кукушки, —
Задушны поминки, — родная краса,
Свѣтъ-Масляница, отъ трехъ матушекъ дочка,
Всѣмъ бабушкамъ внученька, руса коса,
Бумажное тѣльце, перепелъи костки,
Сахарны уста?—Иль великъ день Покровъ,
Когда въ міръ-народъ готовятся свадьбы;
А онъ наблюдаетъ, сынъ древнихъ боговъ,
Родной ему мѣсяцъ и слушаетъ звѣзды?

Чигарь-звѣзда ¹⁾ счастье приносить ему;
Сахаръ-звѣзда ²⁾ служить въ пути звѣроловамъ.
Въ *Утиномъ мѣздѣ* ³⁾ нѣтъ пути никому:
Живетъ въ звѣздѣ этой нечистая сила.
Китачи, —⁴⁾ на этой планетѣ живутъ
Такіе же люди; но меньше насъ ростомъ.
Они то и дѣло по небу бѣгутъ,
Верстъ тысячу въ часъ, въ золотыхъ колесницахъ.
Внутри *Становища* ⁵⁾, — въ звѣздѣ-*Колесѣ* ⁶⁾
Желтзномъ, — посажены злые татары.
Вокругъ звѣзды этой, подобно росѣ,
Сверкаютъ, какъ будто, молочныя капли;
Татарка кормила дитя молокомъ, —

¹⁾ Венера.

²⁾ Медвѣдица.

³⁾ Плеяды.

⁴⁾ Орионовъ поясъ.

⁵⁾ Млечный путь.

⁶⁾ Арктической поясъ.

Съ тѣхъ поръ эти капли таѣ тамъ и остались.

Двѣици зори, ⁷⁾ что краснымъ пятномъ
Сіяютъ такъ ярко внизу Становища,—
Здѣсь нѣкогда жили три вѣщихъ сестры,
Проклятыя богомъ; ничто ихъ не брало,—
Однако взяла смерть свое; съ той поры
Онѣ и пылаютъ на небѣ Зорями.

Маньякъ ⁸⁾ назывался встарь бѣлымъ путемъ;
Опъ падаетъ на домъ, гдѣ втайнѣ дѣвица
Утратила стыдъ свой, или надъ дворомъ,
Гдѣ мужу съ женой угрожаетъ разлука.
Въ отсутствіи этихъ несчастныхъ мужей,
Маньякъ принимаетъ нерѣдко ихъ образъ;
По мнѣнію также бывалыхъ людей,
Подъ видомъ Маньяка блуждаютъ по небу
Проклятыя души.

До сихъ еще поръ

Микула приноситъ кровь кочета въ жертву.
А слазъ, лихоманки, чума или моръ,
Коровія смерть, или древній обычай
Опахивать села?...

Спросите его:

Отколь у насъ греча?—Жила прежде греча
Прекрасной царевной, и было всего
У ней въ изобильи. Жила она въ холѣ;
Потомъ полонили татары ее.
Шла разъ чрезъ орду ихъ старушка. Царевна
Открыла старушкѣ несчастье свое,
Въ какой она нуждѣ и тяжелой работѣ.
Старушка рѣшилась помочь сиротѣ;
Она обернула младую царевну
Гречишнымъ зерномъ, и въ своей калитѣ
Ее принесла въ нашу русскую землю.
У насъ, на Руси, схоронила зерно

⁷⁾ Три звѣзды возлѣ Млечнаго пути.

⁸⁾ Падающія звѣзды.

Она въ чистомъ полѣ; зерно пошло къ росту,—
 Повѣяли вѣтры,—и стало оно
 Съ тѣхъ поръ распложаться по всей землѣ русской.

Но въ чемъ всего больше Микула хранить
 Свой древній характеръ; то это въ обрядахъ
 Торжественныхъ свадьбы. Тутъ весь его бытъ
 Вполнѣ выступаетъ старинный. Въ то время
 Онъ вновь глава рода, владыка земли;
 Его окружаетъ почетный дворъ княжій:
 Какъ старшему въ родѣ, ему всѣ свои.
 Онъ дѣлаетъ смотръ и даетъ *нарѣканье*
 Избранной невѣстѣ; собираетъ *нарядъ*,
 Изъ тысяческихъ, дружекъ, отцовъ посаженныхъ,
 Бояръ и боярынь... На все тутъ обрядъ
 И древній обычай. Сперва канунъ свадьбы;
 Потомъ, размѣщенье столовъ для гостей,—
 Чертожное мѣсто, постель, вады съ хлѣбомъ,
 Особья яства въ теченіи тѣхъ дней,—
 Куря, перепеча, лапша, короваи.....
 Торжественный выѣздъ къ вѣнцу жениха,
 Торжественный выѣздъ изъ дома невѣсты,
 Чесанье волосъ ей..... Какъ жизнь ни плоха,
 Но въ свадьбу Микула уберетъ грошъ послѣдній!
 Затѣмъ, брачный поѣздъ, невѣстинъ покровъ,
 Плетенье косы ей, и поѣздъ обратный,
 Гостей столованье, принятые даровъ,
 Отдача невѣсты въ сѣнникъ,—тамъ кормленье,
 Пиръ княжій, подарки,—дары молодымъ,
 Дары поѣзжанамъ, пиры отдаренья.....
 Будь даже Микула владыкой земнымъ,
 Не могъ бы Микула честнѣй справить свадьбу!
 И былъ бы онъ, вѣщій Микула, богатъ,—
 Когда бъ не послалъ Богъ лихую Недолю.
 Его не одинъ ждетъ нетронутый кладъ.....
 Однажды застрянулъ въ Микуловомъ лаптѣ
 Цвѣтъ - папоротникъ; онъ тогда увидалъ
 Такой яркій блескъ отъ схороненныхъ кладовъ

Что обмеръ отъ дива. Но онъ затерялъ
 Цвѣтъ этотъ волшебный, — и клады исчезли.
 Но всѣ эти клады ждутъ только его;
 Онъ ихъ настоящій, древнѣйшій хозяинъ.
 Пускай у него нѣтъ пока ничего;
 Но въ темномъ грядущемъ, — кто знаетъ, что будетъ!

Событъя затерли его въ мракъ глухой;
 Онъ тамъ и остался. Тамъ мѣръ его древнѣй.
 Но мѣръ нашъ гражданскій — Микулѣ чужой.
 Онъ вѣрнѣе царю — государю, да Богу;
 Что Богъ, то и царь ему выше всего;
 Царь — красное Солнце, царь — свѣтъ его ясный,
 Царь милостивъ въ людямъ и любитъ его;
 Царь любитъ его, какъ отецъ своихъ дѣтокъ,
 И многое бѣ сдѣлалъ на благо ему:
 Но князи, бояре стоятъ между ними.....
 Извѣстное дѣло, царю одному
 Нельзя усмотрѣть все, — они къ царю ближе ¹⁾!

Микула нашъ помнить, себѣ не въ укорь,
 И Гришку-Растрижку, и дни междуцарствья,
 И славный Московскій народный соборъ
 Царя Алексѣя. Онъ помнить, какъ шелъ къ намъ
 Король Свицкій Карлусъ. Онъ помнить Петра,
 И матушку славную Еватерину.
 Пожарскій, Скопинъ-князь, — вся эта пора
 Ему безвѣстна. Не мало онъ знаетъ
 И новыхъ славнѣйшихъ боярскихъ именъ,
 И вѣрную службушку ихъ Государю..... ²⁾
 Но вся наша слава родимыхъ знаменъ,
 Весь блескъ страны новой, ему какъ чужие.

Блескъ этотъ Микулѣ не дешево сталъ;
 Онъ внесъ эту славу на собственныхъ плечахъ;
 За эту онъ славу бѣднѣлъ и страдалъ;
 Она покуналась на вѣсь его крови;
 Послѣднй свой грошъ на нее онъ давалъ;
 А чѣмъ эта слава его наградила?

Какую отраду внесла въ его быть?
 Насколько неволю его облегчила?
 Но вѣщій Микула про это молчить;
 Онъ знаетъ что войны не дешево стоить;
 Не смѣй никто тронуть его край святой;
 А тронуль, — умретъ онъ, но края не выдасть.
 И кто жь одолѣетъ его край родной?
 Извѣстно, — святымъ онъ зовется издревле.

А край между тѣмъ подвигался впередъ!
 Другія сословья его развивались;
 Во тѣмъ оставался одинъ лишь народъ, —
 Сословная рознь разрасталась все шире.
 Мы знаемъ, одна дочь Микулы была
 За княземъ Добрыней, другая за Ставромъ;
 Но связь ихъ родства съ той поры не могла
 Продлиться повнѣ. Одна, какъ княгиня,
 Жила и живетъ при блестящемъ дворѣ;
 Другая, боярыня, — больше въ деревнѣ.
 Онъ позабыли о третьей сестрѣ,
 О древнемъ Микулѣ.

Въ старинное время,
 Блистали онѣ благочестьемъ своимъ,
 Строенымъ церквей и обителей Божьихъ,
 Примѣрною жизнью, рвениемъ благимъ
 Къ святителямъ церкви. Въ Петровское время,
 Упорно держались онѣ старины;
 Но мало по малу, и ихъ охватило
 Нашествіе новшествъ въ бытъ русской страны.
 Узнать ихъ однако не трудно и нынѣ;
 Тотчасъ же видна въ нихъ Микулина кровь;
 А въ строгой красѣ ихъ, — его вѣщій образъ.
 Онѣ и теперь родовую любовь
 Питаютъ къ семьѣ и къ роднѣ самой дальней.
 Одна украшаетъ достойно собой
 Почти каждый подвигъ въ дѣлахъ милосердыя;
 Другая извѣстна хозяйкой большой,
 И править и мужемъ, и мужней деревней.

Бояринъ Ставръ служить, и много ѣзжалъ;
Но онъ еще помнитъ сырые подвалы,
Свѣтъ краснаго-Солнца,—и онъ либераль.

Теперь далеко до ихъ круга Микулѣ;
Межь ними воздвигся давно цѣлый міръ.
Онѣ благородны, богаты и сильны;
Онѣ темень, безвѣстенъ, и бѣденъ, и сирь:
Онѣ даже былъ рабъ ихъ... Разрывъ межъ нихъ полный!

Но пусть онъ такъ низко палъ въ краѣ родномъ,
Пусть онъ затертъ, замкнутъ отъ всякаго свѣта;
Онъ тотъ же глава въ міръ-народѣ своемъ,—
Въ томъ мірѣ старинномъ, гдѣ онъ самъ хозяинъ,
Гдѣ все и доступно, и близко ему;
Откуда мы слышимъ лишь скрипъ его сошки,
Хотя не замѣтенъ почти никому
Его настоящій, дѣйствительный образъ.
Онъ тамъ,—въ средѣ самой надломленныхъ силъ;
И тамъ онъ порой—тотъ же вѣщій Микула.
Пусть все измѣнилось; но онъ сохранилъ
Въ себѣ свой міръ прежній, и въ немъ остается
Онъ такъ полонъ вѣры въ свой жребій святой,
Онъ такъ уважаетъ свой трудъ, міръ народный,
Что будетъ всегда жить съ той мыслью благой,
Что имъ да царемъ лишь край держится русский.

Какъ онъ переноситъ, Микула родной,
Судьбу свою злую,—кому въ этомъ дѣло!
Но онъ переноситъ. Онъ тянетъ свой гужъ,
Какъ тянетъ на Волгѣ бурлакъ свою лямку.
Взялся за нее, —не кричи, что не дюжъ;
За то, и онъ самъ весь, и въ немъ все—терпѣнье.
Та лямка—неволи, та лямка,—нужда!
И онъ себѣ тянетъ нужду и неволю;
Не тронь его только терпѣнья,—бѣда!
Тогда онъ покажетъ старинную силу.

Но сколько жъ и гибнетъ вокругъ него силъ
Полезныхъ,—и, можетъ, громадныхъ талантовъ!
А что ему дѣлать?—Самъ край осудилъ

Великую ниву свою на бесплодь.

Мы ждемъ только сверху полезныхъ людей;
А тѣ миллионы для насъ миръ отдѣльный,
Почти миръ безличнй, животныхъ, звѣрей;
Мы имъ лишь подводимъ итогъ, — и довольно!
Они для насъ только бюджетъ годовой,
Живая казна и запасы для войска. *)

Поборники свѣта видають порой,
Какъ будто подачку народному миру,
По школѣ на округъ, — и мыслять себѣ,
Что сдѣлано все для его просвѣщенья;
А онъ самъ оставленъ бездольной судьбѣ,
И даже не смыслить: къ чему ему знанье?

Мы сверху чуть слышимъ тамъ голосъ его;
А видимъ одно лишь туманное море
Труда и заботъ, и затѣмъ, — ничего!
Но голосъ тотъ древле гремѣлъ отъ Полночи
До дальняго Юга; то море собой
Издавна покрыло треть цѣлой Европы;
Изъ волнъ его выплылъ край самый большой, —
И сталъ государствомъ. Тѣ бурныя волны
Досель устояться еще не могли;
Но грозный прибой ихъ растеть все слышнѣе.....
Мы мыслимъ, что все въ этихъ безднахъ прочи;
Но также и здѣсь есть на днѣ свой тайны,
И эта глухая пучина труда,
Труда и терпѣнья, — живетъ также, мыслить,
И ждетъ времянь лучшихъ.

Мы зримъ иногда
Разгулъ полудикій потомковъ Микулы;
Мы слышимъ порою глухой его стонъ;
Мы чувствуемъ горечь его грустной пѣсни,
Широкой, раздольной, какъ русскій нашъ край;
Мы знаемъ, по разнымъ роднымъ поговоркамъ,

*) Разумѣется, это относится къ прошедшему времени, когда не было ни обязательной для всѣхъ воинской повинности, ни земства, ни другихъ общепольныхъ современныхъ преобразований, ко благу народа.

Его здравый умъ, мы порой, невзначай,
 Спускаемся въ омутъ его горькой жизни,
 Гдѣ все такъ печально, невзрачно, темно,—
 Чтожъ нашъ образованный разумъ тамъ видитъ?
 Заглохшія воды,—нечистое дно;
 Межъ тѣмъ, тамъ одна только наша неправда..!

Но онъ и самъ въ притчѣ расскажетъ простой,
 Какъ царь, по совѣту бояръ, впустилъ Кривду,
 Обмѣривъ Микулу, боярской рукой,—
 За добрый совѣтъ своей царской наградой;
 Микула стерпѣлъ; но съ той самой поры
 Священная Правда сокрылась на небо;
 А Кривда осталась. 3)

Какіе дары

Природа издревле дала землѣ русской!...
 Но въ силахъ ли онъ дары эти добыть?
 Нѣтъ, надо на это побольше знанья.
 Да смѣетъ ли онъ и богатымъ прослыть?
 Его оберутъ,—онъ впередъ это знаетъ.
 За то его дѣтки и пашутъ, и жнутъ,
 И дѣлаютъ все черезъ пень да колоду;
 И пѣсню сложили про то, и поютъ
 Ее по всей Руси,—печальную пѣсню:

«Ты крапива ли, крапива, зла-трескучая,
 «Одолѣла ты, крапива, поле чистое;
 «Что ни конному ни пѣшему пройтись нельзя,
 «Что ни мнѣ ли, добру молодцу, пробѣхати.»

Порою и онъ самъ, Микула родной,
 Смѣясь надъ злосчастной своею судьбиной,
 Надъ вѣщею силой своею былой,—
 Порою и онъ самъ, вамъ въ шутку расскажетъ,—
 «Какъ былъ въ полѣ онъ съ шалыгой подорожною:
 «Глядитъ счету нѣтъ на кобылкѣ слѣпней,
 «И жужжать мухи, комары-разбойники...
 «Стегнулъ по боку онъ кобылеу богатырскую,
 «Убилъ съ разу и безъ смѣты ихъ;
 «Ударилъ въ другоредь,—убилъ сорокъ слѣпней.»

«Взялъ ихъ всёхъ, сложилъ въ кучу, и думаетъ:
 «Вѣдь я въ одинъ взмахъ убилъ сорокъ богатырей,
 «А мелкой-то сошки и смѣты нѣтъ.
 «Вотъ я каковъ! Богатыремъ сталъ!»

И все-таки, мѣръ тотъ печальный, глухой,
 Милѣ ему, чѣмъ нашъ мѣръ просвѣщенный,
 Нашъ мѣръ настоящій! Тотъ мѣръ ему свой;
 Микула издревле въ немъ полный хозяинъ;
 А мѣръ просвѣщенный,—что далъ онъ ему?
 Какою наукой развилъ его разумъ?
 Къ кому онъ прибѣгнетъ, Микула, къ кому,
 Чтобъ выдти изъ мрака на свѣтъ ему Божій?
 Какой высшей пользой его привлекутъ
 Изъ тьмы, гдѣ онъ свылся, на этотъ свѣтъ вольный?..
 Онъ знаетъ, какъ вольныя птицы живутъ,
 И какъ имъ придется жить, можетъ быть, долго!

«Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
 «Всѣ птицы у насъ при работѣ,
 «И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.
 «Пѣтухи поютъ по сараямъ,
 «Курицы поютъ по фатерамъ.
 «Курица у насъ побѣдная птица»...

«А на морѣ на Дунаѣ,—
 «Тамъ ворона богатая птица;
 «Весной летаетъ по суслонамъ;
 «По деньгѣ суслонъ продаваетъ.
 «Будетъ она по задворкамъ летать,
 «Русскимъ птицамъ голосъ подавать:
 «Какъ будутъ—люди—тѣ обѣдать,
 «Какъ стануть нищи по подоканью бѣгать;
 «Холодныхъ шей не хлѣбали,
 «И горячихъ вѣкъ не видали»... 4)

Такъ онъ самъ смѣется надъ горькой нуждой;
 Но это смѣется въ немъ мощная сила!

Пускай потрудится угодникъ иной,
 Какъ трудится онъ, непосѣдный Микула;
 Пускай угодить онъ молитвой своей,

И жизнью постной, и въ землю метаньемъ,
И сдѣлаеть столько-жь на пользу людей, —
Какъ Богу угоденъ и людямъ полезенъ,
Рабочій Микула!

Жилъ нѣкій святой,

И былъ онъ такъ святъ и угоденъ предъ Богомъ.
Что разъ онъ въ пустынѣ воткнулъ жезлъ сухой,
И жезлъ далъ листы и покрылся цвѣтами;
Какъ слышитъ однажды гласъ ангела онъ,
Что святостью выше его Селянинычъ.
«Какъ это возможно! День каждый и часъ
Молюсь и тружусь я въ безмолвной пустынѣ;
А онъ меня выше? подумаль святой.
Не вижу я кровныхъ, ни женскаго пола;
А онъ живетъ въ мирѣ, съ своею женой;
Пожалуй, не часто бываетъ и въ храмѣ.
Пойду, попытаю!»

Идетъ онъ и зреть:

Простой мужичекъ, — такъ себѣ, — пашеть пашню.
«Богъ въ помощь! «пустынникъ ему говорить.
— «Спасибо! Присядь-ка! мужикъ отвѣчаетъ.
Съ дороги усталъ, чай?» А самъ все ведетъ
Бороздку къ бороздкѣ, по чистому полю.
Присѣлъ нашъ пустынникъ. Не малый походъ
Сломаль онъ; но старцу и въ умъ не приходитъ,
Что это и есть Селянинычъ. «Нѣтъ, свѣтъ,
Устать не усталъ, возражаетъ; а время,
Пожалуй, обѣдать». — «Какой-ста обѣдь!
Нѣтъ, отче, обѣдать теперь еще рано» —
Микула на это ему говорить.
Межь нихъ завязалася скоро бесѣда, —
А онъ, мужичекъ, все бороздки чертить.
«Теперь, кажись, время?» пождавъ, сказалъ старецъ.
«И то еще рано!» — Микула въ отвѣтъ;
А самъ себѣ пашеть тихонько, да пашеть!
Пождалъ еще старецъ: «Теперь время, свѣтъ!»
Онъ въ третій ужъ разъ про обѣдь начинается.
«—Пожалуй, теперь-ста и близокъ тотъ часъ!

Часть II.

Промолвилъ Микула. Еще вотъ немножко!
 Дай кончить обѣдню; отслужать, какъ разъ.»
 «—Какую обѣдню?» святой вопрошаетъ.
 —«А вотъ, отвѣчаетъ Микула родной,
 Ступи-ка мнѣ, отче, на правую ногу,—
 Узнаешь.» Ступилъ онъ,—и слышитъ святой,
 Гудить звонъ церковный по цѣлому небу.
 Напалъ на него инда-ужась. «Охъ, свѣтъ,
 Что это такое?»—спросилъ онъ.—«Ты слышишь,—
 Отходить обѣдня на небѣ»...въ отвѣтъ
 Ему объясняетъ, творя крестъ, Микула.
 «Теперь и намъ людямъ обѣдать пора!»
 Онъ сѣлъ возлѣ старца, и стали обѣдать.
 Извѣстно, что было съ Микулой съ утра,
 Того и поѣли. Микула убрался,
 Съ часокъ отдохнулъ, и, встряхнувшись, пошелъ
 Допахивать поле. Задумался странникъ,
 И больше ни слова.

Микула привелъ

Его къ себѣ въ избу, поужиналъ съ гостемъ,
 Потомъ помолился, и легъ спать съ женой.
 Въ переднемъ углу помѣстился и старецъ.
 Когда утромъ встали: «Скажи мнѣ, родной,
 Спросилъ онъ, почто такъ Господь тебя любить?—
 Живешь, какъ и всѣ, ты, и спишь ты съ женой;
 А Богу угоденъ?»—«Чѣмъ мнѣ быть угоднымъ?—
 Сказаль Селянинычъ. Не лучше людей!
 Господь не насъ любить, а любить онъ трудъ нашъ.
 Тружусь вотъ и я, своль есть силы моей...
 А что на мою ты постелю все смотришь?
 Ты вотъ полежи-ка, попробуй, на ней—
 Тогда и узнаешь!»..... Взглянулъ святой старецъ,
 И видитъ, въ постели все гвозди торчатъ.
 —«Что? Видѣлъ?—У старца спросилъ Селянинычъ,—
 И знай, какъ крестьянуши съ женами спать.
 А ты жену бросить мнѣ что-ли прикажешь?
 Не Богъ меня развѣ съ женой сочеталъ?

Вотъ, ты и подумай.»—

«По истинѣ чудно!

Смотрю, и дивлюся!—святой мужъ сказалъ.

Какой же твой подвигъ угоденъ такъ Богу?

Я вотъ, дни и ночи поцусь и молюсь;

А ты меня выше». — «Не вѣдаю, право,

О чемъ ты толкуешь. Я день весь тружусь,

И въ томъ весь мой подвигъ!» отвѣтилъ Микула.

Задумался больше еще мужъ святой—

И съ нимъ распрощался. Пошелъ Селяниничъ

На пашню; а что тамъ за подвигъ такой,

Про то и не мыслить ⁵⁾.

А онъ любить думаты!

Онъ съ древнихъ временъ созерцанье любилъ;

Въ немъ есть и еще сторона,—онъ сектаторъ...

Предъ нимъ мiръ исполненъ божественныхъ силъ;

Онъ вѣщее зрить въ самой буквѣ значенье.

Никто не сложилъ столько толковъ, какъ онъ;

Немного примѣровъ такого упорства,

Что онъ заявилъ съ самыхъ древнихъ временъ

Въ своихъ убѣжденьяхъ. Душевная вѣра

Ему драгоценнѣй и выше всего.

Подобно буддистамъ, онъ любить пустыню;

Святая молитва и постъ для него

Есть верхъ совершенства. Повсюду тѣснимый,

Онъ все не теряетъ надежды своей

Дожить до дней лучшихъ,—когда свѣтъ Господній

Сберетъ, просвѣтитъ и научитъ людей

Жить въ мирѣ-согласьи и въ братскомъ единствѣ.

Онъ вѣруетъ строго въ ученье свое,

И самъ проповѣдуетъ это ученье.

Онъ отдалъ земное свое бытiе

На жертву врагамъ и гонителямъ лютымъ;

Но онъ убѣжденъ,—дни другiе придуть,

И онъ воцарится тогда въ своемъ царствѣ.

Онъ все переноситъ—и голодъ, и кнутъ,

Воимя Христова; но онъ не проводитъ

Дни божіи праздно. Незримо снуютъ
 Апостолы, дѣтки его, средь народа;
 Они во всѣхъ селахъ, во всѣхъ городахъ...
 Его богатырскій міръ также не умерь, —
 Одни развѣзжаютъ въ раздольныхъ степяхъ,
 И тамъ заявляютъ себя въ разныхъ видахъ;
 Другіе спятъ въ дальнихъ, высокихъ горахъ,
 И ждуть только дней тѣхъ, когда воцарятся
 Въ странѣ свѣтъ и правда, — тотъ вѣкъ золотой,
 Когда не подыметъ руки братъ на брата,
 И больше нигдѣ, въ странѣ нашей святой,
 Не будетъ для хищнаго ворона пищи. 6)

Микула недавно еще былъ рабомъ,
 Но онъ завсегда жилъ надеждой безсмертъя
 Лишь это одно служить можетъ ключемъ
 Къ его, непонятному многимъ, терпѣнью.
 Какихъ не бралъ мѣръ онъ, — а что приобрѣлъ?..
 И общее бѣгство, и бунтъ, и насилье,
 И даже юродство, и дикій расколъ,
 И самосозженье..... Все было напрасно!
 Сильнѣйшая сила сломила народъ, —
 И онъ покорился. Онъ вѣрить и знаетъ,
 Что рано ли, поздно-ль. его день придетъ;
 И слабый, и сильный, всѣ подъ Богомъ ходятъ...
 И онъ, Селянинъчъ нашъ, изстари ждетъ
 Послѣднихъ временъ и судилища Божья... 7)

«Загорится матушка сыра-земля,
 «Съ Востока загорится, до Запада,
 «Съ Полуденъ загорится да до Ночи,
 «И выгорятъ горы съ раздольями,
 «И выгорятъ лѣсы темные.
 «И сошлетъ Господь потопіе
 «И вымоетъ матушку сыру землю,
 «Аки харатью бѣлую,
 «Аки скорлупу яичную,
 «Аки дѣвицу непорочную.
 «И сойдетъ Михаилъ-архангелъ батюшко,
 «Вострубитъ въ трубоньку злогоу!..

«И пойдутъ гласы цо всей землѣ,
«Соберутся живые и мертвые...»

Онъ ждетъ земли новой, ждетъ тысячи лѣтъ,—
И будетъ все ждать онъ, пока не узнаеть,
Что новую землю ему дастъ лишь свѣтъ;
Безъ свѣта жь,—все жить на землѣ ему прежней!

Но долго ль придется ему ожидать?
Для насъ каждый вѣкъ — переходное время:
Едва начинается вѣкъ новый свѣтатъ,
Тотчасъ вѣкъ минувшій зовутъ вѣкомъ старымъ.
Мы новый вѣкъ чувствуемъ тоже давно;
Для насъ, можетъ, также—последнее время...
Не мало намъ знаменій видѣтъ дано!....
Былыя свѣтила, померкнувъ, слетають,
Какъ блеклыя листья съ иссохшихъ деревь;
Старинное небо, какъ ветхая риза,
Свивается въ свитокъ; прошелъ вѣкъ боговъ;
Во всѣхъ сердцахъ зрѣеть невольное чувство,
Что тьма миновала,—приходить весна!
Весна—воскресенье уснувшей природы;
Весна—пробужденье отъ лѣни и сна;
Весна—свѣтъ, веселье, свобода вселенной;
Весна—возрожденье людей и земли!..
Пускай еще рыщутъ раздоръ и насилие,
Пускай война мечетъ перуны свои,
Пускай торжествуетъ кулачное право:
Все это должно быть въ послѣдніе дни;
Но съ этимъ приходять и дни обновленья.....

Такъ въ самомъ исходѣ холодной зимы,
Когда ужъ пахнуло тепломъ благотворнымъ,
И въ мертвое царство морозовъ и тьмы
Съ небесъ проглянуло весеннее солнце,—
Угрюмый туманъ еще долго виситъ
Въ напитанномъ влагою, морѣ воздушномъ.
То мокрый снѣгъ хлопьями, то дождь мороситъ
По голымъ полямъ, по безмолвнымъ деревнямъ.
Еще духи вьюжныхъ, холодныхъ ночей

Неистово воютъ надъ мирнымъ жилищемъ;
 Разстаться не хочется съ шубой своей
 И съ теплою печкой; еще въ темный вечеръ
 Во мглѣ избы дымной лучина трещить,
 Свѣта зимнимъ пряхамъ, ночнымъ шерстобитамъ,
 И диво песь воетъ, и злобно рычить,
 Почуявъ присутствье голоднаго волка;
 Еще дуетъ стужей и мглою сырой
 Изъ голаго лѣса и степи пустынной.....
 Но небо ужъ блещетъ веселой весной;
 Поля почернѣли, согрѣтыя солнцемъ,
 Вода проступаетъ сквозь ледъ голубой;
 Кой-гдѣ ужъ щебечетъ незримая птичка;
 Полдневное солнце, то вдругъ разорветъ
 И ярко освѣтитъ ползущія тучи, —
 Тепло такъ, отрадно, сквозь нихъ, обольеть
 Златыми лучами деревню и поле, —
 Съ лазурнаго неба на землю пахнетъ
 Весеннею, свѣжей, живящею силой;
 То солнце и небо закроютъ опять
 Свинцовыя тучи; стучить крупа въ окна;
 Опять все померкло, ни зги не видать, —
 Пошелъ снѣгъ и холодъ, — мертвящая стужа.
 Но все-таки это весна ужъ, — весна!
 За этимъ туманомъ и холодомъ, — лѣто.
 Проснись, земледѣлецъ, отъ зимняго сна!
 Бросай, лежебока, пуховое ложе!
 Вставай, народъ вольный, готовься къ трудамъ!
 Весна у воротъ ужъ, она не замедлитъ....
 Смотри, вонъ пробилась ручьи по полямъ,
 Зеленая травка сверкаетъ на солнцѣ,
 Листокъ зеленѣть началъ въ голыхъ лѣсахъ,
 Запѣла овсянка, мычатъ стада въ полѣ,
 Веселое солнце блеститъ въ небесахъ,
 Все ожило, — всюду раздолье, рай Божій,
 Свобода!....

Неужли Микула одинъ

Не чувствуетъ этой весны возрожденья?

Чего-жь еще ждешь онъ, чтобъ всплыть изъ пучинъ
 Кромешнаго мрака, принять скорѣй образъ
 Живой человѣка?—Иль онъ намъ чужой?
 Иль всѣ христіяне, предъ Богомъ, не равны?
 Иль онъ гражданинъ лишь той жизни иной?..

Ты слышалъ, Микула, торжественный голосъ,
 Не то человѣка, не то божества:
 «Возьми, скорбный одръ твой, и будь здоровъ, Микула!
 Нѣтъ болѣе рабства!» Ты ждалъ торжества,
 Ты ждалъ новыхъ дней,—вотъ они: ты свободенъ!

О слава Тебѣ, показавшему свѣтъ!
 Осанна, владавцу во имя Господне!
 Встанетъ новый міръ,—въ изумленіи свѣтъ,—
 Ликуетъ народъ,—торжествуетъ край русскій...
 Что это за время?... Что это за дни!...
 Что было! Что будетъ?... О горе умершимъ,
 О радость живымъ! Да воспрянуть они,—
 Предсталъ юный царь—и край цѣлый воскреснул...

Послѣднее время! Міръ новый вкругъ насъ.
 Тотъ міръ, гдѣ живемъ мы, гдѣ жили понинѣ,—
 Тотъ міръ исчезаетъ, уходитъ изъ глазъ;
 Самихъ насъ уносить куда-то теченьемъ.
 Иной кругъ небесный, иная земля
 Насъ ждуть въ неизвѣстномъ еще отдаленіи;
 Иные и люди, событъя, края,
 Всплываютъ изъ мрака. Мы видимъ на небѣ
 Зарю небывалыхъ, чудесныхъ временъ;
 Онѣ илутъ сами къ намъ прямо навстрѣчу.
 Все ярче и ярче блеститъ небосклонъ,
 И съ каждымъ движеніемъ свѣтлѣе дорога.
 Мы явственно слышимъ грядущаго гласъ;
 Мы чувствуемъ духомъ тотъ міръ необъятный;
 Онъ плещетъ оттуда, онъ вѣетъ на насъ
 Своимъ обаяньемъ; онъ ждетъ насъ, міръ новый...
 Борьба, ожиданье чего-то кругомъ,—
 За нами, предъ нами, по цѣлой вселенной;
 Борьба въ каждомъ сердцѣ и духѣ живомъ;

Борьба, ожиданье, по цѣлому свѣту.
 Мы въ самый ударились водоворотъ, —
 Между двухъ міровъ, какъ между двухъ теченій;
 Который изъ нихъ насъ съ собой унесетъ?
 Откуда раздастся: пришло наше время!..
 О птички, надежды, златыя мечты!
 Что вы намъ поете за сладкія пѣсни!
 Зачѣмъ онѣ полны такой красоты?
 Сирены! Бѣда. васъ заслушаться людямъ...

Такъ я, еще весь подъ наитьемъ святымъ
 Великихъ дней этихъ, столь явственно полныхъ
 Высокимъ значеньемъ своимъ мировымъ,
 Леталъ окрыленной мечтою въ грядущемъ.
 Она рисовала мнѣ много картинъ, —
 Прекрасныхъ картинъ, что лишь только рисуетъ
 Мечта, — сей художникъ, артистъ-исполнѣ,
 Въ счастливыя наши, златыя минуты
 Сердечной отрады. Мнѣ въ душу сіялъ
 Свѣтъ ясный, тогда еще новаго утра;
 Какъ вдругъ предо мною неожиданно предсталъ
 Мой старый пріятель. Всѣ близкіе звали
 Его Ставръ Годиничъ⁸⁾.

Былъ вечеръ. Я зналъ что пришелъ онъ ко мнѣ,
 Чтобъ мнѣ возвѣстить о торжественномъ вѣздѣ
 Въ Москву нашихъ братій-славянъ, — что вполне
 Мнѣ было извѣстно. Но Ставръ нашъ Годиничъ
 Живетъ весь въ грядущемъ. Его умъ рѣшалъ
 Впередъ міровыя задачи вселенной;
 Поэтому часто онъ, Ставръ, забывалъ
 Про то, что творилось у всѣхъ предъ глазами.
 Любилъ онъ похвастать искусствомъ своимъ, —
 Провидѣть что будетъ; любилъ похвалиться
 Грядущимъ значеньемъ, высоко-благимъ,
 Земли нашей русской. Въ немъ живъ былъ бояринъ
 Дней прежнихъ, — когда тотъ хвалился женой,
 Широкимъ дворомъ и богатымъ хозяйствомъ;
 Онъ зналъ, что за этотъ порокъ родовой,

Теперь не сажаютъ въ сырые подвалы;
И былъ вполне счастливъ.

«Вотъ такъ! Снова спать!

Вскричалъ Ставръ Годиновичъ, сжимая мнѣ руку.
Спи, спи, мой голубчикъ! А сила валить,
А сила стучится въ ворота и въ двери.
Свѣтъ хлещетъ къ намъ въ окна!»

— Какой теперь свѣтъ?

Давно уже вечеръ! — сказалъ я съ улыбкой.

«Ну, ври ты себѣ! А мнѣ времени нѣтъ
Съ тобой бить баклуши. У насъ кипитъ дѣло»...
Онъ, шумно усѣвшись на стулъ, продолжалъ.

— Я знаю, сказалъ я. Приѣхали братья
Славяне въ Москву къ намъ! — 9)

«А ты ихъ встрѣчалъ?»

Вскричалъ онъ съ досадой. Приѣхали, точно!
Исполнился древній народный завѣтъ, —
Опять потянуло всѣхъ къ красному Солнцу;
Встаетъ міръ славянскій. Блеснулъ и намъ свѣтъ;
Прошло время спячки. Выходитъ изъ мрака
Вновь вѣкъ богатырскій, — народный нашъ вѣкъ,
Вѣкъ витязей русскихъ, полабскихъ, поморскихъ...
Воскресъ напоследокъ изъ тьмы человекъ,
И требуетъ дѣла»...

— Дай Богъ всѣмъ успѣха! —

Сказалъ я.

«И будетъ отнынѣ успѣхъ;

Для этого надо лишь дѣло и дѣло!

Кричалъ онъ. А дѣла теперь есть для всѣхъ».

— Не надо-ль при этомъ побольше свѣта?

Ему я замѣтилъ. Когда въ странѣ свѣтъ;
То лучше спорится и всякое дѣло. —

«Еще бы! А развѣ сказалъ я, что нѣтъ?

Воскликнулъ Годиновичъ. Теперь лишь міръ ожилъ,
Теперь лишь онъ полонъ значенемъ прямымъ,
И новымъ значенемъ, — своихъ младшихъ братьевъ,
Забывшихъ, тѣснимыхъ развитьемъ былымъ,

Но нынѣ возставшихъ на трудъ нашъ всемірный.
 Міръ прежде, по вѣрѣ широкой своей,
 Жилъ только надеждой,—и всѣмъ былъ доволенъ;
 Мы даже считали до нынѣшнихъ дней
 За самое зданье,—простые подмостки...
 Но нынѣ міръ видитъ, что онъ обиталъ,
 Совсѣмъ не въ палатахъ, а въ склепѣ могильномъ;
 А эти лѣса, что онъ зданьемъ считалъ,
 Лишь только лѣса,—но онъ зданья не видитъ.
 Затѣмъ и не вѣритъ онъ въ зодчихъ бывшихъ,
 Ни въ ихъ безкорыстье.....Онъ самъ набираетъ
 И новыхъ рабочихъ, и зодчихъ иныхъ,—
 И слушаетъ тѣхъ лишь, кого онъ самъ выбралъ.

«Міръ знаетъ, что мнѣнье и слово его
 Отнынѣ въ Европѣ—верховная сила;
 Что свѣтъ, человѣкъ—теперь выше всего,—
 И міръ себѣ ищетъ,—не слова, а дѣла.
 Онъ понялъ, что силой верховной своей,
 Одной этой силой онъ можетъ все сдѣлать,
 Иль многое, въ пользу грядущихъ людей,—
 И съ новою вѣрой трудится надъ дѣломъ,
 И смѣло идетъ онъ впередъ и впередъ.....
 Когда-жь это было»?.....

— Всегда это было,

Когда принимался за дѣло народъ,
 Народъ, приготовленный къ дѣлу!—сказалъ я.

«Но развѣ я противъ того говорю?
 Вскричалъ Ставръ Годиновичъ. Я развѣ съ тѣмъ спорю?
 Но съ этимъ я новую вижу зарю
 И въ нашемъ народѣ. И я теперь вѣрю,
 И вѣрить я вправѣ,—мы вѣрить должны,
 Что нѣкогда будетъ конецъ въ этомъ мірѣ
 Кромешному царству надъ нимъ Сатаны,—
 Ужасному царству вражды, деспотизма,
 Невѣжества, злобы, неправды слѣпой,
 Языческихъ, самыхъ нелѣпныхъ обрядовъ;
 Что нѣкогда стинетъ адъ этотъ земной, —
 И яркое солнце свободы и правды,

И свѣточъ науки собой озарять
 Темнѣйшія норы общественной жизни;
 Гдѣ все еще, къ горю живущихъ, кипать
 И дивы, и чудища древняго міра,—

Звѣри рыскачіе,
 Птицы клевучія,
 Змѣи шипучія...

Мы вѣрить должны, что отважный нашъ умъ,
 Что умъ нашъ безсмертный, умъ этотъ всемірный,
 Во слѣдъ за кѣмъ столько летитъ свѣтлыхъ думъ,
 И столько надеждъ, и сердечныхъ желаній,—
 Что онъ лишь вступаетъ на путь свой прямой,—
 На путь настоящій свой въ мірѣ научномъ,
 Гдѣ онъ блуждалъ прежде невѣрной тропой,
 Въ туманномъ преддверьи желаннаго свѣта;
 Что нѣкогда онъ, хоть съ трудомъ, но войдетъ
 Въ тайникъ, недоступный еще намъ, природы,
 Гдѣ, въ тьмѣ первобытной, его мирно ждетъ
 Нетронутый, цѣльный міръ чудныхъ сокровищъ;
 И онъ еще много ключей подберетъ
 Къ вратамъ этимъ темнымъ и крѣпкимъ затворамъ.
 И много оттуда въ науку внесетъ
 Высокихъ онъ истинъ и славныхъ открытій,—
 Открытій, что свѣтъ еще новый прольютъ
 На общество, міръ весь и трудное знанье,
 И тысячи новыхъ орудій дадутъ
 И способовъ самой наукѣ и жизни.

«И мы вправѣ вѣрить, мы вѣрить должны,
 Что этотъ свѣтъ новый, широкій, блестящій,
 Наитіе это всемірной весны,
 При дружномъ движеніи вездѣ просвѣщенья,
 Коснется, живящимъ лучемъ, наконецъ,
 И нашей великой страны, міръ-народа,
 Златой этой нивы, что дивный Творецъ
 Какъ бы сохраняетъ для двей отдаленныхъ,—
 Сей дѣвственной нивы еще до сихъ поръ,—
 Что зоркій взоръ нашихъ зиждителей прежнихъ
 Теперь лишь примѣтилъ,— не будь имъ въ укоръ!—

Гдѣ только пасется пока скоть домашній.
 Но время настанетъ, — всезидущій свѣтъ
 Соидетъ и на это забытое поле;
 Раздвинется сумракъ, что тысячу лѣтъ
 Держалъ въ неподвижномъ застоѣ Миклу;
 И въ общество хлынетъ міръ новыхъ людей,
 И новыхъ началъ, и зиждителей смѣлыхъ,
 Могучихъ потомковъ тѣхъ богатырей,
 Что древле очистили землю отъ чудищъ.
 То новое время въ туманѣ теперъ;
 Но скоро оно обозначится ясно;
 И тамъ, куда нынѣ замкнута намъ дверь, —
 Тамъ будетъ тогда всѣмъ свѣтло и отраднo!..

«Когда міръ земной, черезъ сколько вѣковъ,
 Какимъ онъ путемъ, тѣхъ дней славныхъ достигнетъ?..
 Все это зависить отъ нашихъ сыновъ
 И новыхъ событій. Но ветхій міръ конченъ.
 Царь міра снимаетъ котурны свои,
 Титаны сряжаютъ себѣ домовища,
 Родъ новый выходитъ изъ спавшей земли,
 И камни, и дерево, — подали голосъ.
 Никто не ждетъ больше отъ формы сухой
 Источника жизни; не ждетъ и отъ рабства —
 Малѣйшихъ успѣховъ иль силы живой.
 Въ нашъ вѣкъ богатство для насъ, — мысль и дѣло;
 Другой богатырскою теперъ силы нѣтъ.
 Нашъ вѣкъ доказалъ, что его сила въ свѣтѣ;
 Нашъ вѣкъ убѣдился, что ежели свѣтъ
 И свѣтитъ въ народы и въ общества, сверху;
 Но ключъ силъ народныхъ и жизни родникъ
 Лишь бьютъ изъ народа, изъ той страшной бездны,
 Гдѣ Богъ отразилъ, не теоріи книгъ,
 Но Свой вѣчный образъ.

«Да, ветхій міръ конченъ!

Его лицедѣи бѣгутъ изъ всѣхъ странъ.
 Чудовища тьмы! Плоть безъ духа! Иные
 Еще не успѣли съ себя смыть румянъ
 И сбросить вѣсны и мишурныя тоги...

Въвъ празднествъ закрылся. Померкла жена
 На звѣрѣ червленномъ, въ висонѣ и златѣ,
 Что долго была до безумья пьяна,
 Отъ крови святыхъ и свидѣтелей божьихъ.
 Паль, паль, Вавилонъ, сей градъ оргій ночныхъ,—
 Сей градъ любодѣйства и всякихъ пороковъ,—
 И проклять отъ всѣхъ онъ народовъ земныхъ:
 Затѣмъ, что цари съ нимъ вели любодѣйство;
 Затѣмъ, что купцы,—отъ избытковъ однихъ
 Богатствъ его, стали теперь богачами;
 Затѣмъ, что давилъ онъ всѣхъ гнетомъ своимъ ¹⁰⁾.

«Невидимый ангелъ судебъ новыхъ міра
 Паритъ съ длинной цѣпью по царствамъ земнымъ,
 По всѣмъ слоямъ обществъ, высокимъ и низкимъ;
 То Гласность! Небеснымъ арканомъ своимъ
 Она увлекаетъ послѣднихъ чудовищъ...
 То вѣщая Гласность! Ты поцѣлъ меня?
 То наше живое, свободное слово!
 Свободное слово,—бичъ мрака, царь дня,
 Народное наше свѣтъ-красное Солнце,
 Нашъ кличъ богатырскій...

«Загорается матушка сыра-земля,—
 «Трубить труба Михаила Архангела...»

— Пстой! я сказалъ.

Ты, кажется, въ царство зашелъ хиліазма?
 Отважный, заносчивый твой идеалъ
 Достигнулъ до тысячелѣтняго царства.
 Ты, стало быть, вѣришь въ него,—или нѣтъ?
 Ты вырази свои ожиданья яснѣе!
 Вѣдь ты не раскольникъ? ¹¹⁾—

«Я вѣрую въ свѣтъ!

Я вѣрую въ каждый успѣхъ всенародный!
 Воскликнулъ Ставръ, съ явной досадою опять.
 Я вѣрю и вижу, что страны земныя
 Со дней христіянства не движутся вспять, —
 И въ этомъ—великій залогъ намъ въ грядущемъ.
 Я знаю, что каждый народный успѣхъ
 Странѣ всегда стоитъ вѣковъ борьбы тяжелой;

За каждый свой промахъ, за каждый свой грѣхъ,
 Народъ платить кровью, столѣтями рабства,
 А съ этимъ и мрака. Но каждый народъ,
 Хоть медленнымъ шагомъ, но движется къ свѣту;
 А съ каждымъ движеньемъ народовъ впередъ,
 Свѣтлѣетъ вселенна. Мы знаемъ, что было,
 Мы видимъ, что есть, — и я ставлю нашъ вѣкъ,
 Примѣрно, мѣриломъ грядущихъ столѣтій...
 Кто знаетъ, что можетъ свершить человекъ,
 Какихъ недоступныхъ высотъ онъ достигнетъ?
 А ходъ просвѣщенія въ мѣрѣ таковъ:
 Оно, какъ свѣтъ солнца, — чѣмъ солнышко ярче
 Сіяетъ и грѣетъ, — тѣмъ больше плодовъ;
 Оно, какъ теченье рѣки благотворной, —
 Чѣмъ глубже въ ней ложе, тѣмъ больше воды.
 Чтожь будетъ въ то время, когда это солнце
 Освѣтитъ народы? Какіе плоды
 Въ то время дастъ эта всемірная ясень?
 Что будетъ, когда рѣка эта пройдетъ
 По всѣмъ захолустьямъ безплоднымъ вселенной?
 Чего не свершитъ просвѣщенный народъ?
 Какихъ не достигнетъ тогда мѣръ успѣховъ?..

«Враги предлагаютъ при этомъ вопросъ:

Способенъ ли русскій народъ къ жизни новой?
 Что онъ въ прежній мѣръ просвѣщенія внесетъ?
 Чѣмъ онъ заявилъ имъ духовную силу?
 А развѣ то мало, что онъ устоялъ

При натискѣ силъ исполинскихъ Востока;

А послѣ на плечахъ своихъ поддержалъ,

Готовый ужъ рухнуть, колоссъ государства?

А нынѣ кто жъ держитъ древнѣйшій престолъ?

Царей нашихъ славныхъ, надъ гнивною Европой?

Въ народѣ нѣтъ мысли, — а древній расколъ?

Онъ западныхъ развѣ слабѣ утопій?

«Скажи, — гдѣ, когда могъ развиться народъ?»

И власть, и народъ нашъ, — досель пионеры;

Мы только идемъ по странѣ, все впередъ...

Давно ли народъ нашъ увидѣтъ, хоть смутно,

Грядущее, — этот широкий просторъ
 Людей самобытныхъ? *Грядущее*, — слышишь? —
 Чего нашъ народъ не имѣлъ до сихъ поръ,
 И могъ ли имѣть въ тѣмъ Египетской ноли?
 А въ этомъ грядущемъ, чего для насъ нѣтъ?
 Взгляни на обширный, богатый край русскій!
 Богатство и сокровищъ, на тысячи лѣтъ;
 Пространства, — на сколько еще поколѣній!...
 И это не въ царствахъ, народу чужихъ,
 Не за моремъ синимъ, а здѣсь, подъ руками,
 Въ мѣстахъ, намъ знакомыхъ, въ предѣлахъ родныхъ.
 Не надобно братья за мечъ ненадежныи,
 Ни трогать покоя сосѣдей своихъ, ...
 Ни строить утопій на ихъ униженіи....
 Нашъ подвигъ домашній; нашъ трудъ подъ рукою.
 Скорѣ лишь вонъ изъ печальныхъ развалинъ
 Отжившаго рабства! Скорѣ въ міръ живой,
 Въ среду просвѣщенныхъ, свободныхъ народовъ!
 «Я вѣрую въ Времѣ, — а время есть Свѣтъ!»
 Я многого жду отъ народнаго свѣта;
 Безъ этого свѣта успѣховъ намъ нѣтъ.
 У насъ, хоть чуть видно, — однако свѣтасть!
 Поэтому, вѣрую и въ лучшій я міръ,
 И въ міръ просвѣщенный, — и жду дней великихъ.
 Пусть это непризнанный всѣми кумиръ;
 Но это кумиръ мой, кумиръ христіанскій ...
 Мой духъ возвышается вѣрой своей:
 Пусть край пойметъ только свой жребій высокий,
 Повѣрить въ возможность иныхъ, лучшихъ дней.
 Очистить отъ грязи народную совесть,
 Устроить, улучшить домашній свой бытъ,
 Сродниться семейно съ благимъ просвѣщеніемъ, —
 Тогда онъ получитъ совсѣмъ иной видъ,
 И будетъ участникомъ въ свѣтѣ всемірномъ.
 «Уступимъ! Пусть Западъ стоитъ во главѣ
 Торжественной этой, всемірной работы;
 Европа привыкнула къ этой молвѣ...
 Что жъ намъ остается? — Осталось, — учиться,

Учиться ошибками даже его,
 Учиться, съ сознаньемъ и съ теплою вѣрой
 Въ грядущее. Что тамъ?... Но прежде всего
 Намъ надо учиться! И пусть каждый видитъ,—
 Изъ-за Океана, на всѣхъ парусахъ,
 Несется соперникъ опасный Европѣ;
 Корабль-исполинь, — и во многихъ странахъ
 Предъ нимъ ужъ спускаютъ народные флаги.....
 Гдѣ свѣтъ, тамъ и сила!

Такъ съ вечера мы
 Съ Годиннымъ, чуть не всю ночь разсуждали.
 Тогда разсуждали всѣ наши умы,
 Очнувшись впервые отъ тягостной спячки.
 Такъ лучъ одинъ свѣта, заброшенный въ тьму,
 Тотчасъ пробуждаетъ и старыхъ, и малыхъ;
 И даже даръ мысли дается тому,
 Кто прежде совѣмъ и не думалъ бы мыслить.

«Послушай! Мнѣ Ставръ въ заключенье сказалъ:
 Ты создалъ намъ почву подъ древнимъ Микулой;
 Зачѣмъ же разскажъ ты внезапно прервалъ,
 Про вѣщую Вану?»

— Затѣмъ, что разскажъ мой
 Коснулся потомъ историческихъ дней;
 Исторія наша намъ все досказала. —
 «Нѣтъ! Вана, природой своей,
 Дитя не исторіи, строго ученой;
 Она дочь поэзіи, Ставръ возразилъ.
 Она дочь Микулы, она дочь народа,
 Она вѣщій образъ общественныхъ силъ;
 Она поэтической свѣточъ народный,
 Она существуетъ сама по себѣ.
 Исторія,—зеркало только событій;
 А духъ вѣщій Ваны,—онъ въ жизни, въ борьбѣ,—
 Для насъ очень часто, почти незамѣтныхъ.
 Она для страны и теперь божество,
 Затѣмъ, что въ ней духъ и характеръ народный;
 Мы сами вмѣщаемъ ея естество;

Она въ себѣ носить не только преданья,
 Но край нашъ грядущій. Теперь понялъ ты,
 Что такъ распрощаться тебѣ съ ней не можно?..

—Вотъ какъ! И откуда берешь ты мечты?..

Прощай! Я ужь сплю. И тебѣ пора также.—

«Нѣтъ, милый ты мой! Теперь дѣло не въ томъ.

Онъ мнѣ отвѣчалъ. Нѣтъ, ты Вану увидишь...»

Она тебѣ вѣщимъ своимъ языкомъ

Должна досказать остальные преданья;

Она должна видѣть славянскихъ гостей:

Мы всѣ ея дѣти. Она передастъ имъ

Про бытъ нашъ народный, съ великихъ тѣхъ дней,

Когда оварилась страна христіанствомъ.

Она должна сильный нашъ край оправдать

Предъ старшими братьями, передъ Европой,

Въ отсталости нашей; раскрыть, указать

Всѣ эти народныя тяжкія язвы,

Что двинутся намъ помѣшали впередъ.

Мы сводимъ нашъ счетъ съ отживающимъ міромъ;

Нашъ сильный, разумный, обширный народъ

Знать долженъ, — что онъ, — чѣмъ быть можетъ въ грядущемъ».

—Не малая-жъ, другъ мой, задача твоя!

Какъ выполнить только?—сказалъ я, зѣвая.

«Постой! Напередъ ты дослушай меня.

Прервалъ Ставръ Годичичъ. И всѣ мы не боги!

Преданья и факты,—вотъ въ чемъ вижу я

И мощный народъ нашъ, и путь нашъ дальнѣйшій.

Народъ нашъ придавленъ прошедшимъ своимъ;

Но онъ завсегда желалъ свѣта и правды.

Мы изстари всѣ должники передъ нимъ;

Но нѣтъ образца его силы терпѣнья....

Ты намъ рассказалъ, по преданьямъ былымъ,

Какъ міръ начался, какъ потомъ развивался;

Теперь доскажи про его ты конецъ,

По тѣмъ же преданьямъ! Вотъ здѣсь-то увидишь

Ты всѣхъ ожиданій народныхъ вѣнецъ.

Да, тутъ всѣ надежды завѣтныя края!

«Припомни,—у асовъ въ послѣдніе дни

Божественных сумерекъ, противъ Одина
 Встають угнетенные дивы. Они
 Свергаютъ боговъ, разрушаютъ міръ древній,
 И падаютъ сами въ ужасной борьбѣ;
 Но нашъ народъ ждетъ только свѣта и правды.
 Онъ судъ оставляетъ верховной судьбѣ;
 Народъ и самъ хочетъ судиться съ богами.
 Ему нужна правда, предъ кѣмъ всѣ равны;
 Ему нуженъ свѣтъ,—свѣтъ, дающій прозрѣнье,
 Чтобъ кончилась немощь родимой страны,
 Чтобъ всѣ успокоились въ мирѣ Господнемъ.

«Отъ дивовъ ночныхъ ему нечего ждать;
 Онъ вѣруеть мало и въ нашъ свѣтъ и правду.
 По мнѣнью народа, свѣтъ долженъ поднять
 Живыхъ всѣхъ и мертвыхъ, на судъ Божьей Правды,—
 И онъ ихъ подниметь. Народъ хочетъ знать
 Свое настоящее мѣсто на свѣтѣ,—
 И онъ его, вѣрно, узнаеть. Вотъ путь,
 Надежды народныя въ темномъ грядущемъ;
 Но путь этотъ новый открыть, развернуть,
 Намъ можетъ исторія дней лишь минувшихъ,
 Исторія міра... И скоро, другъ мой,
 Ты это увидишь своими глазами...
 Теперь же, прощай!»—И, кивнувъ головой,
 Онъ какъ-то нескоро, торжественно вышелъ.

Давно была полночь, когда онъ ушелъ.
 «Однако вѣдь правда, сказалъ я въ раздумьи,
 Міръ новый давно воздвигаетъ престолъ
 На ветхихъ развалинахъ прежняго міра....
 Намъ свѣтъ небывалый сіяеть вдали,—
 Мы только не знаемъ его обстановки.
 Надеждъ всякихъ много у каждой земли,
 Но какъ примирить ихъ на общее благо?..
 У насъ совершается переворотъ,
 Безъ крови, безъ слезъ, безъ слѣпаго крушенья;
 Край двинулся весело, вольно впередъ,—
 Лишь плачутъ слѣзцы, что упорно хотѣли

Его задержать.... Но кому это въ мочь?
 Богъ дастъ, также мирно пойдемъ мы и дальше....
 Не скоро свѣтаеть невѣжества ночь,
 Не скоро мысль зрѣеть, вступаетъ въ гражданство.
 Одна лишь утопія любить ломать,—
 Своимъ произволомъ губить вѣковое
 Развитие вселенной. Законъ прямой,—ждать,
 Ждать мирно плодовъ отъ того, что посѣялъ.
 А все-же рѣка обновленія течеть,—
 Течеть невидимо, какъ Ставръ объясняетъ.
 Міръ прежній потонетъ,—и скоро всплыветъ
 Міръ новый, что наши отцы не узнали-бъ!
 Едва-либъ узнали, быть можетъ, и мы,
 Когда-бъ черезъ два, три столѣтъя воскресли.
 Міръ этотъ провидятъ иные умы;
 Они даже видятъ процессъ разложенія
 Отжившаго міра. Конечно, онъ есть;
 Одни еще мертвы, другіе воскресли...
 Пророковъ, учителей, всѣхъ не сочешь,—
 Что въ этомъ утопія, что, точно, правда?
 «Я Вану увижу,—Годинычъ сказалъ;
 Конечно, какъ образъ, она всегда съ нами.
 Въ ней наша народность; она идеаль
 Народнаго духа, дней прежнихъ и новыхъ.
 Но кто-же онъ самъ?.. Ставръ Владиміра зналъ!..
 Кто-жъ онъ,—тотъ Ставръ древній иль Ставръ современный?»...
 Мои мысли путались,—я ужъ дремалъ.

Я видѣлъ какой-то ужъ сонъ.—Мнѣ казалось,
 Что я собираюсь куда-то. Кругомъ
 Глубокая ночь, но повсюду движеніе...
 Какъ вдругъ, кто-то щолкнулъ у двери замкомъ,
 И снова Годинычъ стоялъ предо мною.

«Ага, ты готовъ ужъ? Отлично.... Идемъ!
 Сказалъ онъ. Ты хочешь отжившаго міра
 Увидѣть конецъ,—и что будетъ потомъ?
 Да, милый дружище, конецъ его близокъ.
 Я съ тѣмъ и вернулся....

«Загарается матушка сыра-земля
«Воскресають живые и мертвые»...

«Прощай, старина!

Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышать.
Одинъ развѣ ты спишь... А тамъ,—посмотри,
Какой вездѣ праздникъ: и шумъ и движенье.
Всѣ чувствуютъ близость желанной зари,
Кто съ радостью, кто еще съ страхомъ»...

Мы вышли.

Пахнуло весной....

Сыро, влажно, темно,
Будто въ безднѣ черно;
Кой-гдѣ звѣзды глядятъ,
Но и тѣ не блестятъ;
Мѣсяцъ краснымъ пятномъ
Рдѣеть въ мракѣ глухомъ;
Весь во мглѣ сводъ небесъ;
Какъ порубленный лѣсъ,
Полегли облака;
Вся надулась рѣвка.....
Кто-то близъ насъ мелькнулъ,
Намъ въ лице заглянулъ,
И исчезнулъ тотчасъ...
Вотъ опять кто-то насъ
Вдругъ окликнулъ въ потьмахъ...

Но ужъ въ разныхъ мѣстахъ,—
Въ темныхъ окнахъ, въ домахъ,
У воротъ, зажжены
Плошки, свѣчи, огни.
Какъ въ исходѣ поста,
Въ свѣтлый праздникъ Христа,
Суетится народъ,
Все куда-то идетъ.
Свѣтъ и радость въ очахъ,
Шумъ и говоръ въ толпахъ;
Всѣ бѣгутъ, всѣ спѣшаютъ,
Всѣ о чемъ то кричатъ,
Средь ночной тишины.....

Божьи храмы полны....
 Блещутъ царски врата,
 Давка, шумъ, тѣснота;
 На колъняхъ народъ.
 Въ бѣлыхъ ризахъ причеть;
 Пѣснь хваленя въ устахъ,
 И хоругви въ рукахъ,
 Посреди, въ облакахъ
 Омиама кругомъ,
 Свѣтлый пастырь съ крестомъ
 На сѣдой головѣ...
 Что за праздникъ въ Москвѣ?
 Сонмъ святыхъ на стѣнахъ,
 Весь сія въ лучахъ,
 Драгоценныхъ вамней,
 Отъ лампадъ, отъ свѣчей,
 Будто самъ съ торжествомъ,
 Неземнымъ естествомъ,
 Раздѣляетъ съ толпой,
 Какъ съ родимой семьей,
 Блескъ и радость....

А тамъ, —

По дворамъ, по домамъ,
 И по улицамъ, — гамъ,
 Шумъ, возня, голоса...
 Чудеса! чудеса!

Сторожа съ молоткомъ
 Забываютъ лубкомъ
 Ворота и подъѣздъ
 У присутственныхъ мѣстъ.
 Ну, прощай, старина!
 Какъ злой духъ, изъ окна
 Кто-то смотритъ въ стекло, —
 Это старое зло,
 Это ябеда.....Прочь,
 Мрака черного дочь!
 Двери, окна дрожать,
 И по обнамъ стучать

Топоры, молотки,
 Прибиваютъ лубки...
 Все забили кругомъ, —
 Заколоченъ весь домъ.
 А вотъ здѣсь что? Трактиръ.
 Пьеть, поеть вольный міръ;
 Мужики, господа
 Веселятся....Бѣда!
 Господа мужикамъ
 Руки жмутъ, вахлакамъ,
 Обнимаютъ лихихъ
 Молодцовъ, половыхъ;
 Кто въ присядку, кто такъ...
 Пей, воскресшій вохлакъ!
 Все пьяно, — всѣ свои, —
 Воля, братцы мои!
 А тамъ, скряга-скупецъ
 Растворилъ свой ларецъ;
 Жадно смотреть въ него, —
 Много, много всего!...
 Это онъ накопилъ
 Въ оны дни, какъ служилъ.
 Но теперь надо дать,
 Что онъ собралъ, какъ тать;
 Надо то же блеснуть, —
 Надо дать что нибудь,
 Хоть на школу, пріютъ,
 На дѣтей....Мало-ль тутъ
 Всякихъ сборовъ, воровъ, —
 Разумѣй: бѣдняковъ!
 Новый міръ, новый свѣтъ!
 Надо дать, или вѣтъ?....
 Преклонившись во прахъ,
 Мать съ ребенкомъ въ рукахъ,
 Предъ иконой лежитъ.
 Въ взорахъ ясныхъ горитъ
 Благодарность царю,
 Что далъ видѣть зарю

Ей свободы святой;
 Что сыночекъ родной
 Не потянетъ тягла,
 Не испьетъ чаши зла,
 Что пила издавна
 Вся родная страна;
 Только птенчикъ вспорхнетъ,
 Жизнь иную начнетъ,—
 Самъ дорожку свою
 Онъ проложитъ къ краю;
 Новый свѣтъ, новый вѣкъ,—
 Вотъ и онъ,—человѣкъ!

Вспранувъ съ ложа ногой,
 Беззаконникъ сѣдой,
 Ограждаясь крестомъ,
 Робко смотритъ кругомъ.
 Или это былъ сонъ?..,
 Гдѣ такой есть законъ,—
 Чтобъ съ крестьяниномъ я
 Шель судиться?.. Меня
 Въ судъ тащить? Я—злодѣй?..
 Я ихъ женъ, дочерей?..
 Тьфу, что это? Кто тамъ?..
 Никого! по угламъ
 Только мыши скребутъ.
 Мысли такъ и ползутъ....
 Экъ, я сколько сгубилъ!
 Лучше-бъ въ гробъ положилъ..
 Господи, отпусти
 Прегрѣшенья мои!..

А вотъ здѣсь кабачекъ.
 Русскій нашъ мужичекъ
 Счастливъ всѣмъ, радъ всему,
 Лишь бы выпить ему.
 Воля, волюшка—рай!
 Ну-тка, братъ, наливай!
 Хоть хозяйство пропьемъ,—
 Въ кабалу не пойдёмъ.

Пусть работникъ плохой,
 Да за то, самъ большой.
 Будетъ имъ, господамъ!
 Сдачи всякому дамъ.

А вотъ школа. Шумъ, гамъ,
 Споръ, движеніе тамъ.
 Говоръ—только въ потьмахъ,
 И на всѣхъ языкахъ,
 Кромѣ русскаго. Споръ,—
 Что полезно, что вздоръ...
 Но вы, дѣти, дружнѣй—
 Всѣ сюда! Въ міръ людей!..
 Много ломки всегда,
 Гдѣ живая вода
 Пробиваетъ свой путь.
 Не успѣемъ взглянуть,—
 Темный край нашъ родной
 Хватитъ влаги живой;
 А во вкусъ онъ войдетъ,
 И поидетъ, и поидетъ,—
 Будетъ плодъ! Будетъ плодъ!
 А вотъ тамъ—двѣ сестры,
 Той счастливой поры,
 Что лишь рай позади,
 Рай другой впереди,—
 Слышать сердцемъ своимъ
 Что-то новое имъ.
 Судятъ всѣ, говорятъ
 Про общественный взглядъ,
 Вольный трудъ, женскій трудъ...
 Что-то чудное тутъ!
 Рѣчи нѣтъ про рабовъ,
 Лошадей, конюховъ;
 Рѣчь у всѣхъ про народъ,
 Про движеніе впередъ.
 Это весело имъ
 Слушать сердцемъ святымъ.
 Вотъ онѣ обнялись,

Какъ двѣ вѣтви сплелись,—
 Гордъ и счастливъ ихъ видъ;
 Будто кто говоритъ:
 Не забудьте и насъ,
 Этотъ міръ весь для васъ.
 Будетъ онъ посложнѣй
 Пустоты прежнихъ дней;
 Много сыщется тамъ
 Мѣста всякимъ дѣламъ;
 Но смотрите, и тутъ
 Есть общественный судъ;
 Онъ незримо растеть,
 И свое онъ возьметъ!

А вонъ, въ этомъ дому,
 Невидимъ никому,
 Мыслить вслухъ молодець:
 Проведу, наконецъ,
 Мысль мою я теперь!..
 Растворилася дверь,
 Вольной мысль ~~идетъ~~ всему,
 Что отрадно уму.
 Много будетъ возни
 Въ эти первые дни;
 Много будетъ всего...
 А вѣдь послѣ того,
 Какъ разсудать, поймутъ,
 Что немѣнаго тутъ
 И что дѣло,—пойдетъ,
 И пойдетъ край впередъ;
 И пожалуй, смотри,
 Мы дождемся зари
 Красныхъ дней, лучшихъ дней,
 Настоящихъ людей,
 Новыхъ богатырей...

А собранье господъ
 Споръ о земствѣ ведетъ.
 Тутъ сыны и отцы,
 Господа и купцы,

Мужики и попы...
 Рѣчь слышна изъ толпы:
 Бросьте лѣнь, господа!
 Безъ труда никогда
 Духъ страны не внесеть
 Самобытность въ народъ.
 Земство,—знаете-ль вы?—
 Это мозгъ головы
 Всей народной семьи;
 Все хозяйство земли,
 Это абука намъ
 Къ новымъ высшимъ трудамъ.
 Изучивши ее,
 Край возьметъ все свое.....
 — Вотъ теперь-то и я,
 Мать-родная земля,
 Послужу за себя?
 Говорить тамъ другой,
 Удалецъ молодой.
 Всѣ теперь мы равны,—
 Всѣ твои мы сыны!
 Князь, мужикъ, дворянинъ,
 Всѣхъ нашъ край-исполнитъ,
 Всѣхъ онъ усновила...
 Сколько средствъ, сколько силъ!
 Стой, ровняйся,—ура!..
 Такъ давно-бы пора!
 Не обиженъ никто.
 И отчина на что?
 Всякій ратникомъ будь...
 День придетъ, не забудь!..

«Ты видишь, воскресли! Миръ конченъ былъ,—
 Другой оживаетъ. И прежніе люди,
 И новые люди, и миръ весь живой,
 И мертвый,—встрѣчаютъ, по своему каждый,
 Страны возрожденъе. Годинычъ опять
 Ко мнѣ обратился съ своимъ разъясненъемъ.

Шагъ сдѣланъ. Теперь мы не двинемся вспять,
 Не станемъ вновь виснуть, какъ прежде, въ застоѣ.

«Трудовъ, ломки много еще впереди;
 Но Богъ намъ поможетъ!....Онъ самъ истребляетъ
 Отсталыхъ людей. Кто жить хочетъ,—иди!
 Зане онъ Богъ жизни и свѣта,—не смерти.
 Всѣ знаютъ, какъ трудно рождаетъ жена,—
 Задолго еще до ея разрѣшенья,
 Жестокое и страшно страдаетъ она,
 Отъ тягостныхъ мукъ подступающихъ болѣй;
 Въ волненьи, въ таинственномъ страхѣ весь домъ,
 Въ нѣмомъ ожиданіи близкіе люди;
 Тутъ шепчутся чуть, тамъ, съ поникшимъ челомъ,
 Сидятъ или бродятъ въ безмолвныхъ покояхъ;
 Межъ тѣмъ все сильнѣе страдаетъ она,
 И мечется,—рветъ волоса и покровы,
 Иль въ тяжкомъ томленьи предсмертнаго сна,
 Лежитъ бездыханная, будто во гробѣ.....

«Но послѣ зимы воскресаетъ весна,
 А послѣ тѣхъ болѣй,—родится младенецъ;
 Опять наступаетъ въ дому тишина,
 А въ внешней природѣ сіяющій праздникъ.
 Такъ точно смѣняются въ мірѣ самомъ
 Его времена неизмѣнные года;
 Такъ точно и въ каждомъ рожденіи земномъ
 Судебъ новыхъ міра есть тяжкія боли;
 Пока не даруетъ небесный Творецъ
 Ему постоянное, зрѣлое лѣто,
 Пока не родитъ этотъ міръ, наконецъ,
 Развитіе полное для человѣка.
 Тогда пройдетъ время рожденій его,
 Закончатся бури эпохъ переходныхъ,
 Пробьютъ часъ полудня, и послѣ того
 Весь свѣтъ отдохнетъ подѣ оливою мира.
 Теперь завернемъ вотъ сюда!»

Я взглянулъ,—

Мы были предѣ главнымъ фасадомъ манежа,
 Гдѣ геній Москвы мысль благую вдохнулъ,

Собрать въ одномъ кругѣ всѣ образы нашихъ
И также отчасти славянскихъ племенъ,
И тѣхъ инородцевъ, что жизнь ведутъ съ нами.
Хоть было ужъ поздно, но съ разныхъ сторонъ
Сюда шли и ѣхали всякіе люди. 12)

Манежь былъ, сверхъ чаянья, весь освѣщенъ
Искусственнымъ солнцемъ, сіявшимъ такъ ярко,
Что я былъ при входѣ совсѣмъ ослѣпленъ.
Блескъ этотъ не придалъ однако движенья,
Ни жизни фигурамъ, какъ Ставрѣ ожидалъ;
Вокругъ насъ стояли толпы манекиновъ,
Какъ я видалъ днемъ ихъ,—и свѣтъ озарялъ
Одну гробовую лишь ихъ неподвижность.
Всѣ эти обрачики нашей земли
И съ нами живущихъ въ странѣ инородцевъ
Встрѣчали насъ также, еще издали,
Своимъ неподвижно-установленнымъ взоромъ
И глупо-животной улыбкой, дивясь
Какъ будто бы нашимъ свободнымъ движеньямъ.
—Хитеръ, кто слѣпилъ ихъ! шепнулъ Ставрѣ, смѣясь,
Вотъ весь міръ минувшій!»..

За то посрединѣ жизнь была ключемъ.
На очень красивомъ, большомъ возвышеннѣ,
За длиннымъ, отлично накрытымъ, столомъ,
Сидѣли парадно славянскіе гости,
Между именитыхъ московскихъ друзей,
Ученыхъ, чиновныхъ и просто желавшихъ
Явиться въ славянской натурѣ своей.
Поодаль стояли толпы любопытныхъ.
Межъ нихъ выдвигались невольно впередъ
Какія-то личности страннаго вида,
Напомнить могущія царственный родъ
И страшную силу богатырей древнихъ.
Не меньше былъ страненъ видъ также другихъ,
Толпившихся возлѣ насъ, личностей чудныхъ,—
Тѣмъ чудныхъ, что многіе очень изъ нихъ
Считаются нами давно въ царствѣ мертвыхъ

Меня поразили ихъ особенно взоръ,
 Какъ бы просвѣтленный нездѣшней силой.
 Еще былъ страннѣе межъ нихъ разговоръ,
 До насъ долетавшій неясно, въ отрывкахъ.
 Одинъ вдругъ спросилъ: а таковой-то воскресъ?
 Другой отвѣчалъ: да, воскресъ, но не прибылъ...
 А этотъ?—Тотъ былъ здѣсь, но снова исчезъ...

Когда мы входили, какой-то ораторъ,
 («Давно мужъ умершій,—и славянофилъ!..»
 Шепнулъ мнѣ Годиничъ), кончалъ длинный спичъ свой,
 Гдѣ онъ въ очень яркихъ чертахъ изложилъ
 Устойчивость русской широкой природы,
 Сложившейся въ смутахъ тяжелой борьбы;
 Новѣйшія наши преобразования,
 Величіе нашей грядущей судьбы,
 Связь кровную сильныхъ народовъ славянскихъ;
 Назначенный свыше намъ подвигъ святой,—
 Сперва возрожденія отторгнутыхъ братьевъ,
 Подъ знаменемъ общимъ свободы благой;
 Потомъ, воссозданіе новой вселенной...

Неистовый топотъ, и крики, и ревъ,
 Привѣтствовалъ слово воскресшаго мужа.
 Всѣ чокались, пили въ честь новыхъ вѣговъ,
 Иные, съ слезами въ глазахъ, обнимались.
 Затѣмъ, развернулось надъ самымъ столомъ
 Славянское знамя,—еще громче крики,
 Ура, звонъ бокаловъ и топотъ кругомъ;
 Опять загремѣли за тостами тосты.

Мы съ Ставромъ стояли въ сторонѣ: «Ну что?»
 Шепнулъ онъ,—«воскресли?..»—«Слова золотыя,
 Духъ истый-славянскій!» сказалъ я на то.
 «Слова золотыя, духъ истый-славянскій!..
 Поддакнулъ Годиничъ. Я это и зналъ.
 Сначала слова, а потомъ будетъ дѣло!
 Но слушай!—Чу, слушай!»...

Межъ тѣмъ шумъ стихалъ.

Одинъ изъ славянскихъ гостей, — сановитый,
 Вполнѣ бодрый старецъ, съ сѣдой головой,
 Сбирался свое заявить также слово.
 И онъ заявилъ, — что славяне душой
 Сочувствуютъ нашему освобожденью
 И нашимъ надеждамъ; что славные дни
 Славянскихъ народовъ еще передъ ними;
 Что миръ богатырскій имъ также сродни...
 И вслѣдъ, возгласилъ, приподнявши бокаль свой
 Предъ знаменемъ вѣщимъ славянской семьи,
 Торжественный тостъ, въ честьъ всѣхъ братьевъ славянскихъ.

Опять все слилося въ одинъ шумный гулъ;
 Вновь крики и топотъ. Восторгъ былъ всеобщій.
 Годичнычъ тихонько меня подтолкнулъ;
 А самъ, въ упоеньи, парилъ въ седьмомъ небѣ.
 Онъ ѣжился, мялся и страшно пыхтѣлъ;
 По счастью, стояли мы съ нимъ въ отдаленьи.

Но вотъ, шумъ неистовый вновь ослабѣлъ;
 Славянскій ораторъ опять началъ слово.
 Сказалъ онъ еще, про желанье славянъ,
 Развить самобытно ихъ геній народный;
 Про древнюю рознь своихъ родственныхъ странъ,
 Низвергшую край ихъ подъ скиптръ царей чуждыхъ.
 Потомъ заявилъ про воинственность онъ
 И духъ земледѣльа народовъ славянскихъ,
 Про ихъ любознанье, что съ древнихъ временъ
 Они сохраняютъ въ душѣ ихъ понинѣ.
 Чего же имъ надо? Чего у нихъ нѣтъ?
 У нихъ нѣтъ единства, свободы и свѣта;
 А будетъ единство, свобода и свѣтъ, —
 Въ то время воспрянетъ и онъ, миръ славянскій.

Взрывъ новый сочувствія шумно прервалъ
 Оратора громкимъ живымъ одобреньемъ.
 Когда поутихло, онъ вновь продолжалъ:
 «Да, мы земледѣльцы, и этимъ гордимся.
 Самъ Промыслъ назначилъ намъ этотъ удѣлъ:
 Какъ всѣ земледѣльцы, — мы сильные люди,
 Земля — наша мать. Гордый Западъ хотѣлъ

Отнять у насъ самую давность въ Европѣ;
 Но наши преданья древнѣйшихъ временъ
 Возстали за край нашъ. Народъ развитой лишь, —
 Не сборныя рати бродячихъ племень,
 Занять могъ подъ пашни двѣ-трети Европы!..
 Затѣмъ обратился онъ къ нашей странѣ, —
 Къ разумности, силѣ способности русской,
 Замѣтивъ, что имъ бы хотѣлось вполнѣ
 Еще познакомиться съ міромъ народнымъ.
 Они наглядѣлись богатствъ городскихъ;
 Но видѣть желаютъ и быть деревенскій, —
 Зерно это силы народной. Вкругъ нихъ
 Богатство и сила людей лишь чиновныхъ,
 И крупныхъ торговцевъ; а что на селѣ,
 Для нихъ еще тайна. Они не видали
 Народнаго міра: онъ гдѣ-то во мглѣ.
 Быть можетъ, и ложно, — но мнѣ показалось,
 Нашъ край произвелъ впечатлѣнье на нихъ
 Того же манежа, гдѣ ихъ угощали.
 Они голоса людей слышать живыхъ,
 Пиръ этотъ размахистъ и всѣмъ изобилень;
 Но ихъ освѣщаетъ искусственный свѣтъ;
 Вдали все мертво, неподвижно, безмолвно...
 Ораторъ пожелалъ, каковой будетъ отвѣтъ;
 Но всѣ промолчали, ...

«О братья! сказалъ онъ. Примите, отъ сердца
 Идущее, слово. Вамъ, мужамъ добра,
 Слова всякой правды принять подобаеъ.
 Да будетъ намъ правда дороже сребра!
 Откройте намъ настезь великій міръ русскій!
 Скажите, что нынѣ Микула родной?
 Гдѣ вѣщая наша, родимая Вана?
 Гдѣ вашъ богатырь, что вы звали Ильей?
 О нихъ стосковался Кралевицъ нашъ Марко... *)
 Пока не свеземъ мы извѣстья о нихъ,
 До тѣхъ поръ не встанетъ нашъ витязь народный;

*) Марко-кралевицъ считается погруженнымъ въ мифическій сонъ, но не умершимъ.

Пока мы не узримъ ихъ . ликовъ живыхъ
До тѣхъ поръ мы будемъ отъ васъ все далеко»...

При этомъ Годинычъ не выдержалъ мой,—
Она,—Вана, здѣсь!...» закричалъ онъ, стараясь
Разжать мою руку,—и, вслѣдъ за собой,
Меня потащилъ въ кругъ гостей именитыхъ.
Едва, черезъ силу, я могъ удержать
Порывъ его бурный; но въ нашему счастью,
Никто и не думалъ на насъ обращать
Вниманья.

Вниманье гостей поглощали
Слова еще спича. Сначала онъ всѣхъ
Какъ бы озадачилъ; потомъ я замѣтилъ
Въ одномъ концѣ ропотъ, въ другомъ глухой смѣхъ.
Всѣ русскіе, разомъ поднявшись, вскочили;
Иные сбирались отдѣльно въ кружки,
Другіе кричали.

Я все держалъ Ставра.
Но онъ отодвинулъ движеньемъ руки
Меня отъ себя,—и рванулся ко входу.
Я далъ ему мѣсто. Годинычъ искалъ
Какъ будто кого-то еще изъ знакомыхъ...

«Ну, вотъ, посмотрите!» онъ громко сказалъ;
Сжимая мнѣ руку, весь свѣтлый отъ счастья.
Я поднялъ глаза. Впереди, предо мной,
Какъ свѣтлое, въ облакѣ бѣломъ, видѣнье,
Стояла, покрытая легкой фатой,
Брасавица въ русскомъ нарядѣ,—царевна
Изъ сказки волшебной. Она обвела
Безмолвно глазами гостей и эстраду,
Взглянула на насъ, и рукой позвала
Годиныча.

«Гдѣ же я съ нею встрѣчался?
Подумалъ я. Гдѣ-то ее я видалъ,—
Черты ея, образъ, мнѣ будто знакомы.
Гдѣ жъ я ее видѣлъ?»... Но тщетно искалъ
Въ умѣ я сближеній,—какъ Ставръ мой Годинычъ

Меня въ мигъ поставилъ на истинный путь.
 «Родимая, матушка наша, царевна,
 Богинюшка наша!... Привелъ Богъ взглянуть
 Еще на тебя!»—воскликнулъ онъ, цѣлуя
 Ей руки.

«Что жь это? Я брежу или сплю?»

Я спрашивалъ смутно себя. Но Годиничъ,
 Какъ бы угадавши тревогу мою,
 Подвелъ меня къ ней, и она мнѣ сказала:

«Я вижу, ты думалъ, я только мечта;
 Теперь убѣдись же, что я живу съ вами,
 И мой свѣтлый образъ, моя красота,
 Какъ всякая правда,—изъ плоти и крови.
 Пиръ этотъ устроенъ мнѣ въ честь; я должна
 Принять въ немъ участие. Ты знаешь,
 Присутствіемъ Ваны полна вся страна.
 Во мнѣ нашъ міръ древній и міръ нашъ грядущій!
 Вначалѣ я дщерью считалась боговъ;
 Теперь я раба православнаго Бога,
 Теперь я пророчица новыхъ вѣковъ;
 Вся сила и крѣпость моя въ теплой вѣрѣ.

«Зачѣмъ намъ скрывать отъ всѣхъ язвы свои?

Пускай судить Богъ насъ за наше былое,
 Пускай видятъ всѣ горечь русской земли,
 И съ нами привѣтствуютъ дни возрожденья!
 Нашъ край полонъ тьмы,—но намъ все говорить,
 Что полного сна не бываетъ въ природѣ.
 Ошибочно мыслятъ, что міръ-народъ спитъ;
 Спать воля,—но духъ его, разумъ, лишь дремлетъ;
 Онъ весь спать не можетъ. Какъ Индрикъ, богъ-звѣрь,
 Онъ любить копаться въ глубокомъ туманѣ.
 Предъ нимъ еще къ свѣту затворена дверь,—
 Народъ пробуравитъ къ нему самъ дорогу.

«Живой духъ не можетъ въ бездѣйствіи быть!

Свѣтъ дня пробуждаетъ насъ каждое утро;
 А свѣтъ времянь новыхъ,—онъ долженъ будить
 Собой отсталые народы и царства.
 Когда разсвѣло или свѣтаетъ кругомъ,

Часть II.

4

Нельзя и у насъ долго тьмѣ оставаться;
 Немного потребно, чтобъ былъ свѣтель домъ,—
 Но сколько средствъ надо, чтобы освѣтилось
 Обширное царство?

«Вотъ съ чѣмъ я пришла
 Сюда, въ мѣръ живой вашъ, въ вашъ мѣръ современный.
 Я слышала вызовъ, и я не могла
 Сынамъ дорогимъ не подать родной голосъ.
 Пускай они видятъ и слышатъ меня,
 Пускай всѣ увидятъ мое воскресенье!
 А если въ народѣ воскреснула я;
 То значить, и мертвый народъ воскресаетъ.
 Но намъ прежде надобно выдти изъ тьмы,
 Куда насъ затерли былия событья;
 Вотъ главный нашъ подвигъ! При свѣтѣ и мы
 Сумѣемъ найти настоящее мѣсто
 Среди прочихъ народовъ. Я вижу вдаль
 Путь скользкій и трудный, но съ вѣрою въ Бога,
 Чего не достигнетъ мѣръ русской земли!..
 Пусть гости-славяне нашъ край видятъ темный,
 Пусть видятъ они и нашъ близкій разсвѣтъ...
 Что будетъ тогда въ возрожденной Европѣ,
 Что будетъ у насъ, —черезъ сотни двѣ лѣтъ?..
 Идите за мною!»

Она обернулась,
 И прямо пошла по эстрадѣ къ гостямъ.
 Предъ нею съ почтеніемъ всѣ разступались;
 Годиничъ и я шли за ней по стопамъ.
 Она величаво прошла по собранью,
 И сѣла на главное мѣсто за столъ;
 Всѣ сѣли опять; а толпа любопытныхъ
 Сомкнулась вокругъ. Ставръ Годиничъ подвелъ
 Меня къ самой Ванѣ. Она говорила...

ПѢСНЬ 8-Я.

РАЗСКАЗЪ ВАНЫ.

„S'il est un Dieu dans la nature, il est aussi dans l'histoire... Je m'incline, plein de respect, devant ta noble image (Jésus-Christ), o toi, chéf et fondateur d'un royaume si grand dans son objet, si illimité dans sa durée, aux principes si simples et si vivents, aux moyens si puissants que la sphère decette vie terrestre lui semble trop étroite“.
(Herder. t. III, p. 74, 164).

Вавы, представители, лехи, владыки! *)
Тавъ вѣщая Вана, за бранымъ столомъ,
Бъ гостямъ начала задушевное слово,
Какъ будто она еще въ мирѣ быломъ.
Мы васъ благодарствуемъ, я и Миеула,
Что вы посѣтили и помните насъ;
Мы живы и здравы. Мы рады васъ видѣть
Межъ нами. И мы не забыли о васъ.
Свезите поклонъ нашъ кралевичу Марку.
Господь дастъ, увидимся скоро и съ нимъ,—

*) Лехи,—богатые владѣтели, правители, отъ которыхъ произошли магнаты; Владыки.—владѣтели небольшихъ участковъ, мелкіе дворяне, изъ которыхъ образовалось рыцарство и спассе дворянство. Были еще Кметы,—оливкіе люди къ князю, его совѣтники. (Толк. г. Гербеля).

Теперь мы свободны; намъ путь къ вамъ отворенъ.
 Я вѣрю, мы будемъ народомъ однимъ,—
 У всѣхъ у насъ сходны языкъ и преданья;
 Вы всѣ сыны, дѣти единой семьи,
 У васъ одинъ праотецъ,—красное Солнце,
 Вы всѣ его внуки,—всѣ дѣти мои.

«Вы насъ упредили духовнымъ развитьемъ,
 Мы васъ упредили единствомъ страны,
 Устройствомъ гражданскимъ, единствомъ народнымъ.
 Но мы жили въ рабствѣ,—мы мракомъ полны;
 Всѣ чуждыя страны нашъ край упрекаютъ
 Въ невѣжествѣ, тьмѣ, суевѣрьи слѣпомъ,
 Въ общественномъ нашемъ еще нестройствѣ,
 Неряшествѣ, лѣности, многомъ другомъ,
 Что прямо исходитъ изъ долгаго рабства.
 Чуть брежитъ у насъ просвѣщенія свѣтъ;
 Мы дѣти почти,—одиоки, несмѣлы;
 Прямой самобытности въ насъ еще нѣтъ,
 Мы слѣдуемъ въ нашемъ пути за другими....
 Но пусть дастъ исторія въ этомъ отвѣтъ!

«Какъ будто я вижу еще предъ собою
 Нашъ древній, великій славянскій нашъ родъ,
 Занявшій востокъ весь и полдень Европы,
 И сушу, и море,—какъ царственный флотъ,
 На всѣхъ парусахъ напиравшій на Западъ.
 Какъ будто я вижу его города,
 Богатые храмы, рѣзныя кутины,
 Обширныя нивы, морскіе суда,
 Весь край нашъ, цвѣтущій богатствомъ и силой,
 Воинственный духъ его мощныхъ племень...
 Но имъ не живетъ спокойно на мѣстѣ,
 Ихъ жизнь—разселенье. Съ древнѣйшихъ временъ
 Флотъ царственный этотъ отважно несется
 Во всѣ протяженья тогдашней земли;
 Борьба раздѣляетъ могучія силы;
 Онъ скоро мельчаетъ,—его корабли
 Разносятъ ту силу по дальнимъ побережьямъ.
 Она будто таетъ средь чуждыхъ племень;

Великій край залитъ волнами раздора.
Его окружаютъ съ открытыкъ сторонъ
Чужія, но больше развитія, силы,—
И лучшія страны славянскоѣ земли
Совсѣмъ исчезаютъ въ нахлынувшемъ морѣ
Безвыходныхъ бѣдствій.

«Въ то время вдали

Слагается сильное Русское царство.
Тотъ самый славянскій же міръ положилъ
Ему основанье. Оно прибываетъ,
Оно разрослось; но его юныхъ силъ
Еще не хватаетъ, чтобъ вамъ подать руку.
Когда-жь, возмужавъ, оно стало сильнѣй,
Судьба разобщенныхъ племенъ совершилась!
А послѣ,—событья, ближайшихъ къ намъ, дней
Кладутъ новый гнетъ на весь міръ нашъ славянскій,—
Вы боретесь тщетно подъ игомъ чужимъ,
А здѣсь возникаетъ домашнее рабство!

«Міръ новый гордится успѣхомъ своимъ
Въ благомъ просвѣщеніи предъ міромъ минувшимъ,—
И можетъ, не тщетно! Но съ древнихъ временъ
Оно достоянье лишь высшихъ сословій;
Народъ былъ всегда и вездѣ отчужденъ,
Покуда онъ самъ не прокладывалъ къ свѣту,
Гдѣ могъ онъ, дорогу. Для сильныхъ земли
Казалось удобнѣй держать народъ въ мракѣ;
Они никогда понимать не могли,
Что сила и власть ихъ—безъ истинной почвы.
Не только у насъ, гдѣ весь край объятъ тьмой,
Но даже и въ царствахъ, давно просвѣщенныхъ,
До сихъ еще поръ, подъ ихъ силой живой
Развитаго общества, міръ лежитъ мертвый,—
Міръ цѣлый народный. Его воскресить,
Поднять его, въ силахъ одно просвѣщенье....
Но міръ современный не можетъ такъ жить,
Какъ онъ живетъ нынѣ!.. Его основанье
Стоять до сихъ поръ на пескѣ. Онъ дрожитъ
При каждомъ волненіи. Онъ ждетъ обновленья.—

Но только не ломкой; его обновить,
Его перестроить лишь свѣтъ просвѣщенья!
«Надъ нимъ ужъ вечерняя меркнетъ заря,
Тогда, какъ народъ не видалъ еще утра.
Богатство и сила,—два высшихъ царя,—
Одни наслаждаются благами жизни.
Богатство и сила немногихъ людей,
Богатство и сила, насчетъ силъ народныхъ,
На счетъ всѣхъ минувшихъ и будущихъ дней,—
Вотъ тѣ основанья, на комъ утвердился
Онъ, мѣръ самовластный. Онъ такъ и стоитъ,
Не чувствуя самъ, что стоитъ онъ надъ бездной.
Но онъ давно подгнилъ... Его тяготить
Безплодное бремя.

«Свѣтаетъ свѣтъ новый.

Чудовища мрака стремятся пожрать
Всходящее солнце... Но такъ всегда было
И будетъ,—пока свѣтозарная рать
Духовъ свѣтлыхъ дня не разгонитъ ихъ силы!
Какъ свѣтлый мѣръ асовъ вначалѣ дрожалъ
Предъ волкомъ Френмиромъ; такъ въ каждомъ народѣ
Свой также волкъ,—кто ихъ не встрѣчалъ!—
Что свѣтъ поглащаютъ у краснаго солнца.
У насъ, у славянъ, есть свой волкъ Самоглотъ....
Какъ чудища тьмы,—всѣ они враги свѣта;
Они гложутъ солнце,—и темный народъ
Досель въ этомъ видитъ причину затмѣній...

«Пускай мы не знали, въ тотъ вѣкъ нашъ дружинъ,
Что счастье народовъ въ ихъ мѣръ взаимномъ,—
Что датчанинъ, нѣмецъ или славянинъ,
Всѣ божьи люди, всѣ кровные братья;
Но каждый, возникшій средь нихъ, властелинъ
Есть врагъ и своимъ, и всѣмъ чуждымъ народамъ...
Теперь это знаютъ! Теперь новый свѣтъ
Проникъ въ мѣръ общественный,—онъ понимаетъ:
Пока межъ народовъ согласія нѣтъ,
Пока они будутъ въ враждѣ межъ собою;
До тѣхъ поръ все будутъ игрушкой они

Своихъ и чужихъ честолюбцевъ; до тѣхъ поръ
 Все будутъ далеко ихъ свѣтлые дни.
 Отдѣльный народъ никогда не достигнетъ
 Той цѣли всемірной, что ждетъ труда всѣхъ
 Отдѣльныхъ народовъ. Въ единствѣ народномъ,
 Въ ихъ общемъ трудѣ, только ждетъ ихъ успѣхъ.

«Оставимъ упреки пока между нами!

Исторія скажетъ, что каждый народъ
 Живетъ, какъ сложили его край событья:
 Пусть каждый народъ идетъ только впередъ!
 Есть грань, гдѣ они напослѣдокъ сойдутся, —
 И миръ воцарится въ ихъ странахъ родныхъ...

«Молюся тебѣ, о предвѣчное Солнце,
 Верховный правитель народовъ земныхъ, —
 Она продолжала, — Богъ свѣта и правды,
 Единый источникъ успѣховъ благихъ!
 Молюся Тебѣ, о всевышнее Благо,
 Начало, конецъ и источникъ всѣхъ благъ,
 И всякой, ко благу устроенной, жизни!
 Всемірная Мудрость, въ чьихъ дивныхъ лучахъ,
 Вращается стройный кругъ нашей вселенной!...
 Ты есть, — и съ Тобою я выше, сильнѣй,
 И съ новой надеждой душа моя смотреть
 На тягостный опытъ былыхъ нашихъ дней,
 На самую жизнь, на судьбы всей вселенной,
 Гдѣ чувствуетъ, слышитъ и знаетъ она
 Святое присутствие Строителя, Бога;
 Ты есть, — и отрадною вѣрой полна,
 Я смѣло вступаю на путь мой въ грядущемъ!
 «Лишить народъ вѣры, затмить предънимъ свѣтъ, —
 Да было-ль развитие народовъ безъ вѣры?
 Спросите вы совѣсть, — она дастъ отвѣтъ;
 Спросите народы, — они скажутъ тоже.
 Безъ вѣры, кто сдѣлалъ ли шагъ хоть впередъ?
 Наука народу замѣнить ли вѣру?
 Наука, — домашній для насъ обиходъ;
 Но вѣра, — свѣтильникъ нездѣшняго міра:

У нихъ, у обѣихъ, кругъ разный. Народъ
 Никакъ не смѣшаетъ двухъ силъ этихъ чуждыхъ.
 Онъ чувствуетъ, знаетъ, что вѣру даетъ
 Природа намъ: это нашъ даръ прирожденный;
 Наука-жь отъ міра,—даръ жизни земной,
 И то, лишь по мѣрѣ способностей нашихъ.
 Естественно-ль, можно-ль природѣ благой
 Такъ грубо нарушить свои міровые,
 Святые законы, чтобъ міръ самъ людской
 Пошелъ прямо противъ врожденнаго чувства?

«Молюся тебѣ, о всевиждущій Свѣтъ,
 Единный властитель судебъ темныхъ міра!
 Чтобъ былъ безъ тебя безпокойный нашъ свѣтъ!
 Чтобъ были давно ужъ народы, безъ вѣры?...

«О дивная вѣра, о свѣтъ, всѣмъ родной!
 Ты все поборолъ,—пространство и время,
 Царей и народы, и холодъ, и зной;
 Ты весь міръ связала для насъ воедино,
 И сблизила дальнія страны собой;
 Тобой измѣнился самъ образъ вселенной,—
 Ты рядъ новыхъ силъ создала для земли,
 Тобой заселились моря и пустыни,
 Бесплодная дебрь и пески разцвѣли;
 Ты въ духъ нашъ вложила безплотныя крылья,
 А сердцу больному дала свой покровъ;
 Ты съ новыхъ народовъ сняла ихъ оковы,
 А съ общества спячку минувшихъ вѣковъ;
 Ты въ царствахъ устроила новый порядокъ,
 И сдѣлала право народовъ святымъ,
 Внесла въ новый міръ нашъ любовь и согласие;
 Ты всѣхъ уравнила ученьемъ твоимъ
 И всѣмъ указала на міръ еще лучшій...

«Когда свѣтъ дрожалъ въ основаньи своемъ,
 При страшномъ разливѣ Полночныхъ народовъ,
 Когда разрушалось все ветхое въ немъ,
 И падало съ шумомъ подъ страшной грозой,
 И цѣлыя страны, и царства земли
 Ломало волненьемъ,—одно твое царство,

О дивная вѣра, подмытъ не могли,
Или затопить всекрушащія волны;
Одно устояло оно, возросло,
Подъ этой кровавою, страшною бурей,
Одно удержало и руль, и весло,—
И выплыло тѣмъ же свѣтильникомъ міра.

«Мы можемъ теперь справедливо сказать,
Что всѣ просвѣщенные страны свободны,
Насколько смогли и сѣумѣли понять
Онѣ духъ общественной, честной свободы.
Но первый лучъ этой свободы благой,—
Чтобъ умники ваши теперь ни кричали,
Какъ міръ ни глумился-бъ надъ вѣрой святой,—
Лучъ первый свободы внесенъ Христіанствомъ!...
Ученъ Христа,—ея первый оплотъ.
До этого не было въ міръ свободы,—
Христось пробудилъ угнетенный народъ,
Въ Христѣ онъ увидѣлъ царя надъ царями;
Христось уравниалъ всѣхъ, и двинулъ впередъ,
Всѣмъ сдѣлавъ доступными свѣтъ и богатства
Духовнаго міра.

«Кто знаетъ теперь,
Какъ встанетъ высоко развитіе вселенной?
Народамъ къ развитію отворена дверь,—
Но сколько преградъ еще, сколько сомнѣній!...
Безсиліе, бѣдность,—вотъ нашъ приговоръ!
Богатство и Сила,—два хищные звѣря,
Вселенную гложутъ до сихъ еще поръ...
Кто ихъ усмирить?—Кто, опричь христіанства?
Кто сниметъ съ нихъ когти? Кто жадный ихъ взоръ
Направить къ верховному благу народовъ?
Кто ихъ введетъ съ миромъ во всѣ тѣ мѣста,
Гдѣ путь пролагаетъ одно имъ насилье,
Кто,—кромѣ того же ученъя Христа,
Гдѣ все есть,—и миръ, и согласье, и братство?...

«Мечтая путь новый народамъ открыть
Въ возникшей неровно общественной жизни,
Иные стремятся въ народахъ убить

Послѣднюю вѣру, и съ этимъ низвергнуть
 Надежду на Промыслъ. Конечно, они
 Въ стремленьяхъ своихъ никогда не успѣють,—
 Но были-бъ то страшные, страшные дни!
 Пусть Бога не будетъ, но вѣра все будетъ:
 Потребность ея въ человѣкѣ самѣмъ.

Народы невольню искать будутъ Бога;
 Что-жь? Лучше-ль они своимъ хитрымъ умомъ
 Его создадутъ, чѣмъ Онъ есть, Богъ небесный?

«Я въ мѣрѣ еще первобытномъ жила,
 Жила я и въ мѣрѣ гораздо позднѣйшемъ,
 Когда власть великаго Рима слыла,
 При силѣ его и гражданскомъ развити,
 Едва не всемирной. Свѣтло было въ немъ;
 Со страхомъ смотрѣлъ на него нашъ мѣръ темный.
 Тогда еще боги вишѣли вкругомъ;
 Но Богъ милосердія,—Онъ былъ невѣдомъ;
 Народы не знали небесной любви
 И создали только боговъ ярыхъ мщенья.
 Вселенна времянь тѣхъ тонула въ крови,—
 Мы всѣ чтили мечь,—милосердія жъ не знали.
 Народной свободой хвалился и грекъ,
 И римлянинъ гордый,—и мы,—люди мрака;
 Но что при свободѣ той былъ человѣкъ
 Иль личность его,—но вы знаете сами!...

«Свобода и личность стонали въ цѣпяхъ,
 Подъ гнетомъ народнымъ иль гнетомъ тирановъ;
 Надъ обществомъ могъ лишь господствовать страхъ,—
 Да было-ли общество въ вѣкъ тотъ ужасный?..
 Зародышъ общественной силы—семья;
 Семья-же въ то время была еще въ рабствѣ.
 У насъ была силой въ то время,—земля:
 У грековъ, у римлянъ,—власть смутная гражданъ.
 Опора общественной силы, оплотъ,—
 Есть частная личность; ея мы не знали,—
 Всѣ были безличны; былъ только народъ,
 Народъ безпокойный,—иль гнетъ былъ владыки.

«Я помню нашъ край, когда Донъ и Дунай,

И Лаба, и Бугъ, и Карпатскія горы,
 Прибрежія Понта, Поморскій весь край,
 До моря Морозовъ,—давно составляли,
 За малымъ изъятъемъ, одинъ міръ родной;
 Тутъ слышалось всюду родное намъ слово,—
 Всѣ были Словене; а міръ, намъ чужой,
 Мы звали Нѣмымъ, безсловесною Чудью.

«Свѣжа еще память была о тѣхъ дняхъ,
 Когда правый берегъ кормилицы Волги
 Морскимъ былъ побережьемъ; а въ этихъ степяхъ,
 Гдѣ Каспій,—стояло Эвксинское море.

«Развитіе нашихъ главнѣйшихъ родовъ
 Такъ было высоко, что нѣмцы въ то время
 Считали славянъ за пришельцевъ-боговъ,
 И долго боялись познаній ихъ вѣщихъ. ¹³⁾

«Въ міръ этотъ народный, тогда принесла
 Я образы много изъ древняго міра;
 Но ихъ помрачила Полночная мгла,
 Ихъ краски затерли вѣка и пространство.
 Имъ нѣкогда было, окрѣпнувъ, взрости,
 Иль вновь возродиться здѣсь въ образахъ высшихъ.
 Пришли мы въ край новый; у насъ на пути
 Шель ливень кровавый и прыскали стрѣлы.
 Одинъ цвѣтокъ вешній созрѣть только могъ
 Въ странѣ этой вольной,—то наша свобода;
 Но это былъ дикій, колючій цвѣтокъ,—
 И много онъ стоилъ хлопотъ намъ и крови!..

«Какъ дивимъ онъ выросъ, такъ онъ и поблекъ,
 Едва власть князей водворила порядокъ!
 Порядокъ убилъ духъ свободный славянъ,
 Затѣмъ что въ свободѣ ихъ было все ложно.
 Нашъ міръ возросталъ, какъ растетъ великанъ,
 Причудливо полный размахистой воли
 И дивихъ затѣй, хотъ исполненный силъ,
 И силъ исполинскихъ.

Онъ весь кипѣлъ распрей.
 Растлѣнный Римъ скоро бы насъ развратилъ,—
 Сыны наши, братья, его потѣшали

Въ старусныхъ цѣрквахъ; другихъ онъ манилъ
 Своимъ обаяньемъ, въ его легионы;
 Римъ даже смѣялся, что мы безъ царя,
 И стравливалъ силы племень нашихъ вольныхъ;
 Но къ счастью, вечерняя эта заря
 Дряхлѣвшаго Рима,—она озаряла
 Его разрушенье.

«Свѣтъ новый Христовъ

Святой благодатью своей спасъ вселенну;
 Благая рѣшительность вашихъ отцовъ,
 Призваніемъ князя,—спасла нашу землю!..

«Вселенна кончалась. Ходъ времени сталъ,
 Скригѣли колеса однѣ грубой силы,
 И тѣ перетерлись. Отжившій міръ ждалъ,
 Ждалъ всюду,—въ Элладѣ, на дальнемъ Востокѣ,
 Въ самомъ даже Римѣ, и въ прочихъ странахъ
 Его государства,—міръ ждалъ обновленья.
 Народный духъ всюду томился въ цѣпяхъ,
 И жадно искалъ для себя возрожденья,
 Пророка, Мессію....

«И вотъ, Онъ предсталъ,—

Предсталъ изъ темнѣйшихъ слоевъ онъ народныхъ,
 Изъ яслей вертепа,—отколь міръ не ждалъ!
 Отъ пастырей мирныхъ, подобныхъ Микулѣ...
 Предсталъ человѣкомъ онъ самымъ простымъ,
 Но свыше даруя больнымъ исцѣленье,
 Рабамъ избавленье,—прозрѣнье слѣпымъ;
 Властямъ—милосердье, законникамъ—правду,
 Союзъ и свободу народамъ земнымъ,
 И всѣмъ—миръ душевный, любовь и безсмертье.

«Наитіе этой всемірной весны

Должно измѣнить было образъ вселенной;
 Цари-полубоги сошли съ вышины,
 Духъ смертныхъ воспрянулъ. Міръ древній, отжившій,
 Какъ ветхій корабль, опустилъ паруса;
 Сѣдой любодѣй, Римъ державный, кончался....
 Господь свилъ, какъ ризу, его небеса,
 И выдѣлилъ землю его людямъ новымъ.

«Полчища народовъ со всѣхъ шии сторонъ
 На трудъ обновленья,—и тѣмъ начинали,
 Не вѣдая сами, міръ новыхъ временъ.
 Ихъ вождь становился властителемъ края
 И землевладѣльцемъ; лѣса и поля
 Дѣлились на части межъ лучшихъ пришельцевъ.
 Впервые явились родная семья
 И личное право гражданской свободы,
 Свободная личность,—сей первый залогъ
 Грядущихъ успѣховъ и силы народной!

«Міръ рабства и деспотовъ, больше не могъ
 Задерживать свѣта, свободу развитья;
 Кумиръ провозвола и власти крутой
 Упалъ передъ новымъ значеньемъ народовъ.
 Слѣпой судъ людской, прелесть славы земной,
 Разсыпались въ прахъ предъ Судьею небеснымъ;
 Кулачное право, бичъ этотъ земли,
 Дрогнуло предъ правдой всезрачаго Бога;
 И рабъ, и убогій, и нищій, вошли
 Въ кругъ свѣтлый всемірной семьи христіанской;
 Жизнь стала не призракомъ только пустымъ,
 Не праздною игрушкой любаго тирана;
 Но жизнь стала битвою съ міромъ земнымъ,
 Аrenoй стыда иль безсмертной побѣды.

«Земля возрождалась,—и духъ новыхъ силъ,
 Духъ разума, правды, духъ новаго свѣта
 И новыхъ стремленій, незримо парилъ,
 Надъ полной надеждою, новой вселенной;
 И Богъ милосердья, Богъ мира, любви,
 Снималъ самъ печати съ таинственной книги
 Судебъ земли новыхъ, омытыхъ въ крови
 Того, Кто самъ назвалъ себя сыномъ Божьимъ.

«Такъ послѣ кровавыхъ и тягостныхъ дней
 Тираниі дикой, когда милосердый
 Царь сядетъ на тронъ, и властью своей
 Даруетъ родному народу свободу;
 Такъ радостно видитъ воскресшій народъ
 Отмѣну всѣхъ прежнихъ стѣсненій тяжелыхъ,

И чувствуетъ духомъ воскресшимъ впередъ
 Паденье насилій минувшаго царства.
 Свободная мысль, не стѣсняясь, парить
 По вольному свѣту; всѣ дышать свободно;
 Достоинство прямо, спокойно глядитъ
 Въ державныя очи царя, не страшась
 Ни подлыхъ доносовъ, наушниковъ злыхъ,
 Ни собственныхъ, мрачныхъ его подозрѣній;
 Весь край торжествуетъ въ надеждахъ своихъ,
 И благославляетъ счастливое царство!...

«Привѣтствую васъ, о великіе дни,
 Принесшіе также и намъ обновленіе!
 Теперь вы исчезли далеко въ тѣни
 Минувшихъ временъ и новѣйшихъ событій;
 Но вы неизмѣнны значеніемъ своимъ
 Для нашей страны и ея возрожденія.
 Подъ вашимъ наитіемъ только благимъ
 Могли поборотъ мы всѣ наши невзгоды....
 Велики и святы тѣ дни, край родной,
 Велики и святы они намъ вѣки!
 Съ тѣхъ поръ ты выходишь изъ ночи глухой,
 Сіяя твоимъ православнымъ единствомъ;
 Вступаешь, какъ древній титанъ, въ міръ живой,
 Въ среду христіанскихъ, великихъ народовъ!
 Съ тѣхъ поръ ты смягчаешь духъ нравственный твой,
 Растешь и мужаешь душевною силой!
 Всеесильная вѣра блеститъ предъ тобой
 Во всякое время звѣздой путевой;
 Она твоя сила, она тебѣ щитъ;
 Ты самъ получаешь двойное значеніе, —
 Народъ не отчизну въ тебѣ только чтитъ,
 Но также и то, что ты край православный.

«Но что всѣ усилія нашихъ трудовъ
 И нашихъ стремленій предъ Промысломъ Божьимъ!
 Мы силѣмся тяжкій трудъ цѣлыхъ вѣковъ
 Сломать, сокрушить, перестроить въ мгновенье;
 А Онъ, каждый узелъ событій земныхъ

Готовить вѣками. Мы каждый нашъ подвигъ,
 И всякое дѣло, изъ самыхъ благихъ,
 Стараемся сдѣлать насильемъ, крушеньемъ;
 А Онъ, всему,—людямъ, народамъ, вѣкамъ,
 Добру, какъ и злу, ходъ оставилъ свободный;
 Онъ даже нигдѣ не является Самъ,—
 Но видѣнъ повсюду. За то, что ни зиждемъ
 И что ни творимъ мы въ семь мѣръ земномъ,—
 Мы зиждемъ лишь смерть, и творимъ разрушенье;
 А онъ,—даже, въ нашемъ крушеньи слѣпомъ,
 Опъ зиждетъ вновь жизнь, и изъ смерти—безсмертье.

«Безумныя распри и лживый кумарь
 Незрѣлой, слѣпой, полудикой свободы,
 Сгубили славянскій нашъ Западный мѣръ,
 И предали въ руки враговъ иноземныхъ.
 Они разорвали его на клочки;
 Лишь сила живая народнаго духа
 Его сохранила. Изъ бурной рѣки
 Онъ въ сѣть превратился чуть видныхъ потоковъ.
 Отрадно, что въ нихъ хоть вода не стоитъ,
 А вновь пробиваетъ русло,—и быть можетъ,
 Рѣка эта скоро Востокъ оживить
 Своимъ величавымъ и мирнымъ теченьемъ!

«Единство народное край нашъ спасло
 Отъ страшной той бури. Могущество наше
 Потомъ самобытно и быстро росло,—
 Почти во главѣ племенъ новыхъ Европы. 14)

«Блистательно началъ нашъ край новый путь.
 Нашъ Киевъ всѣ знали,—и Сѣверъ и Западъ;
 Громъ самыхъ усобицъ не могъ пошатнуть
 Народнаго духа, ни силы народной...
 Но мѣстность страны народъ русскій влекла
 Совсѣмъ не къ единству. Предъ нимъ разстиались
 Пустыя пространства. Судьба призвала
 Нашъ сильный народъ быть сперва пионеромъ
 И колонизаторомъ.

«Съ самыхъ тѣхъ дней,
 Когда онъ явился,—исторія наша

Есть только разсказъ про свободныхъ людей,
 Себѣ пролагающихъ путь, отъ Полудня
 На дальній Востокъ и на Сѣверъ. Поднесь,
 Пожалуй, мы тѣже еще піонеры!..
 Въ чемъ главное наше значеніе здѣсь?
 Не въ томъ ли, что мы заселяемъ пустыню?...
 Что дѣлаемъ мы?—Расширяемъ нашъ край,
 Еще не успѣвши создать домоводства.
 Идетъ,—такъ и ладно; застряли,—пускай!
 Земля вѣдь не клиномъ сошлась. Господь знаетъ,
 Гдѣ даже теперь конецъ русской земли.
 Сосѣдъ намъ мѣшалъ,—мы его отдвигали;
 Мѣшали намъ власти,—мы далѣе шли.
 Народъ нашъ разсыпался въ страшномъ пространствѣ,
 Какъ въ морѣ пустынномъ града острововъ;
 На насъ поднимались Востокъ, потомъ Западъ,—
 Всѣмъ путь къ намъ широкій! Опричь городовъ,
 Ни горъ нѣтъ, не моря на нашу защиту...
 Но насъ не смущали ни рати враговъ,
 Ни наша разрозненность въ этой пустынѣ!
 Лишь тяжесть татарщины, только она
 Успѣла сдвинуть эту мощную силу;
 Событъя слагались скорѣй, чѣмъ страна,—
 Страна, разобщенная страшнымъ пространствомъ.
 «Нѣтъ больше вождей, ни отчизны святой,
 Князья, вожди, рати, все рухнуло въ бездну;
 Но живъ русский Богъ,—и изъ бездны глухой
 Нашъ край вновь воспрянулъ и двинулся далѣе.
 «Москва, опираясь на крѣпкій народъ,
 Снимаетъ съ насъ цѣпи; страна снова дышетъ;
 Но царь-побѣдитель съ поры той беретъ
 Неврѣдную волю къ себѣ подъ опеку.
 Народъ сознаетъ превосходство его;
 Москву озаряетъ блескъ новыхъ успѣховъ,—
 Царь собралъ край павшій; онъ выше всего;
 Его Богъ поставилъ въ главѣ земли русской,—
 Тотъ Богъ, что хранить ее съ древнихъ вѣковъ,
 Тотъ Богъ, что воссоздалъ ее въ государство;

Тотъ Богъ, что народъ чтить всѣхъ выше боговъ,
Кого онъ издревле зоветъ Богомъ русскимъ.

«То Богъ—ратоборець нашъ противъ враговъ,
Единый Богъ истинный, Богъ православный;
То Богъ нашихъ русскихъ, особыхъ судьбинъ,
То Богъ, указующій путь намъ въ грядущемъ,
То Богъ нашихъ крѣпкихъ, побѣдныхъ дружинъ,
То Богъ нашей силы и славы народной!..

«Что послѣ того ни свершилось въ странѣ,
Свершило, во имя Его,—государство;
Боярамъ, князьямъ, принадлежитъ исполнѣ
Вся слава и честь; а народу лишь бремя.
Москва пошла прежнимъ, знакомымъ путемъ, —
Едва утвердившись, она продолжала
Свои расселенья; что жило кругомъ,
То стало тотчасъ же ея достояньемъ.
Какъ цѣпь ледяную сорвавшій, потокъ,
Нашъ край заливаеъ соседнія страны, —
Своихъ и чужихъ... И далекий Востокъ,
И Сѣверъ трепещутъ предъ Нимъ, Богомъ русскимъ.

«Онъ краю предсталъ—на Днѣпровскихъ берегахъ,
Что стали вунелью судебъ нашихъ новыхъ;
На этихъ священныхъ намъ, русскимъ, мѣстахъ,
Откуда впервые странѣ воссіяла
Заря новой вѣры,—тотъ свѣточъ живой,
Блестящее это, живящее утро,
Что насъ оживляло и грѣло собой
Среди самыхъ тяжкихъ для насъ испытаній;
Гдѣ нашъ народъ ищетъ понывъ себѣ
Цѣлительной силы и силъ чудотворныхъ,
Въ недугахъ и скорбяхъ, и въ тяжкой борьбѣ
Съ судьбою гнетущей.

«Народъ его видѣлъ
И тамъ, въ этомъ градѣ, что древле связалъ
Распавшійся край нашъ въ единое царство,
Гдѣ стольный нашъ князь въ первый разъ воспріялъ
Священное имя царя земли русской!
Въ томъ градѣ великихъ событій родныхъ,

Часть II.

Что весь опоясанъ широкою лентой
 Обителей древнихъ и храмовъ святыхъ, —
 Какъ вѣщею хартіей, книгой живою
 Исторіи нашей и славы родной;
 Тамъ, гдѣ сама дивная Матерь Господня,
 Притекши чудесно съ вершины святой,
 Ей павшаго древле на жребій, Афона,
 Предстала во всемъ благолѣпьи земномъ,
 При самыхъ вратахъ, на пути царей русскихъ
 Въ златымъ ихъ чертогамъ, — и ночью, и днемъ,
 Посредницею вѣрною о всѣхъ передъ Богомъ.

«И тамъ, въ той пустынѣ и дебряхъ лѣсныхъ,
 Издревле родной намъ, глухой Полуночи,
 Откуда, какъ солнце изъ тучъ снѣговыхъ,
 Блеснулъ намъ впервые лучъ ясный гражданства;
 Гдѣ нашъ еще юный народъ-исполинь,
 Почуялъ впервые великій свой жребій, —
 И вмѣстѣ съ вождями варяжскихъ дружинъ,
 Далъ краю нестройному миръ и порядокъ;
 Но гдѣ еще долго вели смертный бой
 Духъ древній Перуна, и новый — Софіи;
 Одинъ, — за обломки свободы былой,
 Другой, — за гражданственный этотъ порядокъ, —
 Покуда Московскій двухглавый орелъ
 Вмѣшался въ ихъ распрю, и стиснулъ обоихъ
 Своими когтями, украсивъ престолъ
 Московскихъ царей богатѣйшей страной.

«И тамъ, въ этомъ краѣ, почти намъ чужомъ,
 Гдѣ вдоль мутной Клязьмы сидѣлъ народъ Меря,
 Заглохшій потомъ подъ орлинымъ гнѣздомъ
 Младыхъ шестокрыльцевъ семьи Мономаха, —
 Откуда ихъ духъ безповойный грозилъ
 Совѣмъ отшатнуться отъ дальняго Юга, —
 И сѣверной ратью своей надломилъ
 Стягъ Кіева древній; но гдѣ ихъ власть скоро
 Померкла навѣки предъ юной Москвой,
 Сей яркой звѣздой золотого единства
 Земли нашей русской и силы родной, —

Оставивши намъ, отъ тѣхъ грустныхъ усобищъ,
 Въ наслѣдье одинъ только образъ живой, —
 Нетлѣющій образъ Царицы Небесной,
 Какъ дивный залогъ суеты ихъ земной,
 Предъ крѣпостью Промысла силы небесной.

«И тамъ, среди этихъ священныхъ равнинъ, —
 Равнинъ славныхъ Дона и мутной Непрядвы,
 Гдѣ вспрянулъ впервые нашъ духъ-исполинь
 Отъ тяжкаго ига неволи татарской;
 Куда съ напряженьемъ смотрѣлъ край родной,
 То полный надежды, то смутнаго страха,
 Пока князь московскій бросалъ жребій свой
 И жребій страны всей въ вѣсы ярой битвы;
 Но Вышній на эти вѣсы возложилъ
 Градущую участь земли всей Полночной, —
 И гласъ чудотворца Его возвѣстилъ
 Народу впередъ, о великой побѣдѣ.

«И тамъ, въ малолюдныхъ въ то время мѣстахъ,
 Рѣки Костромы и побережій Поволжскихъ,
 Гдѣ нѣкогда въ темныхъ, дремучихъ лѣсахъ
 Гнѣздилося племя старинное Веси;
 Но гдѣ Матерь Божья явилася вновь,
 Заступницей вѣрной земли своей русской, —
 Пославъ, облеченнаго въ тѣло и кровь,
 Стратига Господня, изъ стѣнъ монастырскихъ,
 Принять престолъ царскій, — и край нашъ родной
 Спасти отъ ревушей грозы междоцарствья;
 Откуда и нынѣ покровъ свой святой
 Простерла она надъ его вѣнценоснымъ,
 Державнымъ потомкомъ, и дивной рукой
 Страну защитила отъ отцеубійства
 И новыхъ несчастій.

«И тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ долго боролся край русскій со шведомъ,
 И тотъ, и другой, въ бесполезныхъ боахъ
 Вотще тратя силу, — пока не явился
 Великій нашъ Петръ, и рѣшилъ навсегда
 Ихъ споръ неисходный; гдѣ такъ величаво

Потомъ воссіяла Россія звѣзда,
 Какъ огненный мечъ, надъ смущенной Европой;
 Гдѣ образъ Петра и понынь парить,
 Поднявши коня надъ змѣю крамолы,
 Раздавленной имъ о холодный гранитъ,
 И гордо простерши свою длань на западъ.

«И тамъ, среди этихъ широкихъ степей,
 Гдѣ Вятичи древле сидѣли съ Мещерой;
 Но гдѣ потомъ тотъ же царь русскихъ людей
 Намъ создалъ тѣ быстрыя, мощныя врыля,
 Что насъ понесли по далекимъ морямъ
 Обѣихъ земныхъ полушарій,—и скоро,
 Ко славѣ народной, доставили намъ
 Почетное мѣсто въ средѣ странъ сильнѣйшихъ;
 Въ тѣхъ славныхъ мѣстахъ, гдѣ до нынѣшнихъ дней
 Почіеть съ святыми тотъ свѣтлый подвижникъ,
 Слуга вѣрный царскій, что силой своей
 Провидя заботу царя-исполина,
 Сумѣлъ въ свое время ему заявить
 Значенье, ненужной обителямъ Божьимъ,
 Казны монастырской,—и благословить
 Державныя руки на общее благо.

«И тамъ, среди безсмертныхъ Полтавскихъ полей
 И вѣчно священныхъ полей Бородинскихъ,
 Гдѣ дважды Богъ русской десницей своей,
 Отъ гибели вѣрной спасъ русскую землю.
 О чудные дни! Какъ степной ураганъ,
 Два раза, гроза шла на насъ истребленья;
 Но живъ русский Богъ! Всталъ родной великанъ,
 И край отстоялъ богатырскою грудью.
 Ты первый желалъ этой страшной борьбы,
 О баловень счастья, Алкидъ Полуночный;
 Но ты не дождался рѣшенья судьбы,
 И раненымъ волкомъ исчезнулъ во мракѣ.
 Другой,—тотъ считался самъ богомъ побѣдъ,—
 Хотѣлъ затопить насъ безсчетною силой;
 Но въ ужасѣ двинулся вспять,—и во слѣдъ,
 Какъ осенью листья, легли его рати.

«И тамъ,—по улусамъ тѣмъ, долго чужимъ,—
 Отъ устья Базанки до степи Хвалынской,
 Что долго томили насъ игомъ своимъ,
 Опасные древле ихъ силой змѣиной;
 Куда народъ русскій не разъ приходилъ
 Испробовать мечъ свой, но были бесплодны
 Его всё усилья,—пока не срубилъ
 Онъ голову гидры, оставивъ одно ей
 Безсильное жало,—до лучшихъ временъ
 Но гдѣ ужъ давно,—тамъ, откуда, какъ тучи,
 Неслись на насъ орды татарскихъ племенъ,
 Сіяеть далеко свѣтильнигъ науки,
 И крестъ православный, сей свѣточъ живой
 И первый предвѣстникъ народнаго свѣта,
 Блестить высоко надъ двурогой луной,—
 Побѣдной хоругвью надъ бывшимъ здѣсь мракомъ.

«И тамъ, въ этомъ градѣ лѣсномъ кривичей,
 Что прежде былъ гранью страны Полуночной,
 И долго считался у ратныхъ людей
 Ключемъ заповѣднымъ земли нашей русской;
 Въ той крѣпкой твердынѣ, о чью грудь не разъ
 Разбились полчища враждебныхъ намъ ляховъ;
 А послѣ загнулся титанъ тотъ, чей гласъ,
 Подобно рыканію льва, бросалъ въ трепетъ
 Царей и народы; куда онъ предсталъ,
 Владыкой полміра, шагая чрезъ страны,
 И гдѣ, черезъ мѣсяцъ потомъ, пробѣжалъ,
 И раненный на смерть.

«И тамъ, въ этотъ краѣ,
 Давно также нашемъ, гдѣ древле лежалъ
 Путь русскихъ въ варягамъ,—въ странѣ этой водной,
 Впервые значеніе чье указалъ
 Все тотъ же великій творецъ земли русской,
 Связавши здѣсь сѣтью озерно-рѣчной
 Заволжскій Востокъ и приморскій нашъ Западъ;
 И гдѣ вновь явила свой образъ святой
 Заступница наша земли свято-русской,
 И намъ указала примѣромъ своимъ,

Чтобъ мы ее чтили не цѣнностью вкладовъ,
 Но теплою вѣрой и дѣломъ благимъ, —
 Велѣвши поставить на собственномъ храмѣ
 Не крестъ позлащенный, но самый простой,
 И строго изгнавъ оттолъ всякую роскошь.

«И тамъ, въ этомъ царствѣ мятелей и вьюгъ,
 На островѣ дикомъ пустыннаго моря,
 Гдѣ крѣпкая вѣра простыхъ божьихъ слугъ
 Устроила мѣсто труда и молитвы,
 Осилить безплоды природы скупой
 И ярость стихій, и край безотрадный;
 И нынѣ еще доказала собой,
 Что твердость не въ силѣ, но въ доблестномъ духѣ;
 Что горсть людей слабыхъ, кому чуждъ булатъ,
 Но крѣпкая вѣрою, — выдержать можетъ.
 Со славой, напоръ и враждебныхъ армадъ,
 И гибельный дождь смертоносныхъ орудій, —
 И видѣть ихъ бѣгство.

«И тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ въ прежнее время кипѣлъ мѣръ раздольный
 Курятъ тѣхъ, повитыхъ на бранныхъ щитахъ,
 Вскормленныхъ съ копыя, — что знавали издѣтства
 Пути и яруги по дальнимъ степямъ,
 Летая орлами въ ордахъ Половецкихъ,
 Искать себѣ чести и славы князьямъ;
 Но гдѣ теперь вѣщая сопка Микулы
 Гуляетъ давно по спокойнымъ полямъ,
 И серпъ его блещетъ по нивамъ веселымъ;
 Куда притекаетъ народъ и поднесъ, —
 Но только на торгъ и на иршество мира, —
 Циръ свѣтлый, явившейся также издѣсь,
 Владычицы края, Царицы Небесной.

«И тамъ, среди этихъ священныхъ высотъ
 Родной намъ Тавриды, куда Господь дважды
 Къ себѣ призываетъ нашъ Полночный народъ, —
 Сперва въ лучезарномъ сіяніи утра,
 Потомъ въ вихрѣ бурномъ и блескѣ громовъ;
 И дважды снималъ съ насъ своєю рукою

Истёртыя ризы и ветхій покровъ
 Судебъ нашихъ прежнихъ, — сначала омывши
 Отцовъ нашихъ свѣтлой крещенья водой;
 А нынѣ, страхнувши, какъ грязную ветошь,
 Нашъ край недостойный, — и гнѣвной рукой
 Очистивъ его, — не водой очищенья,
 Но русскою кровію, кровью родной,
 И нашимъ примѣрнымъ, за гордость, несчастьемъ.

«И тамъ, въ высотахъ тѣхъ, не чуждыхъ Балканъ,
 Отколь, съвозъ яснѣющій мракъ отдаленья,
 Недавно зрѣлъ сѣверный нашъ великанъ,
 У ногъ своихъ древнія стѣны Царьграда...
 Но Вышній въ совѣтѣ своемъ отложилъ
 Еще возрожденъ страны этой мертвой,
 И нашъ богатырь, вложивъ мечъ, — подарилъ
 Еще разъ, миръ кроткій дрожащимъ османламъ.

«И тамъ, по безвѣстнымъ еще тѣмъ мѣстамъ
 Восточнаго міра, но гдѣ народъ русскій
 Готовитъ край новый грядущимъ вѣкамъ, —
 Въ томъ мірѣ широкомъ и полномъ обилья,
 Гдѣ очень недавно горсть нашихъ людей
 Успѣла поставить лишь первыя вѣхи,
 А нынѣ трудится, при звонѣ мечей,
 Отборная наша, могучая сила,
 И намъ пролагаетъ два новыхъ пути, —
 Къ предѣламъ Китая и къ древнему Инду,
 Всѣмъ бросивъ загадку: съ чѣмъ долженъ придти,
 И скоро-ль придетъ туда богатырь русскій?... *)»

«Но еслибы я и еще перечла
 Другіе успѣхи земли нашей славной,
 Гдѣ Божія сила надъ нею прошла, —
 Они всё на долю падутъ государства.
 Оно утвердилось, оно возросло,
 Богъ русскій исполнилъ его силы, славы;
 А что же народу на долю легло?

*) Предпочинимъ кстати, что, завоевывая нынѣ Среднюю Азію,
 мы завоевываемъ вѣкъ, — будущую азіатскую Европу.

На долю народа осталась лишь вѣра, —
И онъ живетъ вѣрой!..

«А вѣра у насъ, —
Пока лишь обрядность. Другой мы не знаемъ.
Народъ темный принялъ ея вѣщій гласъ
По своему, сколько ему онъ доступенъ.
Въ ея глубину насъ никто не вводилъ,
Ея мѣръ духовный никто намъ не рѣшилъ;
Лишь только, при помощи собственныхъ силъ
Народъ просвѣтился его свѣтомъ новымъ.

«А мѣръ нашъ языческой слишкомъ богатъ
И слишкомъ обряденъ, чтобъ могъ уступить онъ
Престолъ свой безъ боя. Народъ нашъ былъ радъ,
Увидѣвши въ храмахъ своей новой вѣры
Боговъ еще древнихъ, и съ первыхъ же дней
У насъ въ государствѣ явились двѣ вѣры:
Одна, — вѣра высшихъ бояръ и князей;
Другая, — слѣпая, народная вѣра.

«Сперва, межъ нихъ рознь небольшая была;
Но въ помощь боярамъ пришло просвѣщенье;
А въ темномъ народѣ росла только мгла,
Народъ и остался бы въ томъ положеньи,
Когда бъ не явился на помощь расколъ;
Но этотъ расколъ сталъ невольнымъ разрывомъ
Съ боярскою вѣрой, — и приступъ повелъ
И противъ нее, и противъ государства.

«Москва распростерла ужъ крылья свои
Надъ волей народной сосѣднихъ ей княжествъ;
Но Сѣверъ и Югъ древней русской земли
Еще оставались на всей своей волѣ.
Особенно дорогъ мнѣ былъ древній Югъ.
Тамъ бросила сѣмя жизни свободной,
Тамъ первый срядила народный я кругъ,
Тамъ встарь пѣснь гремѣла моя на Дунайъ,
По тихому Дону, на славномъ Днѣпрѣ, —
Тамъ было житье... Но теперь, кто же помнить
Объ этой раздольной, далекой порѣ?..
Тамъ я основала быть вольный казачій;

Оттоль поднялись гайдамаки мои,
Прямые потомки богатырей древнихъ,
Новѣйшіе рыцари русской земли.

«Христовъ свѣтъ сіялъ ужъ по всей землѣ русской,
Его духъ проникнулъ въ плоть нашу и кровь;
Но съ нимъ, удержался и прежній міръ древній.
Всю нашу утѣху, забаву, любовь,
Еще составляла кровавая битва;
Мои сыны стали вновь богатыри,
А вольный ихъ Кошъ, — богатырской заставой;
Вожди кошевые, — имъ были цари, *)
А вражія страны, — землею злыхъ дивовъ
И силы нечистой. Кличъ грозный войны
Считался за гласъ православнаго Бога.
Какъ въ дни самой темной еще старины,
Народъ называетъ себя свѣтло-русскимъ;
Но Богъ православный сталъ богомъ дружинъ,
Завистливымъ богомъ побѣды и славы, —
Какъ древній Перунъ или древній Одинъ,
Лишь въ образѣ только иномъ, христіанскомъ.

«Тогдашній мой образъ яснѣе всего
Я выражу въ образѣ свѣтломъ Корчмарки.
Теперь обаянье исчезло его;
Но въ тѣ времена вокругъ него развивался
Весь бытъ нашъ народный. Корчма въ эти дни
Была главнымъ мѣстомъ народныхъ собраній;
Тутъ былъ лучшій людъ, тутъ рѣшали они,
Какъ въ древнихъ вугинахъ, народныя тяжбы,
Судили дѣла, а народъ узнавалъ
Про всѣ распорядки властей своихъ высшихъ.
Тутъ былъ и священникъ; сюда заѣзжалъ
И мирный жупанъ, и отважный разбойникъ;
Здѣсь славнаго Марка однажды спасла

*) Исторически, — эти цари или царьки, т. е. кошевые атаманы, имѣли значеніе только въ военное время, въ походахъ. Въ остальное же время въ Кошѣ господствовала полная распущенность, что, какъ извѣстно, и добезало его несостоятельность къ прочному гражданскому развитію.

Отъ смерти корчмарка, душа-Ангелина;
 А послѣ, съ нимъ вмѣстѣ, нарочно была
 Во градѣ Софіи, чтобъ высватать Марку,
 Ея побратиму, прекрасную дочь
 Болгарскаго князя, наря ли, Шишмака;
 Здѣсь разъ, прогулявши съ друзьями всю ночь,
 Красавица чудной красы, Бондарувна,
 Одна изъ чистѣйшихъ, народныхъ дивчинъ,
 Погибнула жертвой насильниковъ Польскихъ, —
 И долго пѣвицы народныхъ былинъ,
 Гремѣли хвалою ей по цѣлой Украинѣ:

«Ой у Лудку въ славномъ мѣсти, капалія грае,
 «Молодая Бондарувна у корчмі гуляе»....

Здѣсь вѣдала все я, что дѣлалось въ свѣтѣ,
 Браталась съ юнакомъ, судила съ попомъ,
 Дружила съ жупаномъ; здѣсь ѣли и пили;
 Веселый рассказчикъ смѣнялся пѣвцомъ;
 А въ свѣтломъ стодолѣ, просторномъ сараѣ,
 Дивчаты и парни сходились плясать;
 Здѣсь будто и лавки натерты смолоу, —
 Кто только присядеть, тому ужъ не встать.

«Не то еще было внутри государства!
 Тамъ новый духъ времени всюду засталъ
 Старинный языческій міръ во всей силѣ;
 Свѣтъ вѣры христовой здѣсь только свѣталъ,
 Едва замѣчаемый въ жизни народной;
 Народная жизнь здѣсь держалась вдали
 Отъ жизни воинственной бурнаго Юга;
 Народъ жилъ во мракѣ; его дни текли
 Подъ сѣнію образовъ древняго міра.
 Всего лучше вижу себя той порой
 Я въ образѣ свѣтломъ и вмѣстѣ чудесномъ
 Твачихи Февроніи. Въ немъ міръ былой
 И міръ, просвѣщенный едва христіанствомъ.
 Здѣсь свѣтъ Христовъ только проникнулъ въ народъ:
 Я чудная таже, какъ древле, твачиха
 И вѣщая дѣва; отецъ мой живетъ
 Въ лѣсу дроводѣломъ, а я исцѣляю

Чудесно болѣзни; моихъ свѣтлыхъ силъ
 Бойтся нечистая сила. Въ то время,
 Гнѣвъ Божій насланьемъ лихимъ посѣтилъ
 Градъ Муромъ; къ прекрасной княгинѣ летаетъ
 Злой духъ въ видѣ змѣя. Братъ князя убилъ
 Чудеснаго змѣя; но самъ заразился
 Проказой. Онъ просить, чтобъ я помогла,—
 И выслалъ гонца, за чудеснымъ лѣкарствомъ.

«Какъ вѣщая дѣва,—гонца приняла
 Я, сидя за ткацкимъ станкомъ. Я ужъ узнала
 Кто онъ, и откуда; но рѣчь повела
 Сперва съ нимъ загадками, какъ говорили
 Всѣ вѣщія дѣвы. Условаясь съ посломъ,
 Взаялась исцѣлить я болящаго князя;
 Но съ тѣмъ уговоромъ однако притомъ,
 Что князь, въ благодарность, возьметъ меня замужъ.

«Князь былъ исцѣленъ, онъ увидѣлъ вновь свѣтъ,—
 Но я впередъ знала,—меня онъ обманетъ.
 И точно, онъ скоро забылъ свой обѣтъ;
 Но можно-ль кому миновать судьбы божьей?
 Узнавъ про обманъ недостойный его,
 Опять я наслала на князя проказу,—
 И вновь исцѣливши, добилась того,
 Что онъ предложилъ мнѣ ужъ самъ свою руку.
 Мы прожили съ нимъ до преклонныхъ годовъ,
 И оба не умерли, но обаменѣли...

«Не образъ ли это древнѣйшихъ вѣковъ,
 Но въ рамѣ блестящей уже христіанства?
 Но здѣсь ужъ не Югъ! Здѣсь всѣ лики полны
 Какимъ-то безстрастнымъ, холоднымъ спокойствьемъ,
 Какъ образы самой сѣдой старины.

Они, какъ вошли сюда, такъ и остались. ¹⁵⁾

«Здѣсь, вмѣстѣ съ паденіемъ вольной земли
 Кушцовъ Новгородскихъ, все стало въ застой;
 Москва округлялась, но съ этимъ прошли
 Великіе дни у насъ жизни народной.
 Едва въ землѣ русской блеснулъ свѣтъ зари
 Благаго единства, — что въ ней ни случилось»

~~Какъ я уже сказала, свершился намъ~~

~~Руками бояръ и отважной дружины:~~

«Чтожь было со мною?— Въ татарскій погромъ

Я больше ютилась въ обителяхъ божьихъ,

Откуда не разъ въ вдохновенъи святомъ,

Звала я князей на враговъ, — вела рати,

~~Мирила раздоры, молилась за край,~~

Святила въ немъ храмы, селила пустыни,

Трудилась съ народомъ... Святой, горній рай

Быль вышею цѣлью моихъ всѣхъ мечтаній;

Міръ Божьихъ угодниковъ былъ мнѣ родной;

Сюда открытъ входъ былъ князьямъ и убогимъ,

Уму и юродству... За этой чертой

Для насъ начинался міръ тьмы и соблазновъ.

Путь къ свѣту народу былъ замкнутъ давно:

Одинъ свѣтить свѣточъ намъ, — теплая вѣра, —

И мы жили вѣрой!... Намъ было дано,

Свершить самый тяжкій нашъ подвигъ во мракѣ, —

И мы совершили!..

«А нынѣ въ странѣ,—

Кто держитъ въ ней вѣру святую, народность?

Кто край утверждаетъ въ родной старинѣ?

Кто въ душу Микулы вливаетъ терпѣнье?

Не таже ли Вана?.. Но гдѣ же она?

Пройдите по селамъ, по всѣмъ по деревнямъ, —

Ее видно всюду; страна ей полна.

Она въ храмахъ божьихъ, она въ хороводахъ,

Она точетъ въ дымной избушкѣ красна,

Она съ міръ-народомъ толкуетъ на сходкахъ,

Она потѣшаетъ былиной родной

Сыновъ своихъ ратныхъ въ далекомъ походѣ;

Она говоритъ вамъ про край нашъ былой,

Устами пѣвцовъ и каликъ перехожихъ;

Она жнетъ на нивѣ, она въ тьмѣ ночной

Читаетъ псалтирь надъ усоншимъ собратомъ;

Она прядетъ пряжу холодной зимой,

Качается красной весной на качеляхъ,

Гадаетъ на святкахъ, говѣетъ постомъ.

Сегодня она въ сарафанѣ посконномъ,
 А завтра она же въ нарядѣ цвѣтномъ;
 Ея образъ смотритъ изъ двери избенки,
 Изъ оконъ крестьянскихъ, изъ свѣтлыхъ хоромъ;
 Ея ликъ мелькаетъ надъ желтою нивой,
 Сѣвозъ частый плетень, изъ за чащи лѣсной;
 Ея пѣснь несется по темному лѣсу,
 Ея валежъ слышенъ надъ мутной рѣкой, —
 Она вездѣ, всюду, гдѣ миръ нашъ народный.

«Она, какъ по пальцамъ, вамъ всѣ перечтетъ
 Церковные праздники, крестные ходы;
 Она богомольцевъ толпами ведетъ
 Бѣ далекимъ обителямъ, въ гробу Господню;
 Она ходитъ съ черною книжкой на сборъ,
 Она же сидитъ богородицей свѣтлой
 Въ раскольничьемъ кругѣ; у ней свой соборъ,
 Она вновь—святая или вѣщая дѣва.

«Она наизусть знаетъ всѣ чудеса
 Народныхъ святыхъ и угодниковъ Божьихъ;
 Предъ нею отверзты досель небеса
 И темныя бездны бѣсовъ преисподнихъ;
 Ея благодать и мертвить, и живить;
 Она все выносить,—и пытки, и казни;
 Она знаетъ болѣе, чѣмъ говорить;
 Она видитъ то, что другіе не видятъ....

«Однажды, когда-то, вошла она
 Мибулу съ собой на Китижъ помолиться. 16).
 Китижъ,—это городъ, что намъ старины
 На память оставила Божьяго чуда,
 При шествьи Батгя. Съ тѣхъ давнихъ временъ,
 Въ струяхъ свѣтозернаго озера слышенъ
 Еще и понынѣ безостовенный звонъ,
 И видны китижскіе храмы и станы.
 Мибула вошелъ съ ней внутри самой горы,
 Гдѣ древній Китути градъ стоитъ полъ землею,
 И видѣлъ соборы съ той давней поры,
 Какъ градъ опустился, въ немъ все, какъ и прежде,
 И тѣ же все старцы по кельямъ живутъ....

Они угостили Микулу трапезой;
 Онъ зрѣлъ, какъ они и вѣять тамъ, и пьютъ,
 И взялъ у нихъ даже лопотъ себѣ хлѣба,
 Но тутъ же уснулъ. А лишь всталъ, хватъ ружей.
 Инъ въ пазухѣ только простая гнилушка.
 Молись, значить, Богу, усердствуй душой,
 Однако на хлѣбъ даровой не надѣйся!
 «Восточная вѣра съ собой принесла
 Къ намъ много святыхъ и преданій отъ грековъ;
 Они привились къ намъ; я ихъ провела
 Въ духовный нашъ бытъ и родное искусство.
 Чудесные образы этихъ святыхъ
 Пришлись по душѣ у насъ міру-народу;
 Онъ много прибавилъ святыхъ и своихъ,
 Изъ низшихъ людей и людей именитыхъ.
 Все это вначалѣ сближало страну,
 Равняя бояръ и народъ межъ собою;
 Народъ чтилъ въ боярахъ свою старину,
 Они, средь насъ чтили,—избранниковъ Божьихъ,
 «Москва, утвердившись, впервые внесла
 Замѣтную рознь межъ бояръ и народомъ.
 Возвысивъ дружину, она отдала
 Ей край на кормленье. Народъ былъ раскиданъ,
 Дружина давила его подъ собой,
 Москва не давала ему приподняться.
 Тамъ жили вновь боги; а міръ нашъ простой
 Остался во тьмѣ,—для труда и терпѣнья.
 Залегшая бездна издавна межъ насъ
 Все дѣлалась шире. Тамъ ѣли и пили,
 Отгомъ раздавался господь нашихъ гласъ;
 А мы должны были поить, и кормить ихъ,—
 И имъ поклоняться. Забитый народъ
 Межъ тѣмъ распирался все дальше по краю;
 Мы шли непрестанно впередъ все, впередъ—
 То чистили глушь, то мостили болота,
 Но шли мы все дальше....

«Теперь трудно счесть
 Названья тогдашнихъ работъ, даней, пошлинъ!

Порой въ деревняхъ было нечего ѣсть,
 Край цѣлый питался одною мякиной
 И мохомъ... Теперь невозможно понять,
 Какъ это народъ, и голодный, и сирый,
 Съ кого властямъ было ужь нечего брать, —
 Какъ это онъ вынесъ на собственныхъ плечахъ,
 Изъ омута этихъ безвыходныхъ золь,
 Такой край обширный, какъ русское царство?
 Откуда онъ силу себѣ приобрѣлъ,
 Когда власть желала его лишь безсилья;
 Когда не имѣлъ онъ давно ничего, —
 За что его также тогда били на смерть;
 Когда власть признала безличность его,
 И образа даже признать на хотѣла
 На немъ человѣка?...

«Кто знаетъ страну,
 Тотъ помнить обычай, что, — «міра не судять»;
 Такъ точно и было у насъ въ старину.
 Но послѣ, ктожь не былъ надъ міромъ судьбою?
 Какой палачъ гнустный не тѣшилъ надъ нимъ
 Свои богатырски-могучія силы?
 Кому не служилъ онъ орудьемъ живымъ
 Къ наживѣ, — покуда весь міръ *закачался*?...
 «Однако, и тутъ его рокъ не сломилъ;
 Край выдержалъ бодро и это качанье.
 То было броженье народныхъ лишь силъ;
 Болѣзнь, но не смерть. Міръ опять отстоялся.

«Пришло междуцарствье. Пожаръ охватилъ.
 Весь край, раздѣленный враждой. Помутились
 Московскіе боги. Кровавая мгла
 Раздоровъ, насилья, войны, безначалья,
 Покрыла все царство. Отъ запада шла
 Къ намъ вражія рать, изъ земли подымались
 Цари наши мертвые.... Я воззвала, —
 И сталь, какъ одинъ человѣкъ, народъ рускій!
 «О храмы, обители, гробы святыхъ,
 Народная лѣтопись дней отдаленныхъ,
 Живой отпечатокъ событій былыхъ,

Бореній, успѣховъ, и славы минувшихъ!
 Вы сила народа въ дни тяжелыхъ невзгодъ,—
 Вы стражи его во дни свѣтлые мира.
 Васъ духъ всенародный странѣ создаетъ,
 Въ годины тяжелыхъ ея испытаній,
 Во дни ея лучшихъ, блестящихъ побѣдъ,
 Иль въ юные годы еще дѣтской вѣры;
 Торжественный голосъ вашъ, вѣщій вашъ свѣтъ,
 Всегда близки чуткому сердцу народа.
 Да, тамъ еще молодъ, не тронуть народъ,
 Гдѣ чувствуетъ онъ вашу силу живую;
 Онъ выдержитъ много потерь и невзгодъ,
 Пока еще слышитъ вашъ голосъ призывный!

«Таинственно-мирны вы средь тишины
 Его дней обычныхъ, молитвъ обиденныхъ,
 Сокрытыя въ нѣдрахъ родимой страны,
 По дальнимъ пустынямъ, лѣснымъ захоlustьямъ;
 Торжественно свѣтелъ вашъ праздничный видъ
 Во дни большихъ празднествъ, когда онъ толпамъ
 Со всѣхъ концовъ края роднаго спѣшитъ,
 Чтобъ вамъ поклониться; но дивно вы грозны,
 Божественно-вѣщи во время войны,
 Когда врагъ вступаетъ въ родные предѣлы
 Иль смѣетъ воснудиться онъ сердца страны...
 Тогда вы полны чудодѣйственной силы!
 Какъ ангелъ Господній, вашъ духъ въ этотъ часъ
 На крыльяхъ громовыхъ паритъ надъ страной;
 Какъ вѣщій гласъ Божій,—призывный вашъ гласъ
 Гремитъ средь народа. И старый, и малый,
 Въ себѣ ощущаютъ родникъ новыхъ силъ;
 Мужаетъ духъ павшій и разумъ народный;
 И рядъ побѣдъ славныхъ и славныхъ могилъ
 Вѣщаютъ про дни тѣ вѣкамъ отдаленнымъ.

«Промчался кличъ вѣщій московскихъ святыхъ,
 Откликнулись силы святыхъ Полуночныхъ,—
 Одѣлся булатомъ рядъ ерѣвскихъ твердынь,
 Вдругъ выросъ лѣсъ копій по всей землѣ русской,
 Всталъ прежній Микула, слегълъ смертный сонъ

Съ сыновъ его: сильныхъ, разверзались могилы,
 Воскресъ богатырь нашъ минувшихъ времянь,—
 Бѣжали враги и умоляли раздѣры
 По всей землѣ русской. Своею рукою
 Народъ воздвигъ снова престолъ потрясенный.
 Царей своихъ древнихъ,—и ангелъ святой
 Желаннаго мира простеръ свои крылья
 Надъ русской, спасенной народомъ, землей.

«Какая-жь народъ ожидала награда?
 Что выигралъ край, за свой подвигъ благой?
 Какія свободы, льготы разсыпалъ
 Престолъ этотъ новый въ народѣ родномъ?
 Въ чемъ тягѣ народной онъ далъ облегченье,
 А міру защиту?...— Спроси край о томъ!
 Странѣ еще стало труднѣй и тяжелѣ,
 Чѣмъ въ прежнее время. Народъ завоцилъ;
 Но тѣже бояре пришибли горлановъ.
 Вѣкъ самый тяжелый еще приходилъ,
 А съ нимъ возростала народная тяга,

«Вы ищете силы народной въ странѣ,
 Вы ищете здраваго смысла въ народѣ?
 А это не сила?— Скажите вы мнѣ!—
 Не здравый смыслъ?... Только имъ имя—терпѣнье.

«Нашла еще туча: самъ геній войны
 Привелъ цѣлый Западъ на русскую землю;
 Отъ самой глубокой еще старины
 Не видывалъ край напѣ ужасной столь бури;
 Но я воззвала опять къ русской землѣ,
 И снова воскреснулъ нашъ богатырь древній;
 Онъ самъ зажегъ край свой, по огненной шглѣ
 Донесъ на плечахъ до Москвы исполина,
 И бросилъ съ размаха въ горящій костеръ—
 И грозную рать, и царя полвселенной.

«Но лучше ли стало народу съ тѣхъ поръ?
 Ему возвратили-ль святую свободу?
 Нѣтъ, гнусное рабство всосалось, вросло,
 И въ тѣло, и кровь всѣхъ сословій народныхъ!
 Само государство еще не могло;

Часть II.

Не смѣло коснуться растравленной язвы.

«Чья кисть нарисуеть кромѣшный тотъ адъ,
Гдѣ слышался свистъ лишь бичей, плачь народный,—
То царствіе мрака, сочившее ядъ,
Рядъ цѣлый столѣтій, на русскую землю,
Гдѣ дикое барство воздвигло престолъ
Гнуснѣйшимъ страстямъ и чудовищнымъ казнямъ,
• ~~Бессмысленный, самый слѣпой произволъ~~
~~Ругался надъ духомъ живымъ человека.~~
~~Топлы, миллионы несчастныхъ людей,~~
~~Лишенные всякой защиты закона.~~
~~Встрѣчали на мѣсто судей—палачей,~~
~~На мѣсто защитниковъ—повня казни?...~~

«Страдальцы, борцы, лишь извѣстные намъ,
Да Господу Богу!....Какая-жъ иная
Извѣстность быть можетъ доступна рабамъ?
Какой громкій подвигъ о нихъ скажетъ міру?..
А сколько межъ нихъ было честныхъ людей,
Достойно любимыхъ и чтимыхъ въ народѣ,—
И витазей свѣтлыхъ, и богатырей,
Чья жизнь была часто примѣрной борьбою!

«Какой же наградой почтилъ бы ихъ свѣтъ?
У васъ есть исторія, гласность, газеты;
У насъ одни святцы. Народъ съ давнихъ лѣтъ
По нимъ только знаетъ своихъ ратоборцевъ.....
И горькихъ страдальцевъ. Причислится къ нимъ,
Есть верхъ его славы; жить съ ними по смерти,—
Вѣнецъ его жизни.

«И тѣмъ бы инымъ
Народъ могъ воздать вамъ, святые страдальцы?
Свѣтъ грубо смѣялся надъ вашей борьбой,
Онъ васъ сажалъ въ тюрьмы, онъ гналъ васъ въ оковахъ
Изъ міра живущихъ, считалъ васъ толпой
Разбойниковъ темныхъ. Тѣснимые злобой
И силою сильныхъ, неправдой судей,
Богатствомъ богатыхъ, упорно стояли
Вы противъ жестокой судьбины своей.
Быть можетъ, порой, вы и были виновны

Предъ міромъ, что васъ изъ себя исключилъ;
Но кто же тогда былъ судьей межъ вами?
Кто взвѣсилъ величье простыхъ вашихъ силъ?
Отсюда тѣснимыя властью враждебной,
Герои безъ славы, но въ тысячу разъ
Достойнѣе многихъ, быть можетъ, героевъ,
Что міръ превозносятъ, не вѣдая васъ,
Всю жизнь вы боролись,—а послѣ зарыты
Отъ міра живаго въ архивной пыли....
Какое жъ вамъ было отъ насъ воздаянъе?
Чѣмъ, кромѣ молитвы усердной, могли
Мы васъ помянуть въ семьѣ нашей народной?
«Иль вы также, вы, изъ сословій другихъ,
Но чувствами близкіе сердцу народа!
Вы намъ удѣляли часть знаній своихъ,
Учили добру насъ, внушали намъ правду,

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
Что дастъ вамъ народъ?.. Помани Господь Богъ васъ
Во царствіи своемъ?

«Иль вы, правосудные къ намъ, судіи,
Творившіе судъ по закону и правдѣ,
Чьихъ вѣрныхъ вѣсовъ покривить не могли
Ни дружба, ни золото, ни власть людей сильныхъ!
Вы вынесли чистымъ изъ вашей борьбы,
Вамъ вѣренный свыше, кумиръ правосудья,—
Живой этотъ образъ верховной Судьбы,
Что только вѣщаетъ устами достойныхъ;
Святой тотъ оракулъ,—слѣпой и глухой,
Но внутренно полный божественной силы,
Дающій отвѣты не властью земной,

Но гласомъ живымъ, въ немъ присущаго Бога.
 Поистинѣ, правый судья—всѣмъ чужой;
 Своя ему только священная правда;
 Онъ праведникъ божій, избранникъ святой,—
 Воздай ему, Боже, твоей вѣчной правдой!

«Иль также вы, князи, владыки земли,
 Владиміры наши, свѣтъ-красные Солнцы,
 Чьи дни золотые отрадно прошли
 Въ высочомъ служеніи родному народу;
 Кого суетой не коснулся своей
 Ни міръ сей лукавый, ни дворъ двоедушный,
 Ни рабство лизавшихъ вамъ ноги людей,
 Ни ярые крики враговъ безпокойныхъ;
 Но духъ чей высокій съ днемъ каждымъ мужаль
 Въ дѣлахъ правосудья, въ дѣлахъ милосердья,
 И радостно всякій умъ свѣтлый встрѣчалъ,
 И съ теплою любовью выслушивалъ правду.

«И ваша жизнь также была лишь борьба,—
 Борьба, выше нашей! Блистателенъ, свѣтель,
 Вашъ жребій высокій,—завидна судьба;
 Не тщетно зовутъ васъ избранными свыше,
 Не тщетно земля долго помнить о васъ;
 Но тягостно ваше и страшно призванье.—
 Великій отчетъ вы даете за насъ.
 Живемъ мы въ покоѣ, а вы насъ храните;
 Постигло край бѣдствіе,—вы полны заботъ;
 Вашъ взоръ дни и ночи отверзтъ на событья;
 Вы движете ваши народы впередъ,
 Вы сами въ главѣ всѣхъ благихъ начинаній...
 Желая почтить вашъ вѣкъ славой земной,
 Вамъ общество ставитъ столпы, монументы;
 Но чѣмъ-же воздастъ вамъ народъ вашъ простой?
 Молитвой за васъ поколѣній грядущихъ!

«Иль вы также,—вы, ратоборцы страны,
 Плательщпки краю народнаго долга,
 Вы, темныя жертвы кровавой войны,
 Защитники чести и славы царевои!...

.

«Всѣхъ васъ упокой отъ трудовъ и заботъ,
Господь, царь небесный, въ святомъ своемъ царствѣ!

«О мудрые вѣка! Ведите впередъ,
Ведите народы къ желанному свѣту;
Но вамъ никогда не уступить народъ
Ни милой семьи, ни святой своей вѣры!....

«Ударьте вы любимъ смычкомъ,
По шару нашему земному,—
И къ стону вы прислушайтесь глухому,
Что онъ издастъ кругомъ;
И если умъ вашъ не смятется,
И сердце въ васъ не разорвется,
И не застынетъ въ жилахъ кровь,
Смягчите воющія трели,
Тѣ адскія, шипящія свирѣли,
Иль инструментъ весь перестройте вновь
Вы, вашей мудростью земною,—
И пусть она замѣнитъ строй
Небесъ гармоніи святой,
Что примиряетъ все собою!

«Нѣтъ, вѣра нужнѣе, чѣмъ мыслить иные!

На жизнь смотреть строже гораздо народъ,
 Чѣмъ, больше него развитыя, сословья.
 Народъ видитъ временный лишь переходъ
 Въ ней къ жизни грядущей. Главнѣйшая сила
 Народная—вѣра. Лишь только съ нею
 Народы свое начинаютъ развитие;
 Съ нею лишь считаютъ они бытіе.
 Она твердый щитъ ихъ, прибѣжище въ нуждѣ;
 Она ихъ оружіе противъ враговъ
 И противъ тираніи темной, домашней;
 Она не страшится ни страшныхъ костровъ,
 Ни мрачныхъ темницъ, ни позорнѣйшихъ казней;
 Она высшій двигатель странъ и вѣковъ;
 Она самый крѣпкій мечъ противъ насилья!
 «Весь міръ живетъ ею отъи скони лѣтъ.
 Но всюду—простая, народная вѣра
 Еще въ колыбели. Ея дивный свѣтъ
 И въ насъ не разсѣялъ стариннаго мрака.
 Микула для многихъ—преемникъ боговъ,
 Въ немъ живъ древній Индра-Громовникъ, богъ Вишну;
 Нашъ край еще помнитъ духъ этихъ вѣвовъ,
 Когда былъ Микула свѣтиломъ народнымъ;
 Свѣтъ новый коснулся страны лишь извѣтъ,—
 И это тотчасъ отразилось въ расколѣ.*)
 Расколъ у насъ—двигатель главный въ странѣ
 Простаго народа; расколъ сталъ хоругвью
 Для всѣхъ недовольныхъ; край имъ вымѣщаль
 Свое угнетенье. Расколъ отдѣлилъ насъ
 Въ свой міръ самобытный; но онъ же воззвалъ
 Народную мысль и народъ нашъ—къ мысленю.
 Расколъ стоитъ весь на одной старинѣ,—
 Свѣтъ новый, боярскій, ему кумиръ чуждый.
 Расколъ нашель твердую почву въ странѣ;
 Но онъ темный выходець мертваго міра...

*) Слово: расколъ, — принимается здѣсь въ обширномъ его значеніи, разумѣя подъ этимъ словомъ вообще всѣхъ нашихъ сектаторовъ, древнѣйшихъ и новыхъ.

Онъ зачатъ во тьмѣ, и жить можетъ лишь тьмой;
Ему теперь страшно наитіе свѣта;
Плодъ тяжкаго рабства и жизни благой,—
Онъ такъ и остался—чудовищемъ мрака.

«Но было ли это лишь только у насъ?
Народъ нашъ расколъ породилъ или рабство? ..
Я кончила мой о народѣ рассказъ;
Теперь я скажу, о вліяніи рабства»...

ПѢСНЬ 9-я.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗСКАЗА ВАНЫ.

„Мы не меньше всякаго по опыту знаемъ ту горячую пытливость, тѣ пылкіе порывы ума, которые заставляютъ мудреца уноситься далеко за предѣлы времени и пространство“.....

(Катрфажъ).

Мы черпаемъ нынѣ привычной рукой
Дары просвѣщенья. Оно принесло намъ
Свободу, богатство, удобства, покой....
Разсказъ продолжала свой Вана. При свѣтѣ—
Мы смотримъ спокойно и смѣло впередъ;
Но тяжело подумать, во что обошлись
Дары просвѣщенья,—чѣмъ каждый народъ
Сперва заплатился за эти успѣхи,
«Мы знаемъ, какою цѣной дорогой
Отважный ловець-водолазъ добываетъ
Жемчужныя зерна изъ бездны морской;
Мы знаемъ какихъ жертвъ, опасностей стоитъ
Достать рудокопу изъ нѣдра земли
Песокъ золотой и блестящія зерна
Камней драгоценныхъ. Но еслибъ сочли
Мы всѣ эти жертвы, во что обошелся
Намъ каждый шагъ къ свѣту; когда бъ мѣръ земной
Изчислилъ тѣ язвы, кровавыя войны,
Бостры, заустѣнья, что онъ за собой

Повсюду оставилъ, какъ дань духу мрака,
 За каждый успѣхъ свой; то вѣрно-объ нашель,
 Что стоитъ дороже всего—просвѣщенье.

«Великія блага нашъ міръ приобрѣлъ,
 Но онъ приобрѣлъ ихъ, прошедши сначала
 Чрезъ тьму заблужденій,—не нѣсколько дней,
 Но тысячи лѣтъ проблуждавъ въ одурѣннѣ,
 По дикой пустынѣ, по царству тѣней,
 И самъ трепеща передъ истиннымъ свѣтомъ.

«Лишь только на этой онъ почвѣ скупой,—
 Увлажненной кровью, распаханной нуждой,—
 И то лишь несмѣлой сначала рукой,
 Успѣлъ онъ посвятить тѣ злачныя нивы
 Даровъ просвѣщенья, что видимъ теперь.
 Отнынѣ и мы смотрѣть можемъ смѣлѣе
 На темный народъ нашъ, предъ кѣмъ нынѣ дверь
 Отворена настезь къ всеобщему свѣту,—
 На этотъ народъ, что увидѣлъ зарю
 Желанной свободы и дней самобытныхъ,—
 На славу себѣ и благому царю,
 Намъ давшему свѣтъ и отверзшему руки
 Странѣ на благое!.....

«Съ древнѣйшихъ временъ
 Міръ вѣрять въ свѣтъ лучшій и въ адъ преисподній.
 Съ какихъ мы ни взглянемъ на міръ нашъ сторонъ,—
 Вездѣ борьбу встрѣтимъ двухъ силъ мы враждебныхъ:
 Одна,—сила правды, добра, красоты,
 Довольства и свѣта,—ей имя: Свобода;
 Другая,—духъ дикихъ неправдъ, нищеты,
 Духъ тьмы и растлѣнія,—ей имя: Рабство.
 Два образа эти вошли въ идеалы!...

«Въ различныхъ мѣстахъ безконечнаго міра
 И въ образахъ разныхъ себѣ представлялъ
 Духъ смертныхъ престоловъ этой силы враждебной,
 И разными красками онъ рисовалъ
 Безвыходный міръ ея страшныхъ терзаній,—
 Страну эту мрака и злобныхъ бѣсовъ,
 Геенну палачую, міръ безъ надежды,

Гдѣ плачь и стenanьe, и скрежетъ зубовъ,
 И червь неумолкннй, и огонь негасимнй;
 Но чѣмъ выше солнце познаній благихъ
 Восходитъ надъ обществомъ; чѣмъ мнръ свѣтлѣе,
 Тѣмъ дальше тотъ образъ уходитъ отъ нихъ, —
 Въ пучины безвѣстной, таинственной ночи;
 Покуда нашъ вѣкъ, напослѣдокъ, нашелъ,
 Что мнръ тотъ кромѣшннй, тотъ адъ преисподннй,
 Тотъ вѣчннй расадникъ всѣхъ бѣдствій и золь,
 На сей же землѣ, — гдѣ лишь царствуетъ рабство.

«Вотъ онъ, этотъ тартаръ, то царство тѣней,
 Что древннй намъ рисовали поэты!
 Вотъ онъ, тотъ мнръ мрава, застоа, цѣпей,
 Угрюмое царство ововъ и мученій,
 Гдѣ плачь и стenanьe, и скрежетъ зубовъ,
 И червь неумолкннй, и огонь негасимнй;
 Гдѣ царствуетъ съ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ
 Еще и понннѣ, все тотъ же богъ Смерти,
 Богъ ночи холодной, сѣдой Ситивратъ,
 Сей образъ старинннй нѣмаго застоа,
 И съ нимъ мрачннй Навнй, супругъ или братъ
 Угрюмой Мараны.

«Еще и понннѣ

Тамъ гордый Сизифъ, врагъ боговъ и царей,
 Вотще катитъ въ гору тяжелнй свой камень,
 И будетъ катитъ до скончаанія дней,
 Покуда не рухнетъ мнръ этотъ кромешннй;
 Понннѣ пытливнй тамъ Танталъ въ цѣпяхъ
 Томится надъ моремъ свободныхъ стремленій,
 И тщетно пытается въ прозрачныхъ струяхъ
 Свою утолить благородную жажду;
 Понннѣ толпа молодыхъ Данаидъ
 Свои наполняетъ бездонныя ведра,
 И мыслить серьезно или дѣлаетъ видъ,
 Что ими исчерпаетъ вѣчныя бездны;
 Понннѣ, тамъ царство ужасныхъ Горгонъ,
 Нелѣпныхъ Химеръ и карающихъ Фуриѣ;
 И тотъ же все кормчнй, — безмолвннй Харонъ,

И тотъ же, у выхода,—Церберъ трехглавый.

«Понывъ миръ этотъ не есть миръ живой,
Но миръ еще мертвый. Понывъ живутъ въ немъ
Стоглавая Нужда съ Заботой слѣпой,
Томительный Голодь и мрачная Злоба;
А Медленность, съ дряхлой, кстлявой рукой,
Считается самую вѣрной служанкой.
Понывъ тамъ слышно шипѣнїе змѣй,
Что гложутъ и точатъ нависнувшій корень
Отъ дерева жизни, чтобъ миръ тотъ тѣней
Не ожилъ подь сѣнью его благодатной. *)

«Отсель-то, вначалѣ древнѣйшихъ вѣковъ
Вредебныя силы угрюмыхъ титановъ
И разныхъ чудовищъ, и злобныхъ духовъ,
Мѣшали, ихъ крикомъ, духамъ свѣтлымъ Брамн,
Докончить созданье вселенной земной,
Ко благу живущихъ. Сюда-то былъ брошенъ
Древнѣйшій духъ зла съ его темной ордой
Бѣсовъ горделивыхъ, враговъ непреклонныхъ
Свободы и свѣта. Откуда ведетъ
Онъ споръ и понывъ съ божественнымъ Свѣтомъ,
И гдѣ только можетъ,—тамъ гонить, гнететь,
Ему-нанавистный, духъ мысли свободной.

«Лишь только въ подобныхъ, ужасныхъ мѣстахъ
Рождаются пытки, костры и расколы;
Лишь тамъ можетъ быть то броженье въ умахъ,
Что въ день одинъ рушатъ завѣтный порядовъ
И цѣлыя царства!...

«Свѣтъ дивный Христа,
Повѣялъ повсюду весной обновленья;
Свобода родилась подь сѣнью креста,—
И первая мысль, о гражданскомъ равенствѣ
Слетѣла съ Голгоем. Мысль эта внесла
Духъ новый въ науку и въ строй государства,
Мысль эта всѣ страны и царства слила,
Съ Христомъ во главѣ, въ одинъ миръ христіанскій.

*) См. описаніе Геллы, скандинавскаго ада:

«Но гласъ животворный благаго Христа
 Сначала былъ гласомъ въ пустынѣ. Миръ рабства
 Стоялъ также твердо подъ сѣнью креста, —
 Какъ прежде, подъ сѣнью боговъ своихъ древнихъ.
 Земные владыки себя возвели
 Въ санъ высшій намѣстниковъ новаго Бога;
 По образу ихъ, и всѣ власти земли
 Могли оставаться такими жь богами.
 Мысль только блеснула, и снова была,
 Какъ прежде, затерта, смыслъ здравый низвергнуть,
 Ликъ кроткій Христа сталъ хоругвию зла,
 Его дивный свѣтъ сталъ предметомъ гоненій.

«На Римскомъ престолѣ сѣлъ новый Зевесъ,
 Предъ кѣмъ трепеталъ юный миръ христіанскій;
 Храмъ свѣтлый Христовъ, миръ безплотный небесъ, —
 У нихъ превратились въ чертогъ Олимпійскій;
 Служители церкви сравняли Христа
 Съ богиней Минервой, — богиню Діану
 Съ пречистою Дѣвой. Во имя креста,
 Возникнули пытки, лютейшія казни;
 Разбойники, вору имѣли святыхъ,
 Патроновъ, дѣлилися съ ними добычей,
 Давали обѣты. Въ мѣстахъ нежилыхъ,
 Близъ замковъ, ютились Эльфы и Сильфы;
 Народъ, ради сильныхъ, лилъ потъ свой и кровь,
 За что обѣщали ему рай небесный;
 Но даже и это онъ долженъ былъ вновь
 Еще приобрѣсть на наличныя деньги.

«Такъ въ раннее утро, ненастной порой,
 Когда ряды тучъ застилаютъ все небо,
 И мгла дождевая сырой пеленой
 Виситъ надъ землею, — давно разсвѣтало,
 А все еще царствуетъ сумракъ кругомъ,
 По мокрой землѣ и туманному небу.
 Не видно движенія; все спитъ вѣрнымъ сномъ
 Иль прячется робко подъ кровомъ надежнымъ;
 Въ нѣмомъ цѣпцѣннѣи стоитъ лѣсъ густой,
 Повѣсивъ уныло намокшія вѣтви;

Безмолвно по селамъ; пусть городъ большой,—
 Кой-гдѣ прогремитъ развѣ мокрый возница;
 Завѣшены окна въ замкнутыхъ домахъ,
 Веадѣ будто вѣетъ еще днемъ вчерашнимъ....
 Вчерашнія лужи въ пустыхъ воротахъ,
 Вчерашняя слякоть по улицамъ темнымъ;
 Печать роковая вчерашнихъ страстей,
 Вчерашнихъ заботъ иль вчерашнего пира—
 На лицахъ измятыхъ, у сонныхъ людей,
 Еще мирно спящихъ, подъ мѣрный стукъ капель.
 Живыя картины вчерашнихъ утѣхъ,
 Тревожныя грезы вчерашнихъ печалей,
 Вчерашнее горе, иль радость и смѣхъ,
 Еще смутно вьются надъ ихъ изголовьемъ...
 Лишь утренній, свѣжей струей, вѣтерокъ
 Порой пронесется по мокрому полю,
 Кой-гдѣ встрепенется намокшій цвѣтокъ,
 И будто посыплетъ алмазною пылью;
 Иль съ вѣтки на вѣтку въ лѣсу пропорхнеть
 Дремавшая птичка, кой что прощепечеть,
 Страхнеть съ крыльевъ воду и вновь упадетъ
 Подъ важную листвою. Лишь труженикъ горькій,
 Привыкнувшій съ самыхъ еще юныхъ лѣтъ
 Встрѣчать каждый день за упрямой работой,
 Лишь онъ,—увидавши мерцающій свѣтъ,
 Поспѣшно всвочилъ, и сидитъ ужъ за дѣломъ;
 Да кроткій младенецъ, страхнувъ сонъ ночной
 Въ родныя объятія ангела утра,
 Открылъ уже глазки, тревожится тьмой,
 И ищетъ, сквозь шторы, желаннаго свѣта;
 Вотъ онъ улыбнулся игрушкамъ своимъ,
 И тянетъ ручки къ блестящимъ полоскамъ,
 Что блѣдное утро рисуетъ предъ нимъ
 По мрачнымъ стѣнамъ и по мебели темной...
 Но день ужъ насталъ,—все свѣтлѣетъ кругомъ,
 Лучъ солнца прорѣзалъ кой-гдѣ влажный сумракъ;
 Недолго еще,—и въ сіяньи златомъ,
 Весь міръ обольется пучиною свѣта.

«Гдѣ жь мысли свободной блеснулъ первый свѣтъ?
 Гдѣ онъ развился? Въ угнетенныхъ народахъ.
 Кто въ нихъ вдохнулъ жизнь? Кто двѣ тысячи лѣтъ
 Въ святой укрѣплялъ ихъ борьбѣ?—Христіанство!
 Они въ мигъ почували вольный тотъ міръ,
 Что новая вѣра вносила съ собою;
 Но этотъ верховный, народный кумиръ
 Сначала былъ долго отъ нихъ скрытъ въ туманѣ.
 Давнишнее рабство не можетъ родить
 Ни мыслей благихъ, ни дѣяній высшихъ;
 Сперва его мысль,—все рушить и ломать,
 Сперва порождаетъ оно лишь чудовищъ.

«Какимъ же привѣтомъ міръ встрѣтилъ восходъ
 Желаннаго солнца народной свободы?
 Какимъ торжествомъ угнетенный народъ
 Привѣтствовалъ первый разсвѣтъ просвѣщенья?
 Всеобщимъ погромомъ священныхъ началъ
 Того жь просвѣщенья, кровавымъ возстаньемъ
 На все, чего онъ самъ достигнуть желалъ,—
 На собственность, знанья, гражданскій порядокъ.....
 Фома Мюнцеръ, Пфифферъ, Шердингъ,—все сыны
 Простаго народа,—изъ Лейдена, Боккольдъ,—
 Трактирщикъ, потомъ вождь народной войны,
 Пророкъ и диктаторъ,—внесли мечъ и пламя,
 И духъ коммунизма въ германскій народъ;
 Гельвеція, Рейнъ, даже часть Нидерландовъ,
 Богемія, Польша, открыли походъ;
 Силезцы, Моравы, къ нимъ вышли навстрѣчу...
 Въ туманѣ лжевѣрія, братъ умерщвлялъ
 Любимаго брата; пришлецъ беззащитный,
 Знакомый гость, падалъ подъ острымъ ножомъ
 Радушныхъ хозяевъ; скромнѣйшія жены,
 Подобно вакханкамъ, въ восторгѣ святомъ,
 Кидались въ объятія вновь-обращенныхъ;
 Дороги покрылись народной толпой,
 Бѣжавшей, Богъ знаетъ куда,—за свободой;
 Бросали отчизну и кровь свой родной,
 За мнимое царство всеобщаго братства,

Въ надеждѣ какихъ-то небесныхъ даровъ;
 Деревни и цѣлыя села пустѣли;
 Имущества, дома, наслѣдье отцовъ,
 Сбывалися людямъ чужимъ, за бездѣнокъ;
 Всѣ чаяли царствія Божья, пока
 Убийственный свѣтъ не разсѣялъ мечтаній;
 Тогда все смѣшалось,—и нищихъ рѣка
 Страну наводнила ордой тунедцевъ,
 Бродягъ и злодѣевъ. 17)

«И этотъ вулканъ

Потрясъ всю Германію, верхній Рейнь, Альпы.
 Чтожъ ждало народы сосѣднихъ имъ странъ, —
 Страну Альбигойцевъ, страну Гугенотовъ,
 Страну бурной Лиги и Фронды, гдѣ знать
 Привыкла издревле топтать міръ народный,
 И ради потѣхи дразнить и терзать
 Ручнаго, какъ мнилось ей, этого звѣра?...

«Насталъ и для нихъ часъ, и тамъ запылалъ
 Такой же пожаръ,—и какъ ветхую вѣтошь,
 Въ одинъ мигъ скоробилъ, свернулъ и пожралъ
 Слѣпую монархію. Грозно воспрянулъ
 Ненстовый вихрь, и народъ безъ ума—
 Въ пожарище бросилъ правленье и вѣру,
 Престола и храмы, боговъ и дома...
 Пошла пляска смерти.... Въ чаду, закружился
 Живой людъ и мертвый,—одни безъ головъ,
 Другіе безъ сердца,—заставы и стогны,
 Дворянскіе замки, зубцы городовъ,
 Деревни и села, земля вся и небо.....
 Насталъ адскій шабашъ, плясъ пьяныхъ бѣсовъ,
 Великій торжественный праздникъ отмщенья,
 Дни яростныхъ казней, дни плахъ и костровъ,
 Насилія женъ, побіенья младенцевъ,
 Возмездья сынамъ за разлѣвныхъ отцовъ;
 Дни дикихъ предательствъ, домашнихъ шпіоновъ,
 Дни яростной черни, все бьющей съ плеча;
 Дни страшныя сабель, штыковъ и сѣкиры,—
 Владычество, царство, триумфъ палача,

Дни лютых мегеръ и безстыдныхъ развратницъ,
 Предсмертная пляска нагихъ дикарей
 Вкругъ связанныхъ жертвъ и досокъ эшафота;
 Пиръ дикій вампировъ и хищныхъ звѣрей
 Надъ лужами крови и грудами труповъ,
 Бессильный стонъ жертвъ, смѣхъ и ревъ палачей,
 Послѣдніе дни, страшный судъ надъ прошедшемъ.

«Весь Западъ снималъ съ себя образъ живой, —
 И снова хотѣлъ быть землей Цизальпійской,
 Страной Транспаданской, Батавской землей,
 Страной Лигурійской, землей Парфенонской....¹⁸⁾

«Таковъ былъ вездѣ пробужденія часъ
 Народнаго рабства, на новый свѣтъ Божій!
 Нашъ замкнутый край благодѣтельно спасъ
 Себя, отъ подобной крушительной бури;
 Но также и нашъ край не могъ не родить,
 Въ дни горькой неволи, своихъ джеученій,
 Чѣмъ только и могъ онъ тогда завѣсть,
 Что живъ онъ и мыслить. А онъ жилъ и мыслить;
 Онъ жилъ, какъ живутъ въ тѣмѣ безвыходныхъ золь,
 Онъ мыслилъ, какъ мыслятъ въ цѣпяхъ тяжкихъ рабства;
 И онъ родилъ дивій, туманный расколъ, —
 Такой же туманный, какъ міръ его древній.

«Съ зарей христіанства, у русскихъ славянъ
 Вошла черезъ Кіевъ восточная ересь
 Болгаръ — богомиловъ. Монахъ Адрианъ
 Отвергнувъ народно обрядность и церковь;
 За нимъ предсталъ Дмитръ. Духъ ученія ихъ,
 Почерпнутый прямо въ языческомъ мірѣ,
 Былъ сходенъ въ возрѣвнѣяхъ своихъ міровыхъ
 Съ стариннымъ ученьемъ волхвовъ его вѣщихъ.
 Духъ этотъ гораздо доступнѣе былъ
 Язычникамъ темнымъ, чѣмъ духъ христіанства;
 И надобно думать, что корни пустилъ
 Еще въ это время онъ въ нашу народность.¹⁹⁾

«На сколько тогда развился онъ у насъ,
 Теперь мы не знаемъ; замѣтимъ одно лишь, —
 Чуть только расколъ нашъ возвысилъ свой гласъ,

Тотчасъ же различныя толки и секты
 Возстали готовые противъ властей,
 И противъ всѣхъ мѣръ государства и церкви.

«Власть ловить и строго караетъ вождей,
 И тѣмъ освящаетъ вначалѣ жь возстанье.
 Но въ чемъ смыслъ возстанья? Въ чемъ цѣли его?
 Его смыслъ въ народномъ еще двоевѣрьи;
 Его цѣль,—изъ рабства создать своего
 Край мыслящій, край самобытный, свободный.
 Смѣшавши съ языческимъ міромъ былымъ,
 По свѣду понятый, смыслъ христіанства,
 Народъ идетъ въ распрю со всѣмъ остальнымъ,
 И хочетъ признать лишь одну власть,—власть Божью;
 Ему весь міръ—братья, предъ нимъ всѣ равны;
 Одна въ людяхъ разность,—въ способностяхъ духа;
 Народъ есть прямой обладатель страны,
 Но этого можетъ достичь лишь въ грядущемъ.»

«Міръ древній не кончилъ свое бытіе,
 Лишь онъ обозначился въ образахъ новыхъ;
 Микула ведетъ самъ развитие свое,—
 И развѣ, покончить, когда разсвѣтаетъ...»

«Спросите о міроустройствѣ его,
 Издавна воссозданномъ свѣтомъ Христовымъ,—
 Онъ скажетъ, однако, что прежде всего,
 Когда еще не было даже и Бога,
 Ни творческихъ силъ Его,—былъ Сатана,
 Низвергнутый послѣ въ мракъ вѣчный. Онъ скажетъ—
 Сперва было море; земля создана
 Изъ пѣны морской, по велѣнію Божью;
 А прежде того, Господь жилъ въ небесахъ,
 Въ трехъ коморахъ свѣтлыхъ: тамъ свѣтъ безконечный;
 Земля же стоитъ на великихъ китахъ;
 Ихъ три кита главныхъ и тридцать поменьше;
 Она на великихъ, соленыхъ водахъ;
 Ее опоясалъ вокругъ столпъ желѣзный.»

«Святая водица, въ иныхъ деревняхъ,
 Честиѣ пречистыхъ, святыхъ тайнъ Господнихъ.»

«Кто ангеловъ создалъ?—Они отъ огня
 Часть II.

И духа святаго; луна—отъ престола
И воздуха божья; свѣтило же дня, —
Отъ внутренней ризы Господней....,

Спросите!

«Что есть, — нѣвѣй внукъ рече бабѣ:

«Положи меня въ себѣ, баба!

«Она же ему отвѣчаетъ:

«Какъ же я положу тебя,

«Когда ты отецъ мнѣ?...

«Внукъ этотъ—Христось;

«Ну, а баба,—земля.»

«Земля на китахъ,—кто жъ китовъ этихъ держить?

Ихъ огненна держать рѣка; а ее—

Дубъ держитъ желѣзный. Гдѣ солнышко ночью?

На всю ночь уходитъ въ жилище свое, —

Въ чертогъ златотканый, на самомъ Востокѣ.

Тамъ островъ Буянь, и живетъ тамъ Змія;

Всѣхъ змѣй она старше. Въ зеленой осокѣ

Живетъ еще птица, — она тамъ своя;

Всѣхъ птицъ она старше. Живетъ еще воронъ,

Всѣмъ воронамъ старшій. Тамъ кладези, рѣки,—

Студеныя рѣки....

«Про гору Афонъ

Онъ скажетъ, что тамъ стоитъ дубъ превеликій, —

Ни нагъ, ни одѣтъ онъ ни съ коихъ сторонъ;

Подъ дубомъ живутъ семь невѣдомыхъ старцевъ;

Клюютъ они мурья. Еще тамъ лежитъ, —

Лежитъ бѣль-горючій тамъ камень-алатырь.

Его лижутъ зми, — и этимъ змѣй ситъ

На цѣлую зиму.

«Объ Индрѣ гремашемъ

И всѣхъ богахъ древнихъ, онъ скажетъ теперь,

Что это все вражья, нечистая сила,

Противная Богу; а Индрикъ есть звѣрь,

И роетъ онъ рогомъ своимъ сыру землю.

«У Бога два сына: сынъ Сатанаилъ,

Другой сынъ,—Христось. Богъ вдохнулъ въ людей душу,

А первый далъ тѣло. Но Богъ есть Богъ силъ,

Богъ свѣта, — лишь въ немъ власть законная въ мѣрѣ.
 Въ насъ восемь частицъ отъ небесъ и земли;
 Изъ нихъ сотворенъ человекъ и всѣ люди.
 Всевышній Богъ любить созданья свои,
 Поднесъ воплощается въ чистое тѣло,
 Желаетъ весь мѣръ Онъ грѣховный спасти, —
 Рабовъ отъ ихъ рабства, а слабыхъ отъ сильныхъ;
 Но часъ не насталъ. И не будетъ пути,
 Пока не придетъ онъ самъ на судъ страшный....

«Се ангель съ неба сниде,
 «Седьмой фѣаль лется на землю;
 «Земля обновляется,
 «Огнемъ очищается.»

«И огонь тотъ небесный еще будетъ долго
 Палить насъ, — пока не очиститъ весь мѣръ,
 До тѣхъ поръ, все будетъ расти царство мрава;
 А онъ, Селянинъчъ, все будетъ и сиръ,
 И бѣденъ, и слабъ, и гонимъ, и бездоленъ;
 Затѣмъ, что мѣръ этотъ есть мѣръ лжи и тьмы;
 Въ немъ царство антихриста. Кто же спасется,
 У тѣхъ просвѣтитъ самъ Господь-Богъ умы;
 Имъ дастся земля вся и мѣръ обновленный.
 Тогда возликуетъ Микула благой,
 И всякая плоть, и душа человекъчья;
 Воспринетъ въ веселіи край нашъ святой,
 Зане отдѣлитъ Богъ неправыхъ отъ правыхъ;
 И правый обрящетъ желанный покой,
 Неправые жъ стигнутъ въ огнѣ негасимомъ.

«Такъ онъ, изъ языческихъ древнихъ началъ
 И истинъ высокихъ ученья Христова,
 Микула нашъ, создалъ, иль лучше, свядалъ
 Особенный толкъ и особую вѣру,
 Доступную только ему одному.

«А самый обычай его созерцанья, —
 Когда предстоитъ углубиться ему
 Въ нѣмую молитву? — Онъ тихо садится,
 Скрестивъ подъ грудь руки, а взоръ впередъ,
 Подобно буддистамъ, на часть одну тѣла,

Чтобъ чѣмъ не развлечься, и опъ такъ сидитъ,—
 Сидитъ долго такъ, до конца созерцанья.
 Когда жъ онъ тому научился и гдѣ?—
 Обязанъ онъ этимъ учителямъ новымъ,
 Или первобытному еще Буддѣ,
 Кого онъ могъ знать, живя въ Выреѣ древнемъ?...

«Посредствомъ ли сихъ созерцаній нѣмыхъ
 Или темныхъ, ему лишь извѣстныхъ, ученій,—
 Но онъ расширяетъ кругъ толковъ своихъ,
 Онъ духомъ владыкой становится міра;
 Весь міръ,—это онъ самъ!..

«Господь во всемъ мірѣ: затѣмъ—міръ есть Богъ;
 Лишь духъ нашъ разуметь; но тѣло—тьма, тлѣнье;
 Обитель Господня—небесный чертогъ;
 Архангелы, Власти, Престолы, Господства,—
 Они составляютъ *окруу небесъ*,
 Пибесный *корабль*. Опъ несется надъ бездной
 Воздушнаго моря, и льетъ свѣтъ чудесъ,
 Какъ свѣтлая воды, на этотъ міръ темный. ²⁰⁾

«Мибула по духу есть истинный богъ;
 Но богъ, заключенный въ грѣховное тѣло;
 Его сила въ духѣ,—затѣмъ и чертогъ
 Его не на небѣ, а въ мірѣ подлупномъ.
 Опъ долженъ сначала сей міръ побороть,
 Творя лишь дѣнья, достойныя духа;
 Онъ долженъ держать въ умерщвленіи плоть,
 Не истязать и радѣть о богатствѣ
 Духовномъ. На помощь ему—*корабли*;
 На нихъ, съ нимъ радѣютъ всѣ лучшіе люди,
 Всѣ высшія власти и силы земли...
 Какъ ангелы Божьи радѣютъ на небѣ;
 Такъ въ этихъ кораблицахъ нашихъ земныхъ
 Радѣть можетъ всякій. Какъ солнце крутится
 На небѣ, радѣльцы крутятся на нихъ;
 А духъ-святъ *катитъ*,—и лишь только *накатитъ*,
 Тогда всѣ пріемлютъ божественный чинъ,—
 Тогда они боги.

«Вы видите, снова

Мы входимъ въ міръ древній! Сперва Богъ единъ;
 Онъ высшій богъ міра, безличное Небо, —
 Сварогъ, Дій, Варуна, прапрадѣдъ иль дѣдъ
 Боговъ всѣхъ грядущихъ. Онъ Свѣтъ первобытный;
 Но онъ неподвиженъ. Потомъ, этотъ Свѣтъ
 Рождаетъ Стрибоговъ, Перуновъ, Дажь-боговъ;
 Отъ нихъ зарождаются богатыри;
 Но въкъ богатырскій теперь не совмѣстенъ
 Съ ученьемъ Христовымъ; свѣтъ новой зари
 Блеститъ надъ землей, — и они принимаютъ
 Другой также образъ, — *духовныхъ людей*;
 Они *богатырствуютъ* силою духа,
 Они также боги.

«Съ невѣдомыхъ дней

Микула понинѣ себѣ представляеть,
 Что солнце *крутится*, какъ жорновъ златой,
 Бросая по небу, какъ искорки, звѣзды.
 Разъ люди, забравшись въ міръ неземной,
 Наѣлись тамъ этихъ небесныхъ оладьевъ, —
 И пали; другіе жъ, съ небесной горы
 Узрѣли святое радѣнье силъ горнихъ, —
 Пиръ ангельскій; съ этой-то древней поры,
 Они и внесли трудъ радѣнья на землю.

«Вначалѣ у насъ красовались пиры
 Язычника-князя, свѣтъ-краснаго Солнца:
 Когда же Владиміръ былъ признанъ святымъ,
 Тогда просвѣтлѣлъ и его древній образъ;
 Пиръ замѣнился радѣнемъ благимъ
 Духовныхъ людей; а значеніе князя
 Воспринялъ, *богатый* духовной казной,
 Данила Филипычъ, — Иванъ Тимофенчъ, —
 Иль лучше, все тотъ же Микула родной;
 Разгулъ обратился въ святія молитвы,
 А онъ, князь, — въ радѣльца.

«Иной тутъ, душой

Давно *милліонщикъ*; другой, — *билліончикъ*!
 Они не тягуются съ властью земной,

Они не казнятъ никого и не гонятъ.
 Они *поборають* свою только плоть,
 Казнятъ, истязуютъ лишь грѣшное тѣло,
 И тѣмъ служатъ духу; ихъ цѣль, — поборотъ
 Зло всякое въ мирѣ.

«Вода и свѣтъ-Солнце,
 Дажьбогъ и Варуна, какъ были всегда
 Богами Микулы, такъ тѣмъ и остались.
 Но встарь былъ Микула язычникъ; тогда
 Онъ имъ поклонялся на свѣтлыхъ колодцахъ;
 Теперь же Микула давно ужъ крещенъ,
 И онъ совершаетъ радѣнья вокругъ чана.
 Тутъ нѣтъ боговъ прежнихъ, съ кѣмъ съ давнихъ временъ
 Микула разстался; но ихъ обаянье
 Замѣтно и здѣсь, — лишь въ значенъи иномъ.
 Дѣвица въ повязкѣ, собой выражаетъ
 Здѣсь красное Солнце. Какъ въ мирѣ быломъ,
 Кормилица Жива, — она вся нагая;
 Какъ Жива являлась изъ нѣдровъ земныхъ,
 Такъ точно выходитъ она изъ подполья
 Неся милымъ братьямъ въ кошницахъ своихъ
 Святые дары, отъ земли благодатной,
 Для ихъ приобщенья. ²¹⁾

«Во имя Христа,
 Она приобщаетъ ихъ плотью и кровью....
 Она, какъ богиня земли, такъ чиста,
 Что все освящаетъ своей благодатью.
 Она погружаетъ въ чанъ, полный водой,
 Свое молодое, пречистое тѣло,
 Подобно тому, какъ весенней порой,
 Земля погружаетъ себя въ половодье;
 Въ рукахъ у ней образъ, на коемъ Христось, —
 Женихъ ея вѣщій; у чана, — старухи, —
 Небесныя тучи, предвѣстницы грозъ,
 Противницы-вѣдьмы, враги брака Солнца,
 Земныя богини плотскихъ, грубыхъ силъ;
 Онѣ вырѣзають сосцы плодородья,

И дѣлять на части, чтобъ каждый вкусилъ,
И принялъ въ себя ихъ живящія силы.

«Все это и дико, грустно! Но я
До корнѣй должна обнажить эту язву.
Такъ умъ угнетенный искалъ для себя,
Въ горячечномъ даже бреду утѣшенья.
«Вкругъ этого чана горить рядъ свѣчей;
Вода въ немъ мутится,—какъ древле, въ то время,
Когда Чудо-Юдо, царь бурныхъ морей,
Всплывалъ изъ пучины. Надъ этой водою
Радѣльщики видятъ сначала туманъ,—
А въ этомъ туманѣ потомъ зрятъ *Исуса*,—
Конечно того, что у древнихъ Славянъ
Звался Святovitомъ или богомъ Мокошемъ.

«Но *дѣва-Земля* есть богиня земли
Лишь только до лѣта. Когда жъ зланы нивы,
Сады, огороды, плодами полны,
И въ нихъ все созрѣетъ,—она ужь не дѣва;
Она въ это время—*сыра-мать-Земля*;
А осенью, только что мѣръ уберется,
Совсѣмъ опустѣютъ сады и поля,
И самое солнце уйдетъ съ поднебесья.
Она матерая, *богата-вдова*.

«Такъ точно и въ самыхъ радѣньяхъ,—богиня,
Зачавши, теряетъ на дѣвство права.
Зачать она можетъ лишь только отъ бога,—
А плодъ, что рождаетъ она, есть Христовъ;
Волхвы причащаютъ себя его гѣломъ,
И силой его побѣждаютъ хаосъ
Вещественныхъ силъ, что господствуетъ въ мѣрѣ.

«Чтожь тутъ самъ Микула, среди этихъ христовъ,
Боговъ и богинь ихъ?—Онъ дѣдъ ихъ, хозяинъ,
Онъ Солнышко-красно, онъ богъ—Саваофъ,
Онъ древній Возничій въ небесныхъ созвѣздыяхъ. 22)

«Какъ въ тѣ дни, и нынѣ *скатилъ* онъ съ небесъ,
Съ *небеснаго воза*, на гору земную,—

Скатыль онъ оттуда, нашъ русскій Зевесъ,
 И ищеть по свѣту жену свою, Живу.
 Но въ солнечный лѣтній она поворотъ
 Съ земли исчезаетъ въ подземныя бездны,
 И тамъ остается, покуда народъ
 Работаетъ въ полѣ,—всю страдную пору.
 Все лѣто и осень стоятъ между нихъ
 Громова тучи, осенніе ливни;
 Въ то время живетъ онъ средь дѣтокъ своихъ,—
 Сихъ лозъ виноградныхъ, садовъ насажденныхъ,
 Вѣтровъ корабельныхъ, бродяжесъ блаженныхъ...
 Но полная слава его возсіяетъ,
 Когда міръ покроютъ великая ночь
 И темное царство; когда не возможетъ
 Ничей духъ всемірное зло превозмочь,
 И міръ одолѣютъ враждебныя силы.
 Въ тѣ дни, онъ придетъ во всей славѣ своей,
 Съ *Востокъ-страны*, — станетъ противъ боговъ темныхъ,
 И ихъ побѣдитъ, и свѣтъ божьихъ людей
 Потомъ возсіяетъ по всей землѣ Русской.

«Возгремитъ нашъ батюшка Илья Пророкъ,
 «Протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
 «Отъ Востока рѣка течетъ до запада.....
 «И выгорятъ горы съ раздольями,
 «И выгорятъ лѣса темные.....
 «И растворятся седьмыя небеса,
 «Сокатятся златыя колеса,
 «Золотыя еще огненные;
 «Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
 «Нашъ батюшка покатывается,
 «Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
 «Сядетъ онъ въ стольномъ городѣ Москвѣ,
 «Ударитъ онъ въ царь-колоколъ въ Кремль;
 «Соберутся предъ нимъ живые и мертвые.»

«Откуда жь зло въ мірѣ?—И гдѣ его нѣтъ?..
 Но міръ имъ исполненъ еще отначала;
 Оно помрачало всегда бѣлый-свѣтъ.

Сперва оно было въ лицѣ Аримана,—
 Въ лицѣ Чернобога,—въ лицѣ Сатаны;
 Предсталъ въ міръ антихристъ,—и зло расплодилось
 По цѣлой землѣ; нимѣ всѣ имъ полны.
 Оно приводило къ намъ Наполеона;
 Оно расплодилось средь русской страны,—
 Почто въ ней и царствуетъ мракъ еще ночи.
 Борьба съ этимъ мракомъ, побѣда надъ нимъ,—
Великая тайна,—чтобъ внѣшній міръ, *темный*,
 О томъ не провѣдалъ, и духомъ своимъ
 Мертвацимъ, не сдѣлалъ помѣхи радѣльцамъ.

«Но имъ, людямъ Божьимъ,—имъ весь міръ открытъ!
 Они,—божьи люди; въ нихъ,—*книга живая*,
 Сонмъ трубъ *живооластныхъ*; корабль ихъ летитъ
 Небесною силою: все имъ подвластно.

«Различно бывають радѣнья на немъ:
 То носятся, скачуть радѣльцы, какъ буря;
 То *посоломъ* вихремъ крутятся кругомъ;
 Подобные *вѣтру* или *Вернигора*мъ,
 И сестрамъ ихъ, *Стригамъ* или облакамъ.
 Они изъ сосцовъ пьютъ молочныя рѣки;
 Они всѣ,—бродяги, живутъ по лѣсамъ...
Чистѣйшіе мужи, какъ встарь борибанты,
 Чтобъ снять совсѣмъ иго тѣлесныхъ оковъ,
 Себя освопляютъ. Какъ *молонья* въ небѣ
 Смиряетъ порывы бродячихъ вѣтровъ;
 Такъ *огненный мечъ* сей смиряетъ ихъ тѣло.

«Вкругъ Солнца-Микулы сонмъ Солнцевыхъ дѣвъ;
 Онѣ ему служатъ, онѣ его моютъ
 И чешутъ; имъ страшенъ его божій гнѣвъ.
 Онѣ провожаютъ его и встрѣчаютъ,
 Кладутъ на постель, и стоятъ при столѣ.
 На небѣ зовутся онѣ—*зори-ясны*,
 И *красны дѣвицы*—на грѣшной землѣ;
 Микула надъ ними есть полный хозяинъ.
 Весь день на возу онъ,—на бѣломъ вогнѣ;
 Межъ утреннимъ ложемъ и ложемъ вечернимъ,
 Онъ,—красное-Солнце, онъ,—богъ, а онѣ,—

Архангелы, сестры и жоны борьки.

«По духу онъ всѣ рѣднѣ жемъ собой;
 Для нихъ учреждень высшій чинъ богородицъ;
 На нихъ всего чаще духъ катитъ святой;
 Онъ неизмѣнно пречестны дѣвы;
 Онъ порождаютъ младенцевъ—Христовъ;
 Онъ причащаютъ корабль своей плотью;
 Онъ всѣ богины. У нихъ нѣтъ отцовъ;
 Онъ *остъ отъ духа*, — *посестрие*, — дѣвы
 Безмужни; безъ кровной, тѣлесной семьи.
 Отецъ ихъ и мужъ ихъ, — свѣтъ красное Солнце,
 Господь-богъ — Милуца; семья — корабль;
 Земля — свѣторусь; ихъ мѣръ — братья божьи. 20)

«Но самый великій, изъ всѣхъ ихъ Христовъ,
 Источникъ добра и духовнаго свѣта,
 Богъ-Хорсъ-иля богъ-Кришна всѣхъ этихъ боговъ,
 Есть царь-государь нашъ великій, — Петръ третій.
 Онъ спасся отъ смерти и мрачной тюрьмы,
 Куда онъ бѣжать ввергнуть, то злобъ боярской,
 По волѣ супруги, — сей матери тьмы
 И злобы кремниной. Онъ долго свѣтался;
 Потомъ объявился царемъ и Христовъ,
 Желая спасти свой народъ изъ подъ власти
 Бояръ, — боговъ темныхъ. Врагъ главный во всемъ
 Ему въ этомъ мѣрѣ, — Наполеонъ норвѣй. ...
 Царь этотъ не умеръ, — и будетъ онъ жить,
 Пока не очиститъ себя покаяньемъ;
 А Петръ третій долженъ сей мѣръ покупить,
 Поправши плоть духомъ. Но плоть окаянѣй дуа;
 Затѣмъ и понынь все дѣлится бораба 21).

«Другое начало духовнаго свѣта, —
 Пречистая Дѣва, блаженъ Судьба,
 Источникъ всѣхъ благъ и земли плодородья, —
 Царевна, Елизавета Петровна. Она
 Царю Петру мать; она царь-дѣвица;
 Въ ней *дѣлая* сила. Она вся полна
 Божественнымъ свѣтомъ; она, — Весна красна,

Въ ней сила Бѣлбога. *) Она возродить
 Съ Петромъ, своимъ сыномъ, всю русскую землю,
 Устроить народъ свой, спасеть, просвѣтить,
 И дать людямъ божьимъ покой и свободу...

«Вотъ что породили въ насъ рабство и тьма!

И чтожь могло лучше родиться въ народѣ,
 Гдѣ всякая мысль, всякій проблескъ ума
 Подавлены съ дѣтства иль залиты кровью?
 Что въ силахъ создать намъ корчма и тюрьма...

«Зато у Микулы еще есть свой мѣръ,—
 Любимое мѣсто, священное царство,
 Гдѣ онъ совершаетъ духовный свой пиръ,
 Куда не заходить власть грѣшнаго свѣта,
 Гдѣ съ нимъ его дѣтки,—бродяги-христы,
 Бездомные Вѣтры, и братья ихъ, сестры,—
 Воздушныя Стриги, Юроды, Хлысты...
 Тамъ мирно стоять ихъ моельныя избы,
 Тамъ ждуть ихъ пріюты, ночлеги, святы;
 То мѣсто—Пустыня.

«Онъ такъ воспѣваетъ

Ея превосходство:

«Прекрасная мать Пустыня,
 «Возлюбимая моя мати,
 «Пріяла меня, мать Пустыня,
 «Яко мати свое чадо,
 «Отъ юности прелестныя;
 «Укрой мене, мать Пустыня,
 «Отъ темныя отъ Ночи;
 «Приведи мене, мать Пустыня,
 «Къ своему ко небесному царствію;

 «И избавь меня, пустыня,
 «Огня, вѣчныя муки».....

«Откуда жь она

Явилась къ намъ,—эта святая Пустыня?

*) Она олицетворена также народомъ въ пророчицѣ Акулинь Ивановѣ.

Дала ли родная ее старина,
 Какъ древній остатокъ былаго буддизма, 52)
 Иль греки въ народъ нашъ ее занесли,
 Во дни христіянства?..Но въ этой пустынь,
 Такія событія предъ краемъ прошли,
 Что ихъ никогда не забудеть міръ Русскій.

«Микула не борется противъ властей;
 Онъ ждетъ терпѣливо себѣ время новыхъ;
 Опъ ждетъ, когда царствіе божьихъ людей
 Само водворится по всей землѣ русской.
 Но мать-Пустыня—Микулинъ оплотъ;
 Сюда онъ уходитъ отъ тяжкихъ гоненій,
 Здѣсь онъ поучаетъ тѣсный народъ;
 Здѣсь молится онъ за его избавленье;
 Здѣсь брагой хмѣльной на него накатишь
 Святъ-духъ, пробудившій потребность въ немъ мыслить,
 И мыслить свободно; здѣсь онъ заявилъ
 Убийственной стойкостью, самосожженьемъ,
 Свой духъ непреклонный; здѣсь, въ дебряхъ лѣсовъ
 И въ степи широкой, онъ создалъ міръ новый,
 Незнающій власти; здѣсь, съ древнихъ вѣговъ,
 Еще развѣзжаетъ Илья, богатырь нашъ;
 Отсель вышли Разинъ, потомъ Пугачевъ;
 Отсель объявился народу Петръ третій.

«Оставилъ (онъ) столичныя грады,
 «Оставилъ Питеръ, Москву,
 «Оставилъ грановитыя палаты,
 «И все мраморны дворцы,
 «И высокій тронъ свой;..
 «Пересталъ гостить на немъ,
 «И святымъ духомъ заблажилъ»...

«Но эта блажь стоитъ недешево намъ,—
 Она стоитъ цѣлой войны намъ народной!
 Едва заблажилъ онъ, нашъ батюшка, тамъ,—
 Какъ съ нимъ заблажилъ и народъ угнетенный;
 Толпы заблажили несчастныхъ рабовъ,—

Запѣлъ пѣтухъ красный, зашачали боеве
 На крѣпкія рѣли, между двухъ столбовъ;
 Заразь заблажила вся камская область, —
 Пошла эта блажь, отъ степныхъ городковъ,
 Пошла вдоль Поволжья, къ престольному граду. ²⁶⁾

«Чего же искалъ народъ глупый себѣ?
 Чего онъ хотѣлъ?—Онъ хотѣлъ небольшого, —
 Хотѣлъ онъ лишь хлѣба своей голдыбѣ,
 Искать, народъ глупый, онъ волюшки вольной.
 И то, не народъ искалъ воли, — Нужда, —
 Нужда—горемыка, Нужда—волею голодный....
 Вабѣсясь, и она жжетъ, палитъ города,
 Вабѣсясь, и она всѣхъ готова поддержать
 На крѣпкія рѣли....

«Вотъ плодъ нашей тьмы,
 Безвыходной, страшной тьмы нашего рабства!
 Скажите, какой озаритъ свѣтъ умы, —
 Когда народъ—рабъ, и нуждается въ хлѣбѣ?»

«Прошла эта туча надъ русской землей,
 Иссякнулъ сей первый фіаль гнѣва Божья;
 Но въ царствѣ остался все тотъ же застой, —
 Гроза не очистила заменутый воздухъ...
 Пугачъ былъ казненъ; но въ народной молвѣ,
 Петръ третій, Христось, еще живъ и понынь.
 Объявится въ стольномъ онъ градѣ Москвѣ,
 Пришедъ съ Востокъ-свѣта, изъ холодной Сибири;
 По плоти онъ царь; но по духу Христось, —
 Рожденный отъ Бога отца, Саваофа.
 По волѣ отца, много онъ перенесъ,
 Отъ лютыхъ враговъ, и понынь томится
 Еще въ заточеньи; но вышній отецъ
 Ему уготовилъ всемірное царство.
 Тогда возблеститъ его свѣтлый вѣнецъ,
 Во всѣхъ концахъ свѣта, тогда соберетъ онъ
 Людей своихъ вѣрныхъ....

«Что вы, вѣрные, избранные!

«Я дождусь той поры, времечка,

«Перебирать буду всяко сѣмячко,
 «Я отъ чистыхъ не укроюся,
 «Надъ царями царь отероуся,
 «Завладѣю всёми престолами,
 «И короною со державою.
 «Всѣ цари, власти, мнѣ поклонятся,
 «И вы рядомъ со мною сядете».

«Въ старинной Москвѣ,
 Ударитъ онъ въ полночь въ царь-колоколъ вѣщій, —
 Сберется народъ въ Кремль; восядетъ въ главѣ
 Своихъ онъ избранныхъ, и будетъ судить онъ
 Живой миръ и мертвый.....

«Не помогутъ, мои други,
 «Сего свѣта вамъ князья,
 «И цари-то всѣ земные.
 «Пойдутъ они подъ землю,
 «И покроетъ ихъ земля,
 «Что горячіе каменья,
 «За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье.....
 «—Ваша воля, ваша власть,
 «—Что угодно, то устрой!.....»

«И это поють
 Въ Москвѣ, на Иргизѣ, на Бѣлой Криницѣ,
 На Вятѣ, въ Омбири..... И этого ждуть,
 И ждуть не дождутся, по всей землѣ Русской!
 Вы видите, вотъ почему нашъ народъ
 Такъ вѣруетъ въ близость послѣднихъ дней міра.
 Вы поняли этотъ народный походъ,
 Почти повсемѣстный, въ недавнее время,
 Въ Сибирскія страны, на дальній Востокъ,
 Къ святой рѣкѣ Дарьѣ?... *)

«Въ такомъ темномъ мирѣ,
 Тутъ всякій, — *ладыка* иль вѣщій пророкъ,
 Тутъ всѣ, — *божья кума*, святой виноградникъ.

*) Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, — крѣпостной на-
 родъ потянулся было изъ внутреннихъ губерній на востокъ; но былъ во
 время остановленъ.

И этот губительный, бурный поток
Подкапывалъ лучшія силы народа,
Въ глазахъ государства!

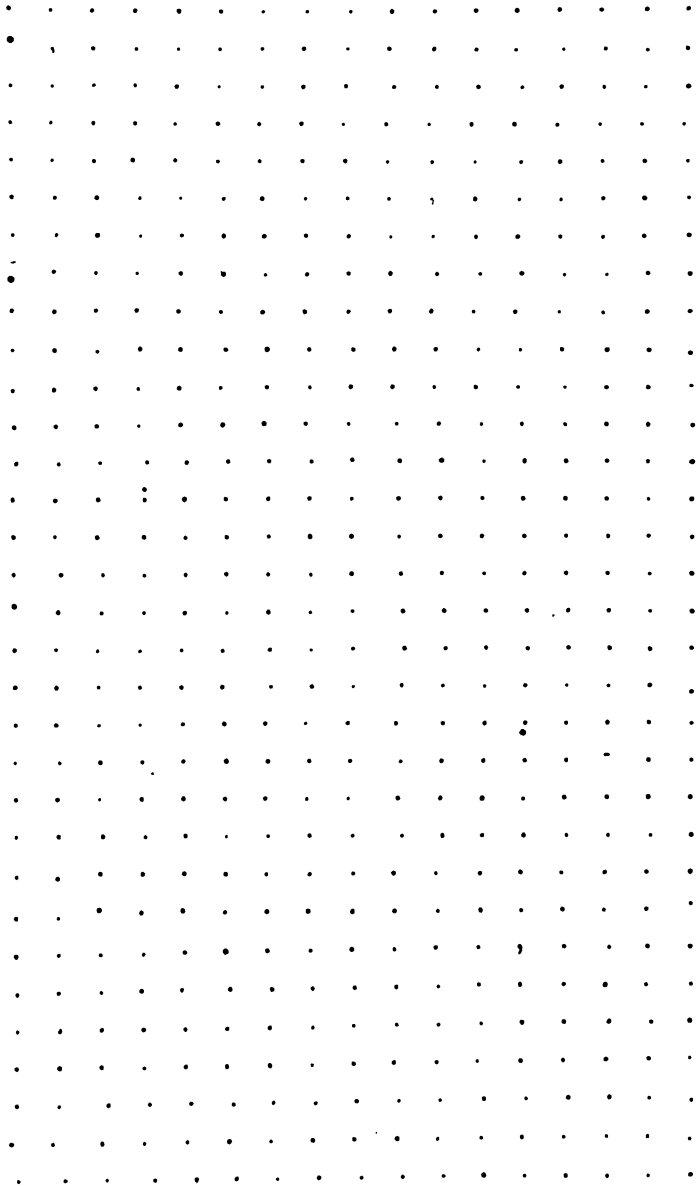
«Какъ духъ старины,
Расколь не чтитъ Запада. Тамъ духъ папешства, —
Тамъ царство Антихриста и Сатаны,
Тамъ Нѣмцы, Латины, Наполеонъ первый!
Сей царь живъ понынь, лишь въ видѣ иномъ:
По плоти, теперь онъ—Наполеонъ третій;
Но духъ въ нихъ единый, и въ томъ, и въ другомъ, —
Одна ипостась, только въ образахъ разныхъ.
Оттуда не приметъ расколь ничего;
Тамъ все для него, и враждебно и чуждо;
До сихъ поръ единый *наукъ* для него, —
Родные *волхвы* и онъ самъ,—виноградникъ
И *книга живая*... 27.)

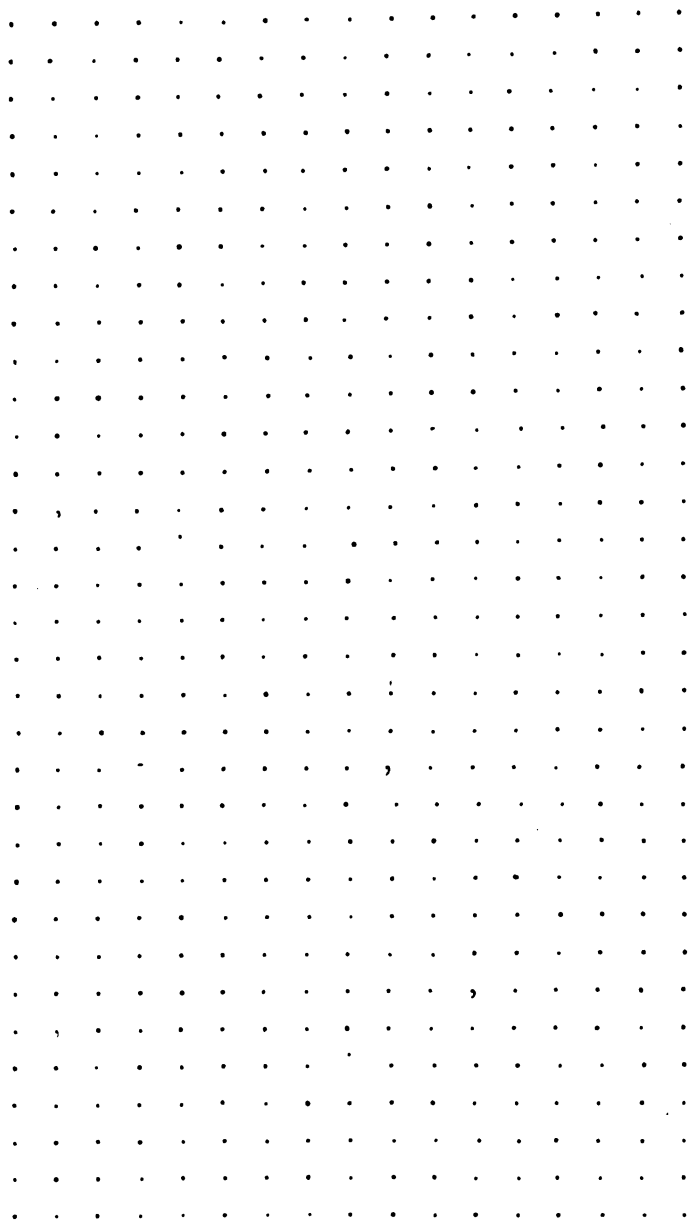
Не ясно ль теперь, —
Что это обломки древнѣйшаго міра,
Куда также настезь отворена дверь?...
Есть сумерки тутъ и небесныхъ величій,
И старая злоба враждебныхъ племень,
И духъ созерцательный, строгій буддизма,
И красное Солнце древнѣйшихъ временъ,
И богъ, первообразъ боговъ, — и всѣ боги...
Тутъ міръ переходный, — пожалуй, глухой
И темный; но въ немъ уже брошено сѣмя
Народныхъ стремленій и мысли живой,
Пока еще ждущей себѣ возрожденья...

«Народъ досель полонъ той мыслью слѣпой,
Что край нашъ всѣхъ въ мірѣ сильнѣй... Но, скажите,
Давно ль образованный классъ нашъ судилъ
Почти точно также?.. Господь отрезвилъ
Отъ вѣры слѣпой насъ въ свое превосходство.
У стѣнъ Севастополя Онъ положилъ
Въ точило насъ гнѣва, и выжалъ изъ царства
Кровь лучшихъ людей. Тамъ, гдѣ былъ рожденъ
Свободный край Русскій водою и духомъ;

Тамъ,—послѣ дней рабства, онъ былъ осужденъ
Еще возродиться народною кровью.

«Нашъ край двинуль рати своихъ грозныхъ смѣль,
И ждалъ горделиво рѣшенія спора;
Но Вышній безъ насъ этотъ споръ разрѣшилъ,
И вынулъ, впередъ намъ назначенный, жребій.

Онъ сдернулъ туманъ
Съ очей нашихъ темныхъ,—и мы всё прозрѣли.
Тогда и нашъ край, и народъ-великанъ
Предстали предъ нами совсѣмъ въ иномъ видѣ;
Тогда мы узнали, что наша страна—

Часть II.

Далеко еще не страна благоденствья;

„Паль градъ Севастополь, — но пламя его
Собой озарило всю эту картину
Старинной Россіи. И послѣ того,
Мы начали съ жаромъ лечить наши язвы,—
Тѣ страшныя язвы, что въ насъ narosли
Въ ужасное время минувшаго рабства,—
Гниль эту, что въѣлась въ духъ нашей земли,
Тотъ грязный застой, гдѣ мы всѣ утонули.

«Господь самъ. устами младаго царя,
Воззвалъ обновленный народъ къ новой жизни,—
Блеснула впервые свободы заря,
И солнце взошло милосердыя и правды.

«Скажите жъ вы вапимъ славянскимъ странамъ,
Что я и Микула, мы живы; народъ нашъ
Сидитъ, точно, сидемъ, по разнымъ мѣстамъ,
Не вѣдая гдѣ еще, въ чемъ его сила;

Нашъ духъ богатырскій живетъ по лѣсамъ,
 По дальнимъ степямъ, захолустьямъ, пустынямъ;
 Но также и онъ живъ, — лишь ждетъ того дня,
 Когда возвратится къ нему его силы.....
 Скажите, что слышали вы отъ меня,
 Кралевичу Марку!

«Гдѣ жъ, въ чемъ наша сила?

Единый источникъ силъ нашихъ есть свѣтъ;
 Единая сила для насъ—просвѣщеніе!
 Силь этихъ край русскій ждетъ тысячу лѣтъ, —
 И кто сказать можетъ, что онъ ихъ не стоитъ?..
 Но свѣтъ просвѣщенія входитъ въ страну
 Столѣтьями. Край нашъ едва лишь воскреснулъ.
 Мы нынѣ встрѣчаемъ его лишь весну;
 Его благодатное лѣто далеко.

«То правда, вездѣ возрожденія кликъ,
 Весь Западъ куда-то отважно стремится;
 Старинный міръ палъ; новый свѣтъ каждый мигъ
 Собою все тѣснѣе сближаетъ народы.
 Кликъ этотъ, — не ярый крикъ дивихъ вождей,
 Пришедшихъ съ мечемъ покорять себѣ царства;
 Не вличъ самовластный былыхъ королей
 Иль гордыхъ вассаловъ и общинъ тяжелыхъ,
 Трудившихся только для пользы своей,
 Въ ущербъ пользѣ народныхъ. Кликъ этотъ — не вспышка,
 Не ревъ одуряющей черни слѣпой,
 Неистойвой, пьяной отъ дыма и крови;
 Нѣтъ, это трудъ трезвый и голосъ живой
 Всего человѣчества нашего вѣка, —
 Движеніе стройное, подвигъ святой
 Всего просвѣщеннаго міра Христова.

«Для новой Европы давно дни прошли
 Вассаловъ и общинъ, соборовъ и папства;
 Давно, и другіе у ней короли,
 И силы, и власти. Міръ прежній закончилъ
 Свой главный трудъ, двинувъ народы впередъ;
 Для всѣхъ приближается время иное, —

Народы проснулись. У нихъ, въ свой чередъ,
Являются также свои убѣжденья.

«Они повимають, что въ мѣрѣ живомъ,
Нѣтъ мѣста ни барству, ни роскоши жалкой,
Что точать и гложать, какъ червь, насъ кругомъ,—
И тянуть къ обманамъ, къ насилью, къ разбою;
Ни этимъ, ненужнымъ странѣ, должностямъ,
Что духъ нашъ бесплоднымъ гнетутъ честолюбьемъ,
Что насъ пригвоздили къ ничтожнымъ трудамъ,
И веергнули общество въ лужу растлѣнья.
У нихъ нѣтъ сочувствья, ни къ страсти слѣпой
Крушенія, крови, раздоровъ, господства,
Ни къ жадѣ болѣзненной, жадѣ смѣшной,—
Лишь злата и злата, что въ насъ заглушила
Послѣднія чувства, и духъ нашъ живой
Морить за купеческимъ грязнымъ прилавкомъ.
Имъ нужны полезныя знанья и трудъ,
Свободное дѣло, кругъ честный семейный,
Общественный свѣтъ и общественный судъ,—
Судъ здравый, благой, свѣтъ вполне христіанскій.

«Придутъ времена, что и самый богатъ,
Кого ненавидитъ такъ мѣръ современный,
На комъ вымѣщаетъ онъ гнѣвъ свой и плачь,
Кого мѣръ-народъ утѣсненный поноситъ,
Кому всё однако такъ искренно льстятъ,—
Что также и онъ будетъ въ жизни народной
Общественной силой,—и въ немъ ужъ сквозятъ
Поборникъ и двигатель силы всемирной!

«Мѣръ древній, мѣръ темный царей и рабовъ,
Тотъ мѣръ безъ народа, не могъ и помыслить
Достигнуть тѣхъ благъ, что свѣтъ новыхъ вѣковъ
Съ собою принесъ христіанскому мѣру;
А мѣръ современный,—мѣръ грубой войны,
Стѣсненныхъ народностей, мѣръ царедворцевъ
И розни сословной, у каждой страны
Имѣетъ свой собственный духъ и значенье;
Желаемый свѣтъ далеко не проникъ
Нигдѣ еще въ бытъ и въ смыслъ здравый народный;

Народъ совершенно еще не постигъ
Его благодѣтельной, царственной силы,—
И въ этомъ незнавьи не вѣдаетъ самъ
Своей всеобъемлющей, собственной силы;
Все это грядущимъ дано временама,—
И къ этому мѣру современнѣй стремится.

«Когда онъ достигнетъ, чрезъ сколько вѣковъ.
Какими путями,—того мы не знаемъ;
Но мѣру нашъ не созданъ для робкихъ умовъ,
Нашъ мѣру въ непрестанномъ, разумномъ движеньи,
Къ всеобщему свѣту,—не ждетъ никого,
Ни съ кѣмъ не вступаетъ бесплодно въ условия;
При свѣтѣ,—и жизнь, и желанный успѣхъ; вишь его,—
Могильный застой и безмолвие смерти!

«Далеко ушелъ отъ насъ Западъ живой;
Межъ насъ стоитъ бездна,—рядъ цѣлый столѣтій!...
Столѣтѣя мы проспали въ тѣмѣ гробовой;
Столѣтѣя, почти мы не сдѣлали шага....
Но это еще не причина, чтобъ намъ,
Проснувшись теперь, опустить опять руки:
Народы способны къ гигантскимъ трудамъ;
А гдѣ край свободенъ—тамъ близко развитие.

«Въ средѣ человечества паріевъ нѣтъ:
Всѣ божьими, всѣ нарекутся сынами;
И это и есть, вождѣнный тотъ свѣтъ.—
Тотъ мѣру благодатный, что ждутъ всѣ въ грядущемъ!

«Мы также стремимся къ нему въ наши дни;
Но какъ-то двоится онъ въ нашихъ понятѣяхъ.
Учителей много, но чаще они
Насъ учатъ въ разрѣзъ съ направленьемъ народнымъ.

«А прежде всего, страпѣ нужно людей,—
Не тѣхъ людей прежнихъ, что насъ обижали.....
Народъ ищетъ свѣта, мы ждемъ новыхъ дней,—
Намъ надобно также учителей новыхъ.
Вашъ родъ—родъ отжившій. Васъ знаетъ народъ

Не годы, — столѣтъя. Вашъ родъ силенъ словомъ;
 Но ваши слова народъ знаетъ впередъ.
 Мы слышали всякихъ отъ васъ словъ довольно;
 Давнымъ-давно жутко отъ вашихъ намъ словъ!
 Народъ понимаетъ, быть можетъ, васъ лучше,
 Чѣмъ вы себя сами; онъ сколько вѣковъ
 Страдалъ и страдаетъ отъ вашихъ пороковъ,
 Отъ роскоши вашей среди нищеты,
 Отъ вашихъ обмановъ, неправды, невѣрья!..
 Народъ голъ и босъ, ему нѣтъ могуты;
 На васъ онъ потратилъ и хлѣбъ свой, и силы;
 Но вы завоснѣли въ неправдѣ своей,
 Вы тѣ же рабы все минувшаго рабства;
 Средь васъ, для народа нѣтъ дѣльныхъ вождей,
 Ни дѣльныхъ учителей дѣтямъ народнымъ;
 Вамъ надобно вновь возродиться самимъ, —
 Усвоить и выстрадать съ нимъ его нужды;
 Народъ только вѣрить лишъ людямъ своимъ, —
 Лишь въ нихъ онъ провидитъ вождей настоящихъ.

«Но мы вождей этихъ себѣ еще ждемъ, —
 Такіе вожди лишъ родятся въ народѣ.
 Намъ скажутъ: кому жъ быть въ народѣ вождемъ?
 А я говорю вамъ: настанетъ то время,
 Вы будете сами народъ умолять,
 Чтобъ далъ онъ въ вожди вамъ людей изъ народа.
 Не знаемъ, вы скажете, что намъ начать!...
 А онъ возразитъ: нѣтъ вождей вамъ въ народѣ, —
 Зане отвратился Господь Богъ отъ васъ, —
 Господь васъ отвергнулъ за ваше невѣрье,
 За вашу продажность; уйдите отъ насъ,
 Какъ вы насъ не знали, и мы васъ не знаемъ!...

«Вы видѣли, — вотъ онъ ужъ палъ, Вавилонъ,
 Палъ городъ большой, что вѣва упивался
 Виномъ любодѣйства; такъ съ этихъ временъ
 Падетъ въ мѣръ все, что богамъ служить древнимъ:
 Затѣмъ, что созрѣла въ немъ, мѣръ слѣпомъ,
 Великая жатва его утѣсеній;
 Весь ветхій мѣръ скоро пожнетъ серпомъ,

И вся его прелесть возьметъ въ точило,
Великаго гнѣва Господня.

«Приходить

Конецъ царства Звѣря, что столько вѣковъ
Давиль и лохаль и народы, и царства;
Предъ кѣмъ отцы наши и нашихъ отцовъ
Скрывались въ лѣсахъ и сжигались въ срубахъ.
Народъ пробудился. Насталь волчій вѣкъ
Божественныхъ сумерекъ новаго міра.
Померкнули боги, и самъ человекъ
Исполнился зависти лютой и злобы.....
Вездѣ безнадежность, насилье, развратъ,
Отчаянный, дикій споръ новаго съ старымъ,
У всѣхъ позади—мракъ безвыходный, адъ;
А что впереди?—Тамъ, одна неизвѣстность!

«Не то же ли было, когда древній свѣтъ
Язычества таялъ въ лучахъ христіанства?....
Такъ точно нашъ міръ ждетъ двѣ тысячи лѣтъ
Отъ новаго свѣта, себѣ обновленья...
И духъ обновленія—съ перваго жъ дня
Въ сей міръ льетъ невидимо новыя силы;
Онъ—огнь негасимый, онъ море огня,
Онъ все пожигаетъ, и вновь возрождаетъ
Въ странахъ и народахъ.

«Язычества тьма

Едва лишь разсѣялась: мы христіане,
Но духомъ—язычники. Силой ума,
Безъ помощи Божьей, намъ нѣтъ возрожденья!

«Пока не исторгнемъ въ странѣ нашей мы
Тотъ духъ старовѣрства и всякихъ расколовъ,
До тѣхъ поръ все будетъ въ ней царствіе тьмы;
Пока Цинцинатомъ не будетъ Микула, —
До тѣхъ поръ останется сиднемъ Илья.....

«Отжившій міръ древній и міръ настоящій,—
Вотъ наши учителя! Наша земля,
Хотя незамѣтно, но движется также
Во слѣдъ за другими....

«Несущая огонь обновленья, рѣка.—
 Народъ говорить,—выжжетъ горы, раздолбя
 Стариннаго міра. Она ужъ близка...
 Міръ мертвый воскреснетъ.... Но развѣ, скажите,
 Въ томъ нѣтъ части правды! Мракъ сдѣлалъ свое,—
 Земля потемнѣла отъ зла и пороковъ;
 Но Богъ обмываетъ издавна ее
 Безцѣнною кровью людей своихъ лучшихъ;
 Они посвятили на то бытіе,
 Они за то терпятъ и казнь, и гоненья;
 Но Онъ размножаетъ ихъ, вѣщихъ людей...
 Въ нихъ зрѣютъ судьи надъ тѣмъ міромъ отжившимъ,
 Изъ нихъ бьетъ источникъ живой новыхъ дней;
 Изъ малыхъ ручьевъ составляется море....

«Трубить не труба Михаила Архангела.

Грядетъ не Иисусъ въ главѣ огненныхъ ратей,» —
 Грядетъ, наконецъ, мой женихъ свѣтозарный,
 Но имя отнынѣ ему,—имя: Свѣтъ!

«Онъ дастъ миръ землѣ, благоденствіе людямъ,
 Народы найдутъ въ немъ любовь и совѣтъ;
 Мечи онъ царей передѣлаетъ въ плуги,
 А скипетры въ вѣтви оливы. Одинъ
 Онъ можетъ отдать мнѣ сыновъ моихъ милыхъ,
 Затѣмъ, что одинъ онъ земли властелинъ
 И, слившись съ нимъ, я сама—духъ всемірный!...

«Но нынѣ, родные, хоть я и сильна,
 Но край мой и бѣденъ еще, и невзраченъ;
 Подумать еще о себѣ я должна.
 Народъ воскресаетъ,—но онъ не воскреснулъ;
 Нашъ край еще полонъ языческой тьмы;
 Его солнце съѣли чудовища рабства.
 Живемъ въ волчій вѣкъ мы. Народъ нашъ родной
 Страшитъ еще многихъ своимъ просвѣщенемъ:
 Мы только вступаемъ теперь въ міръ живой;
 У насъ чуть свѣтаетъ великое утро...
 Хотите ли видѣть?.. Идите за мной!
 Я вамъ показать обѣщалась Мпекуду, —
 И я покажу вамъ нашъ край, какъ онъ есть,

И духъ нашъ забитый, и этихъ чудовищъ,
 Что гложутъ народъ и народную честь;
 Но я покажу вамъ и близкое утро,
 И мiръ этотъ новый, куда мы идемъ;
 Затѣмъ, что мiръ нынѣшній есть мiръ отжившій,
 Мiръ ветхій,—и я покажу вамъ потомъ
 Его разрушенья!...

«Вы знаете сами,—

«При послѣднемъ будетъ при времени—

«Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо

«А кривда пойдетъ по всей землѣ!...» *)

Сказавъ это, Вана направилась къ двери,
 И многіе также пошли вслѣдъ за ней.
 Ставръ взялъ меня подъ руку; мы пошли рядомъ.
 Но городъ исчезнулъ,—мы шли вдоль полей,
 Одни,—по какому-то длинному мосту.
 Вокругъ насъ лежала глубокая тьма,
 Какъ Вана сказала; но свѣтъ, исходившій
 Отъ Ваны, свѣтилъ намъ. Природа сама
 Казалася дивой, больной, истощенной!...

Нашъ мостъ то касался почти до земли,
 То мы подымались куда-то все выше.
 Подъ нами чернѣла равнина, тамъ шли
 По ней также люди. Но тьма была всюду;
 Вся даль утопала въ удушливой мглѣ,
 Кой-гдѣ чуть виднѣлися тусклыя звѣзды;
 Печально все было, мертво на землѣ!...
 Мы видѣли сверху,—народъ истомленный,
 Народъ исхудалый, голодный, толпой
 Смотрѣлъ съ нетерпѣньемъ на темное небо;
 Но небо покрыто вездѣ было мглой!..
 Одинъ просилъ хлѣба, другой просилъ свѣта,—
 Кто съ бѣшенствомъ дивимъ, кто съ вѣрой слѣпой;
 Но не было свѣта и не было хлѣба.

*) Народное преданіе о всеобщемъ развращеніи передъ концомъ міра. (См. прим. 19).

Духъ жизни подавленъ былъ страшною тьмой,
 Какъ будто изсякнулъ свѣтъ солнца на небѣ,—
 И не было утра. Какъ сонмы тѣней,
 Блуждали подъ нами,—шли, ѣхали люди,
 Неслися вагоны желѣзныхъ путей,
 Свистѣли, пыхтѣли вдали пароходы....
 Жизнь шла, какъ и прежде, своимъ чередомъ;
 Но это, замѣтно, былъ мѣръ отживавшій,
 Иль мѣръ ужъ отжившій. Чуть двигались въ немъ
 Послѣднія силы кончавшейся жизни;
 А духъ новой жизни еще былъ во мглѣ.
 И новыя силы рождались туго;
 Вездѣ неурядица шла по землѣ,
 Нескладнѣй еще было въ мѣрѣ духовномъ....

«Когда жъ взойдетъ солнце?» я Ставра спросилъ.
 «Ты слышалъ?—сказалъ онъ. Его съѣло рабство,—
 Тѣ хищные волки. Ты развѣ забылъ,
 Что время затмѣній—ихъ лучшее время?...
 Не смѣйся! Смѣшнаго нѣтъ въ этихъ словахъ.
 То правда,—теперь, въ наши дни, мы не станемъ
 Отъ страха въ своихъ запираются домахъ,
 И, въ знакъ огорченья, стричь волосы дѣтямъ;
 Теперь *нестымы* (и) боятся одни;
 А мы, мы привыкли къ подобнымъ явленьямъ,—
 Мы знаемъ отволю происходятъ они;
 Но темный народъ нашъ едва ль не правѣ!
 Онъ видитъ, что меркнетъ вокругъ него свѣтъ;
 Буда-жъ дѣлосъ солнце? Его грызутъ волки,—
 И кончено! Вотъ и тебѣ мой отвѣтъ,—
 А тамъ разсуждай ты себѣ, какъ угодно!...» 20)

Однако народъ устремлялъ жадный взоръ
 На темное небо, и ждалъ оттоль свѣта;
 Одни на вершины карабкались горь,
 Другіе искали разсвѣта на крышахъ...
 Ночь эта тянулась для всѣхъ безъ конца.
 И солнце всходило, и солнце садилось,
 Какъ маятникъ тусклый, какъ ликъ мертвеца,

Блуждая безъ свѣта по мертвому небу.
 Стада истощенныя, съ ревомъ глухимъ,
 Уныло бродили по пастбищамъ голымъ,
 По тощимъ дубравамъ, по доламъ сухимъ,—
 Понуро ревѣли, уставясь къ Востоку;
 Тревожныя стаи проснувшихся птицъ
 Безъ дѣли носились съ мѣста на мѣсто,
 Иль тучами шумныхъ, густыхъ вереницъ,
 Летѣли, Богъ знаетъ куда; въ отдаленіе;
 Голодныя полчища хищныхъ звѣрей,
 Какъ бы ободренныя общею тьмою,
 Являлись безъ страха въ присутствіи людей,
 И съ страшной отвагой врывались въ жилища....
 Едва лишь держалася тонкая нить
 Стариннаго склада общественной жизни;
 Во мглѣ этой было нельзя отличить
 Вблизи человѣка отъ хищнаго звѣря.
 Невольно страшилъ всѣхъ шумъ самый пустой,
 Иль воскликъ неожиданный. Такъ сонная капля,
 Ударясь о камень, въ пещерѣ глухой,
 По ней раздается, какъ молотъ подземный.
 Гнилой пенъ казался медвѣдемъ лѣснымъ,
 Легучая мышь—чуть не хищной Горгоной;
 Древесный сверчокъ пугалъ крикомъ своимъ,
 Едва видный ровъ представлялся оврагамъ.....
 Мошенники прятали ловко концы
 Своихъ темныхъ дѣлъ; осторожные люди,
 Тѣ шли стороной; удалцы и глупцы—
 Толкались впередъ, наобумъ возвѣщая
 Прямую дорогу. Какъ шумъ многихъ рѣвъ
 Гудѣлъ въ темнотѣ человѣческій говоръ;
 Прислушаться,—каждый тутъ былъ человѣкъ—
 Пророкъ, обновитель, иль новый Мессія;
 У всякаго скрытъ былъ за пазухой свѣтъ,—
 Лишь стоило тольکو встряхнуть ему фалды;
 Разобранъ научно былъ каждый предметъ,—
 Но тьма все стояла, и не было свѣта!

Мы слышали жалобы съ разныхъ сторонъ:

Того обокрали, другаго убили,
 Одинъ слетѣлъ въ пропасть, другой обойдены
 Своими, или брошенъ безъ помощи въ мракъ;
 Тамъ лѣзли къ кому-то отважно въ карманъ,
 Здѣсь звали на помощь, тутъ шла чья-то драка,
 Кто чуть влачилъ ноги, кто былъ совсѣмъ пьянъ, —
 Но всѣ, хоть и ощупью, шли другъ за другомъ.

Жизнь также кипѣла, какъ прежней порой, —
 Но не было свѣта. Таинственный сумракъ
 Лежалъ той же сѣрой, сѣдой пеленой,
 По селамъ, полямъ, городамъ и дорогамъ....
 И чѣмъ-то ужъ страшнымъ казалась вдали
 Живая, разумная рѣчь человѣка, —
 И самое это движеніе земли,
 Замкнутой во мглѣ и невидящей свѣта.
 Вотъ оргія гдѣ-то; а тамъ, вдалькѣ
 Несутся вагоны, свистятъ паровозы,
 Движеніе и говоръ по темной рѣкѣ,
 Какія-то тѣпи чуть бродятъ по нивамъ;
 Гулъ прежній и грохотъ въ большихъ городахъ,
 Веселый разгулъ по голоднымъ деревнямъ,
 Вседневная нужда, забота въ глазахъ,
 Но та же безпечность во всемъ, торопливость, —
 И таже мгла всюду..... Но это вѣдь сонъ!
 Я думалъ. Давно, должно быть, разсвѣтало;
 Жизнь рвется наружу; со всѣхъ ужъ сторонъ
 Несутся какіе-то смутные клики.....
 Или это такъ кажется? Или законъ
 Обычный природы совсѣмъ измѣнился?..
 Всего больше вѣрили слухамъ пустымъ;
 Вдругъ все невозможное стало возможнымъ....
 Съ ребяческой жаждой, съ довѣрьемъ слѣпымъ,
 И взрослыя дѣти, и старцы, искали
 Нелѣпѣйшихъ сплетенъ, утопій смѣшныхъ,
 Какъ будто вверхъ дномъ обернулась вселенна, —
 И даже тьма эта, по мнѣнью иныхъ,
 Должна называться была теперь — свѣтомъ.

Ужасна привычка! Къ чему человѣкъ
 Не можетъ привыкнуть? Прошло для насъ время
 Тяжелаго рабства, прошелъ страшный вѣкъ
 Кроваваго мрака, — а жили же люди!...

Одни предвѣщали за что-то войну,
 Съ царями, властями сосѣднихъ народовъ;
 Другіе вверхъ дномъ становили страну;
 Инымъ ужъ мечтались фаланстеры, братства.
 Особенно всѣхъ тяготила семья, —
 Безвыходный этотъ кругъ, полный заботы!
 У всѣхъ на умѣ была личность своя, —
 Но всѣ толковали про общее дѣло.
 Семья и наука, народъ и расколъ, —
 Все было обсужено. Главнаго только
 Ихъ умъ избѣгалъ, — что виною всѣхъ золъ
 Была эта тьма, этотъ дившійся сумракъ?...

Мы все это слышали изъ глубины,
 Тянувшей въ мракъ подъ нами, равнины;
 Межъ тѣмъ съ поднебесной почти вышины,
 Какъ бы съ облаковъ, на насъ гордо смотрѣли
 Какія-то чудныя зданья, — одно
 Чудеснѣй другаго, — не то древни храмы,
 Не то тѣ кутины, что были давно
 Вѣстилищемъ древнихъ народныхъ собраній
 И пьяныхъ ихъ пиршествъ.

«Васъ это дивить?

Насъ Вана спросила. Вы видите, — это
 Дѣйствительно храмы; но что поразить
 Васъ больше еще, — въ нихъ приносятся жертвы
 Досель человѣческія! А вонъ тамъ,
 Въ сіяющихъ этихъ старинныхъ кутинахъ,
 Столь древле любезныхъ славянскимъ богамъ,
 Шумитъ и понинѣ разгулъ тѣхъ же оргій;
 Съѣдаются тутъ милліоны, — летятъ
 Тутъ на вѣтеръ честь, красота, состоянья;
 Но дѣлъ здѣсь не дѣлаютъ, — только хотятъ
 Убить какъ нибудь безполезное время....

Все это, тотъ міръ отживающій, — мгла
Еще не совсѣмъ разсвѣтавшаго утра»....

Мы снова спустились. Насъ Вана вела,
Опять той же самою плоской, равниной.....
Мы шли по какимъ-то большимъ городамъ,
И слышали крики тамъ: свѣта намъ, свѣта!
Мы шли по пустыннымъ, глухимъ деревнямъ,
И слышали вопли тамъ: хлѣба намъ, хлѣба!
Одни выбѣгали съ лучинами къ намъ,
Другіе стояли, какъ тѣни, во мракѣ;
Мы имъ высыпали всѣ деньги свои, —
Они денегъ не брали; мы имъ казались
Послами антихриста; мы къ нимъ пришли,
Они говорили, чтобъ взять ихъ семейства
И тощую землю опять въ кабалу.
Они чуть успѣли вздохнуть лишь свободно,
Какъ небо наслало на нихъ эту мглу, —
Ни свѣта, ни воли, ни денегъ, ни хлѣба...
Чтожь будетъ потомъ? Чѣмъ ихъ Богъ оградить
Отъ нуждъ еще новыхъ, отъ смерти голодной?
Когда же благодатный имъ свѣтъ возблеститъ?
Когда же окупится трудъ ихъ тяжелый?...

Тутъ странное зрѣлище заняло насъ:
Шесть-семь человѣкъ, на плечахъ ихъ, тащили
Соломенку.... Схватятъ всѣ семеро вразъ,
Пройдутъ шаговъ десять, и снова присядутъ.
—Что это такое?—я Ставра спросилъ.
«А помнишь—предъ самой кончиною міра,
Какъ солнце померкнетъ, онъ мнѣ возразилъ,
И тьма, какъ теперь воцарится въ народѣ;
Тогда въ немъ такъ мало останется силъ,
Что взрослые семь человѣкъ едва смогутъ
Соломенку вмѣстѣ на плечи поднять.
Въ началѣ вселенной былъ вѣкъ богатырскій, —
Его чуть земля была въ силахъ держать;
Затѣмъ, былъ вѣкъ Пыжиковъ, —я помогаю,
То самый недавній, ближайшій къ намъ, вѣкъ;

А вотъ и вѣкъ Туживовъ!... Кажется, больше
 Не можетъ умалить себя человѣкъ.
 Теперь—или смерть, или свѣтъ возрожденья!..» *)

«Взгляните! Здѣсь нуженъ еще Прометей,—
 Чтобъ свѣтъ внести ясный! прервала насъ Вана.
 Но мы подошли ужъ къ вратамъ новыхъ дней,—
 Незримыя силы духовнаго міра
 Работаютъ дружно надъ міромъ земнымъ.
 Ненужное падаетъ само-собою;
 Ночь къ свѣту идетъ. За туманомъ густымъ
 Свѣтаютъ дни новые. Духъ обновленья
 Течетъ рѣкой огненной, жжетъ и крушить
 Остатки язычества,—васты, расколы,
 Утопія, войны, раздоры; мирить
 Народы враждебные, топить ихъ распри,
 Сближаетъ сословья, ровняетъ права,
 Коробитъ и гонитъ старинную роскошь...
 Не думайте,—это лишь только слова!
 Вы узрите скоро незримое многимъ.
 Вы видите царствіе ночи глухой,—
 И скоро увидите страшную расприю
 Вступающей жизни и жизни былой,
 Что въ дикомъ безсильи, сама безвозвратно
 Себя разрушаетъ,—и крикъ боевой,
 Послѣдній, предсмертный крикъ прежняго міра,
 Кого затопляетъ со всѣхъ ужъ сторонъ
 Рѣка эта грозная... Но не смущайтесь
 Вы этимъ видѣньемъ! Съ древнѣйшихъ временъ
 Она невидимо течетъ по вселенной!..»
 И точно, я видѣлъ, покуда мы шли,—
 То будто мгновенный блескъ яркой зарницы,
 То зарево словно сіяло вдали.
 И вновь погасало въ глубокомъ туманѣ...
 Вотъ опять блеснуло пламя,—
 Небо вспыхнуло вкругомъ,

*) См. ниже примѣч.: 32.

Будто огненное знамя
 Распахнулося по немъ.
 Ярко зарево взыграло
 На концѣ сѣдыхъ небесъ,—
 Съ неба на землю упало
 И покрыло доль и лѣсъ...

Гдѣ жь пожаръ? Никто не знаетъ.
 Тамъ,—далеко! Небосклонъ
 Гдѣ-то пламенемъ сверкаетъ,
 Жаръ и смрадъ со всѣхъ сторонъ;
 Но земля покрыта мглою,
 Все безмолвно и темно,
 Лишь багровой пеленою
 Въ мракѣ зарево легло...

Но мы съ Ставромъ видѣли въ темной дали
 Причину, чудснаго многимъ, явленья:
 Изъ тьмы, погруженной въ ночной мракъ, земли
 На насъ шли какъ будто горяція волны,—
 И этотъ потокъ жегъ дыханьемъ своимъ
 Высокія горы, лѣса и раздолья;
 Большіе дома исчезали подъ нимъ,
 А крѣпкія выси равнялись съ землею.
 Потокъ поглощалъ также многихъ людей;
 Но люди какъ будто того не видали...
 Жизнь шла, какъ и прежде, чредою своей,
 И тотъ же мракъ прежній царилъ все надъ нами.

Потомъ, я увидѣлъ еще вдалекѣ,—
 Невѣдомый ангелъ влачилъ длинный неводъ,
 И неводомъ этимъ въ горячей рѣкѣ
 Ловилъ онъ людей, —и великихъ, и малыхъ.
 Онъ ихъ оставлялъ на пустомъ берегу,—
 Но какъ я замѣтилъ, ихъ было немного,—
 И снова забросивъ свой неводъ въ рѣку,
 На берегъ вытаскивалъ новую толю...

«Что это такое?» я Ставра спросилъ.
 «А это, ты видишь, рѣка очищенья!
 Сказалъ онъ. Потокъ этотъ огненный былъ

Однимъ изъ путей въ мѣръ таинственный Смерти,—
 И нынѣ уносить тѣхъ мертвыхъ людей,
 Что только считаются между живыми,
 Но блѣдной, безплодною жизнью своей
 Похожи на мертвыхъ; а свѣтлый тотъ ангель,—
 Одинъ изъ старинныхъ какихъ-то боговъ.
 Онъ неведомъ ловить прозрѣвшія души
 Въ огнѣ очищенія,—тѣхъ мертвецовъ,
 Въ комъ свѣточъ еще не погаснулъ духовный,
 И тѣхъ, что очистились въ этомъ огнѣ;
 Какъ помнишь ловили какіе-то боги,
 Навѣрно, извѣстные всей старинѣ,
 Клубки золотые и свѣтлыя искры
 Небеснаго пламени, что съ облаковъ
 Разсыпалось въ воды воздушнаго моря,
 Когда нимфа рѣвая буйныхъ вѣтровъ
 Качала его въ золотой колыбели,
 И гнулась небесная кровля подъ нимъ.
 Ты видишь,—преданье смѣняетъ преданье,
 Въѣзъ новый питается въкомъ былымъ;
 Распутай же хитрый ихъ гордіевъ узелъ! 29)

Межь тѣмъ въ отдаленныхъ какихъ-то горахъ
 Вставали какія-то грозныя тѣни;
 Онѣ приближались,—однѣ на коняхъ,
 Другія же пѣши....

Проѣхалъ удалый юнакъ Марво Кралевичъ,
 Проѣхалъ нашъ русскій Илья богатырь,
 Проѣхалъ Венцелій съ богатырями чешскими,
 Проѣхалъ Сватополеъ изъ Моравіи,
 Проѣхалъ Стенька Разинъ съ Жегулевскихъ горъ,
 Проѣхали многіе богатыри древніе,
 Ни мнѣ, ни Ставрѣ богатыри неизвѣстные....

«А это—тѣ самыя богатыри,
 Что въ разныхъ мѣстахъ спятъ славянскаго мѣра,
 И только проснутся при свѣтѣ заріи
 Дней новыхъ вселенной! сказалъ мнѣ Годиновичъ.
 Ты видишь, насъ вѣщая Вана ведетъ
 Часть II.

Тѣмъ старымъ путемъ, что сложился въ народѣ.
 Къ несчастію, нашъ еще темный народъ
 Надѣется этимъ путемъ выдти къ свѣту.
 Путь этотъ глухой онъ себѣ проложилъ
 Въ бесплодной борьбѣ еще древле съ богами,—
 Тутъ есть отпечатокъ языческихъ силъ,
 Тутъ есть и вліяніе дней христіанства.
 Сектаторы наши избрали его
 Для темныхъ, бесплодныхъ своихъ лжеученій;
 Но онъ не научить теперь никого, —
 Конецъ его близокъ!>.... 30)

Мы шли все впередъ,
 Опять въ новой мѣстности, мнѣ незнакомой.
 Вокругъ насъ, я слышалъ, шелъ также народъ;
 Гудѣлъ гдѣ-то колоколъ, мѣрно колебля
 Густымъ своимъ звукомъ мракъ ночи глухой.
 Мы шли па его теперь вѣщіе звуки,
 Иль лучше, мы шли вмѣстѣ съ общей толпой,
 Что шла очень спѣшно, какъ видно, туда же;
 А благовѣсть все раздавался слышнѣй.
 Нигдѣ не свѣтало. Вкругъ насъ и предъ нами
 Все явственнѣй слышался говоръ людей;
 По мраку мелькали какія-то тѣни,
 Однѣ пробѣгали впередъ мимо насъ,
 Другія шли сзади; а колоколъ мѣрно
 Гудѣлъ впереди... «Но куда жъ, въ этотъ часъ,
 Онъ насъ призываетъ?.. невольно я думалъ.

Опять раздались въ отдаленіи свистки,
 Послышался будто-бы стукъ паровозовъ,
 Вдали гдѣ-то шли невидимки-полки,
 И глухо гремяли колеса орудій.....
 Мы даже наткнулись на нихъ въ темнотѣ;
 Но эти полки скоро насъ миновали.
 Мелькнули знамена,—однако не тѣ,
 Что мы въ наше время привыкли видѣть,
 Но съ ликами Спаса и разныхъ святыхъ,
 Похожія больше на древніе стяги.

Толпы все росли. Мы ужь шли среди нихъ;
 Повсюду шумѣлъ человѣческій говоръ,
 А колоколъ громче гудѣлъ все вдали.
 • Но вотъ, мы пошли по какимъ-то предмѣстьямъ,
 Какъ будто московскимъ,—иль лучше, не шли,
 Но насъ уносили народныя волны.
 Вкругъ насъ замелькали кресты,
 Дворы, огороды, углы переулковъ,
 Глухія площадки, гнилые мосты...
 На окнахъ горѣли зажженные свѣчи;
 На насъ напирала толпа за толпой;
 Вдали гремѣлъ грохотъ глухой экипажей;
 Но городъ объять былъ глубокою тьмой,—
 Лишь въ небѣ, надъ нами, скоплялися тучи.

Куда жь это шли мы? Чего кто хотѣлъ?
 Куда неслись эти народныя волны?....
 Но вотъ, вдали это-то протяжно запѣлъ,
 И въ мигъ подхватили толпы во весь голосъ:
 «Растворилися седьмыя небеса,
 «Сокатилися златыя колеса,
 «Золотыя, еще огненныя.
 «Надъ пророками пророкъ, сударь, гремитъ,
 «Нашъ батюшка покатываетъ,
 «Утверждаетъ онъ святой Божій законъ».

«Тутъ, кажется, нечего мнѣ, разъяснить?
 Воскликнулъ Годинычъ. Ихъ вѣщяя пѣсня
 Даетъ о себѣ издалека всѣмъ знать.
 Но ты видишь ясно, они ожидаютъ
 Себѣ также свѣта, отъ новыхъ христовъ
 И всякихъ пророковъ. Свѣтъ нуженъ повсюду.
 Его ждуть вездѣ, только каждый изъ насъ
 Его ждетъ по своему. Чудное время!
 И думать, что можно все сдѣлать заразъ!...
 А это вотъ видишь?...»

И поднялъ взоръ къ верху:
 Надъ нами летѣлъ, очень близко къ землѣ,
 Воздушный корабль,—а на немъ вѣялъ парусъ,
 Какъ черно-орлино перо. Въ темной мглѣ

Чудесный корабль имѣлъ видъ привидѣнья;
 На немъ и стояли одни мертвецы.
 Потомъ принялъ образъ громовой онъ тучи,
 И скрылся во мракѣ.

«И наши отцы

Сказалъ мнѣ Годиновичъ, имѣли, какъ знаемъ,
 Корабль свой воздушный. Онъ исхони дней
 Отъ нихъ увозилъ грузы предковъ усопшихъ.
 У нашихъ сосѣдей *) — корабль изъ ногтей,
 Ногтей человѣческихъ, долженъ явиться,
 Съ его грузомъ мертвыхъ, въ послѣдніе дни.
 Который изъ двухъ теперь проплылъ надъ нами?—
 Не знаю; но явно, что оба они
 Имѣютъ въ преданьяхъ одно назначенье.
 И этотъ корабль, можетъ статья, несетъ
 Своихъ мертвецовъ на послѣднюю битву.
 Вѣдь вѣрилъ же древле славянскій народъ,
 Что мертвыя души его, вѣдогоня,
 Сбирались сражаться съ врагами страны
 И съ личными ихъ родовыми врагами....
 Но мы скоро выйдемъ изъ тьмы старины!
 Смотри, вотъ свѣтаеть».... ³¹).

И точно, казалось,
 Вдали сводъ небесный замѣтно яснѣлъ.
 По немъ обозначились полосы свѣта;
 Онѣ раздвигались, — Востокъ заалѣлъ
 Развѣтомъ весенняго, чуднаго утра.
 Предъ нами, какъ будто изъ нѣдръ золотыхъ
 Воздушнаго моря, сіяя всплывали
 Гряды облаковъ. Небо рдѣло вокругъ нихъ;
 Заря загоралась во всемъ ея блескѣ....
 Но вокругъ насъ стояла все прежняя мгла,
 Неслись грозовыя, багровыя тучи;
 Какъ будто, ревниво еще стерегла
 Угрюмая Ночь свое ветхое царство....
 Кой-гдѣ засіяли кресты на церквахъ;

*) У скандинавовъ, по ихъ мифологіи. Смолр: прим. 31

Мѣстами означились села, деревни;
 Блеснули суда на широкихъ рѣвахъ,
 Зеленые доли, цвѣтуція нивы;
 За ними открылась широкая даль,—
 Пахнуло на насъ благодатнымъ привольемъ;
 Казалось, въ мѣстахъ тѣхъ безвѣстна печаль,
 А жить должны только счастливые люди....

«Теперь, вотъ нашъ путь,—туда,—прямо на свѣтъ!
 Сказала намъ Вана. Прямой путь, открытый!....
 Не надобно новый прокладывать слѣдъ;
 Божественный свѣтъ самъ идетъ намъ навстрѣчу.
 Казалось бы, какъ намъ туда не дойти;
 Но много враговъ и напрасныхъ блужданій
 Насъ ждетъ и на этомъ открытомъ пути.
 Миръ прежній нескоро уступитъ дорогу
 Народному свѣту!»..

Межъ тѣмъ, мы все шли.

Она впереди шла; а мы шли за нею.
 Но свѣтъ и блескъ дальней зари не могли
 Разсѣять надъ нами висѣвшаго мрака.
 По мѣрѣ того, какъ свѣтало вдали,—
 Глубокой туманъ, облака, мгла ночная,
 Лѣса и дубравы, и выси земли,
 Вкругъ насъ принимали видъ темныхъ чудовищъ.
 Воздушное море, земля, небеса,
 Наполнились стаяй волковъ, волкодлавовъ;
 Намъ слышался сверху ихъ ревъ, голоса,
 Какъ вѣтеръ, гудѣвшіе прямо надъ нами....

«Вы видите, вотъ онъ восходитъ, царь дня!
 Ему имя Солнце; онъ свѣтъ просвѣщенья,—
 Сказала намъ Вана. Не рѣки огня,
 Не мечъ, онъ несетъ намъ,—но миръ благодатный.
 Спокойно и мирно идутъ къ намъ они,
 Благіе предвѣстники свѣтлаго утра,
 И мирно несутъ намъ великіе дни,
 Для всѣхъ наступившаго насъ, возрожденья.
 Но чудища эти хотятъ поглотить
 Восходящее солнце: имъ страшень свѣтъ Божій;

Они не хотят никому уступить
 Владычества ихъ на землѣ, еще темной.
 Но такъ всегда было! Не разъ, проблеснутъ
 Лучи благотворные краснаго солнца;
 Какъ чудища эти его ужъ грызутъ
 И кровью его обагряютъ и небо,
 И темную землю. Но конченъ ихъ пиръ!
 Возстанутъ живой мѣръ и мертвый, — и люди
 Познанья, и мертвый народный нашъ мѣръ;
 Падутъ устарѣлыя, тусклыя звѣзды,
 Растаетъ рать этихъ чудовищъ ночныхъ
 Отъ дивнаго свѣта, и ясное солнце
 Взойдетъ надъ вселенной!»...

Какъ бы въ подтвержденье своихъ вѣщихъ словъ,
 Она указала намъ снова на небо:
 На мѣсто, сіявшихъ сейчасъ, облаковъ
 И свѣтлой зари наступавшаго утра,
 Тамъ сонмы неслись лучезарныхъ духовъ, —
 И свѣтъ исходилъ отъ ихъ чуднаго блеска.
 Онъ гналъ духовъ мрака.

Но воинство ихъ,
 Замѣтно росло, — и опять заслонило .
 Блеснувшій свѣтъ утра. Изъ тучъ грозовыхъ
 Вдали раздались громовые раскаты,
 Настали вновь сумерки. Трепетъ глухой
 Объялъ всю природу. Во тьмѣ раздавался
 Вой дивныхъ звѣрей... Тьма густѣла. Близъ насъ
 Какое-то смутное было движенье.
 Мы Вану совсѣмъ потеряли изъ глазъ;
 Сгустившійся сумракъ закрылъ ея образъ.

Мы двигались въ Ставромъ однако впередъ;
 Но чудное зрѣлище насъ приковало
 На мѣстѣ. Чудовищный волеъ Самоглотъ,
 Разинувши зѣвъ на всходящее солнце,
 Уперъ одну челюсть въ небесный онъ сводъ,
 Другую спустилъ въ преисподнія бездны,
 Какъ будто хотѣлъ поглотить бога дня...
 Въ тожъ самое время, во мглѣ отдаленья,

Сверкнули на насъ, какъ два ярнхъ огня,
 Глазица крошешнаго, страшнаго змїа.
 Изъ пасти его, какъ изъ бездны глухой,
 Глубилось волнами выпящее пламя;
 Оно несло огненной, красной рѣвой, —
 И жгло, и палило, и небо, и землю. ³²).

Земля, вода, воздухъ, все было въ огнѣ.
 Какъ листья сухія посыпались звѣзды....
 Мы какъ-то держались еще въ сторонѣ.
 Ставрѣ что-то кричалъ мнѣ, —но я едва слышалъ.
 Повсюду виѣла крушенья рѣва,
 Толпами бѣжали и звѣри, и люди,
 Какъ будто незримая чья-то рука
 Сметала съ земли ихъ... Земля уходила
 У насъ подъ ногами.... Во слѣдъ за огнемъ,
 Неслись горы волнъ разъяреннаго моря.
 Багровый туманъ висѣлъ въ мракѣ сѣдомъ;
 Огонь всекрушающій сражался съ водами...

.

Мы вновь очутились въ Москвѣ, предъ Кремлемъ;
 Народныя волны внесли насъ на площадь...

Весь Кремль освѣщенъ былъ и густо покрытъ
 Безсчетной толпою. Дворцы и соборы,
 Вся площадь, имѣли совсѣмъ другой видъ;
 А Кремль мнѣ казался такъ чудно-обширнымъ,
 Что я не могъ видѣть предѣловъ его.
 Всѣ зданья и стѣпы его подымались
 Въ огромныхъ размѣрахъ; но больше всего
 Меня поразило величіе храмовъ,
 Главой достигавшихъ почти облаковъ.
 Вокругъ насъ все было покрыто народомъ;
 Мы видѣли съ Ставромъ лишь море головъ,—
 А воловожь громко гудѣлъ въ поднебесья.

На свѣтомъ, большомъ возвышеннѣ,
 Сидѣлъ это-то въ бѣлой, широкой одеждѣ.
 Главой достигалъ онъ, казалось, до неба,

Но вдругъ него было все съ нимъ соразмѣрно;
 Кремлевскія, бѣло-зубчатыя стѣны
 Раздвинулись также, и были чуть видны.
 На красныхъ ступеняхъ того возвышенья
 Стояли какіе-то странные люди, —
 Одни строго-постные, въ длинныхъ одеждахъ,

.....
 Но не было тутъ ни таинственной Ваны,
 Ни нашихъ гостей, ни богатырей древнихъ,
 Ни даже Микулы....

«Свершается праведный судъ надъ землей!
 Сказалъ кто-то возлѣ меня. Дождалися!
 Господь умилился надъ нашею тьмой, —
 Даетъ намъ свѣтъ новый!...»

Но что тамъ свершалось, мнѣ было не видно.
 Я слышала лишь грохотъ и трескъ надъ собой.
 Все небо горѣло. Въ воздушныхъ пространствахъ
 Шла страшная битва межъ свѣтомъ и тьмой.
 Невѣдомый богъ или небесный архангелъ
 Сражался съ ужаснымъ дракономъ; другой,
 Въ золотой колесницѣ, громилъ чудищъ мрака
 И страшнаго волка. Сонмъ свѣтлыхъ духовъ
 Гналъ рать темныхъ силъ....

Черезъ глухія отверстія
 Разсѣвшихся стѣнъ, черезъ море головъ,
 Взглянулъ я еще на окрестность и городъ.
 И тамъ все горѣло... Свистъ бури и ревъ
 Слились въ глухой гулъ, вмѣстѣ съ крикомъ народнымъ....

Но мѣстами были видны
 Сонмы бѣдные людей;
 Жизнь не кончила безстыдной,
 Дикой оргіи своей.
 Кто въ тоскѣ ломаетъ руки,
 На себѣ рветъ волоса,
 Кто невнятные лишь звуки
 Щелчетъ, глядя въ небеса.

Кто въ бреду иль въ омыяньи,
 Въ помощь смерть себѣ зоветъ,
 Кто въ слѣпомъ остервенѣнн
 Небо грозное клянеть....

Тамъ шумъ пляски, дикій топоть,
 Жалскій визгъ, вчерашній пиръ,
 Иль отчаянія ропоть,
 За себя, за прежній міръ.
 Здѣсь страстей, всѣхъ ливованье,
 Вопли жертвъ, крикъ палачей,
 И грабежъ, и злодѣянья,
 Плачь дѣтей и матерей....

Въ храмахъ мерзость запустѣнья,
 Лики скрылися святыхъ,
 Вмѣсто прежняго служенья
 Тамъ пріютъ духовъ ночныхъ...

Ставрѣ снова кричалъ мнѣ, но я не слыхалъ.
 Я видѣлъ одно лишь,—каляція волны
 Горящей рѣки шли на насъ. Кремль стоналъ
 Подъ ихъ всекрушающимъ напоромъ. Ихъ пламя
 Сверкало на площади, сквозъ трещинамъ стѣнъ;
 Насъ жгло и палило удушливимъ вихремъ;
 Подъ нами былъ пепелъ ночи до колѣнъ;
 Вокругъ насъ ревла ужасная буря;
 И храмы, и зданья,—все было въ огнѣ;
 Въ ихъ окна сквозило багровое небо,
 Ихъ главы сверкали. Я былъ какъ во снѣ...

Все крушилось передъ нами.

Стаи птицъ, то здѣсь, то тамъ,
 Какъ съ подбитыми крылами,
 Прямо падали къ ногамъ.
 Звѣри, ящеры и гады,
 Выходцы подземныхъ норъ,
 Задыхаясь отъ жажды,
 Изъ дѣсовъ ползли и горъ,
 И бродили, какъ шальные,
 По трепещущимъ толпамъ,

Змѣи вились, какъ ручныя,
Вверхъ по платью и ногамъ....

.
.

Тутъ огненный вихрь пролетѣлъ предо мною;
Я больше не помню, что было потомъ...
Мы съ Ставромъ очнулись въ обширномъ пространствѣ;
Вдругъ насъ неслись тучи, гремѣлъ страшно громъ,
Шумѣли потоки весенняго ливня,
Блескъ молніи яркой слѣпилъ мнѣ глаза;
Мы были все въ томъ же глубокомъ туманѣ, —
Воздушное море, земля, небеса,
Сливались въ одну безпредѣльную бездну.

Мнѣ слышались чьи-то во мглѣ голоса;
Вдали будто шла исполинская битва
Стихійныхъ титановъ... Раскаты громовъ,
Звукъ трубъ, потрясали взволнованный воздухъ;
Изъ мглмъ отдаленья, въ грядяхъ облаковъ,
Опять показался корабль съ мертвецами,
Бросая тѣнь черныхъ своихъ парусовъ
На волны тумана...

Изъ земли, изъ мрачной сѣни
Нѣдръ подземныхъ, изъ гробовъ,
Подымались, какъ тѣни,
Сомны также мертвецовъ.
Растворились врата бездны,
Выходъ Геллы, мрачный адъ;
Вѣкъ чугунный, вѣкъ желѣзный,
Смерть, темницы и булатъ,
Миръ минувшаго, миръ мертвый,
Воздухъ, суша, глубь морей,
Отдавали назадъ жертвы,
Прахъ исчезнувшихъ людей...

Я не зналъ, гдѣ мы, что съ нами, —
Въ мирѣ грезъ иль на землѣ;
Все вокругъ насъ и мы сами
Утопали въ темной мглѣ;

Мравъ глухой былъ полонъ кижковъ,
 Чудныхъ образовъ живыхъ,—
 То блестящихъ, свѣтлыхъ ликовъ,
 То видѣній гробовыхъ.

Прежній свѣтъ былъ въ разрушенъи,
 Смерть кончала страшный пиръ;
 Всѣ стихіи, въ опьянѣнны,
 Провожали павшій міръ
 Дикимъ воємъ урагана;
 А горящею рѣкой
 И волнами океана,
 И врывающеюся мглой,
 Мимо насъ несло обломки
 Міра павшаго,—царей,
 Какъ ихъ помнили потомки,
 И безчисленныхъ людей...

Мравъ рѣдѣлъ. Кой-гдѣ мѣстами
 Прояснялся міръ земной;
 У меня передъ глазами
 Міръ былъ мертвый и живой...
 Жизнь минувшая кончалась;
 Міръ невѣдомый вставалъ,
 Жизнь другая начиналась;
 Но какая,—я не зналъ!...

«Смотри! Вотъ отнынѣ учителя наши!
 Сказалъ мнѣ Годиновичъ. Мы вышли съ тобой
 Изъ мертваго міра теперь въ настоящій,—
 Въ міръ жизни и свѣта. Вотъ міръ весь былой
 И міръ современный! Тутъ нить всѣхъ событій,
 Тутъ весь кругъ развитія жизни земной,
 До нашихъ временъ,—пантеонъ, свѣтъ всемірный!
 Вотъ наши учителя! Только чрезъ нихъ
 Мы можемъ избрать для себя направленье,
 Избѣгнуть паденій и золь роковыхъ,
 И сдѣлаться лучшими, чѣмъ они были!...
 Ихъ надобно было для насъ воскресить,
 Чтобъ образы ихъ прошли снова предъ нами.

Господь разсудил ихъ. Мы будемъ судить
Лишь то, что ко благу минувшихъ народовъ
Они совершили!»...

Но я сперва не понималъ,
И кто, и что мнѣ говорили....
Я весь былъ зрѣнье,—я не спалъ,
Но мысль и умъ во мнѣ бродили,
Какъ въ обаяннн смутномъ сна.
Предъ нами волны уносили
Народы, царства, племена....
А подъ нами выплывала,
Гласу Божьему внимля,
Зеленѣла и сіяла
Будто новая земля...

ПѢСНЬ 10-я.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗСКАЗА ВАЖЫ.

„Исполни же бяху на земли
во дни оны...Тѣ бяху исполни,
иже отъ вѣка, челоѣцы име-
нитѣ“.

(Бытія, глав: 6, ст: 4, 5, 6).

Видите, народы отжившей земли!
Несите прочь образы ваши отсюда!
Но прежде откройте намъ тайны свои,—
Что вы совершили для божьей вселенной!...
Скажите, властители, боги, цари,—
Чѣмъ ваша держалась могучая сила?
А вы,—вы, герои и богатыри,—
Чѣмъ вы заслужили всемірную славу?...
Кто міръ погрузилъ въ долговѣчную мглу?
Кто ввергнулъ народы свободные въ рабство?
Кто гналъ отъ нихъ свѣтъ, кто потворствовалъ злу?
Кто именемъ правды въ нихъ сѣялъ неправду,—
Во имя благъ міра, косилъ ихъ мечемъ?...
«Настальтвой конецъ, о міръ ветхій, міръ прежній!
Разрушенъ до тла ты небеснымъ огнемъ,
Омытъ ты, какъ дѣва, въ волнахъ океана,
И скрылся во мракѣ отъ насъ гробовомъ.
Мы идемъ и встрѣчаемъ теперь людей новыхъ!...»

Такъ Старръ предо мной громогласно кричалъ,
 Какъ древній титанъ иль туманный духъ бури,
 Изъ мглы этой ночи....

~~«О еслибы мнѣ прежде звать,
 Что въ жизни каждаго народа
 Свобода—свѣтъ, а свѣтъ—свобода;
 Давно оъ високо мнѣ стоялъ!
 Но мнѣ нашъ чтить всегда Ваала...
 Онъ продолжалъ. И свѣтъ насъ ждеть
 Пока—лишь въ видѣ идеала...
 Пускай! И это шагъ впередъ!
 Но современные народы
 Давно провидѣли вдали,
 Что благо каждой ихъ земли
 И цѣль главнѣйшая свободы,—
 Во многомъ сходны межъ собой,
 Что всѣ они семьи одной.»~~

AB!

~~«Давно кумиромъ сталъ народнымъ—
 Не фанатизмъ, не блескъ побѣды,
 Но человекъ съ умомъ свободнымъ,
 И просвѣщенъ дивный свѣтъ.
 Давно, и братство, и равенство,
 Понятны намъ—какъ идеалъ—
 Какъ высшій образъ совершенства,
 Что свѣтъ Христова намъ указалъ.
 Въ немъ, приближаясь, исполняемъ
 Мы только христіанскій долгъ;
 Мы это чувствуемъ, мы знаемъ;
 Но древній мнѣ—онъ звать не могъ!»~~

«Язычество, что постигало
 Лишь грубой силы красоту,—
 Не понимало высоту
 Того святаго идеала.
 Тамъ мнѣ тирановъ и рабовъ,
 Но не было еще народа;
 Тамъ высшая была свобода—
 Лишь въ облегченъ отъ оковъ.
 Тамъ, всякая страна—погибъше

Боговъ безсмертныхъ и царей.
 Въ тотъ вѣкъ, свобода—верхъ нечестья!
 Юпитерь иль Вааль—скорѣй
 Простили бѣ смертымъ преступленье,
 Чѣмъ духа вольнаго движенье;
 И благородный Прометей
 Слылъ самымъ грѣшнымъ изъ людей!

«Миръ древній многихъ поражаетъ
 Величьемъ дерзостнымъ своимъ;
 Но высшій умъ оны возмущаетъ
 Своимъ терпѣннѣмъ слѣпымъ.»

Чѣмъ власть земная или сила
 Внушаютъ зависть или страхъ,
 Богатство, роскошь — все тамъ было;
 Но было все въ однихъ рукахъ —
 Въ рукахъ властей, но не народа.
 Гдѣ жь спитъ народъ, гдѣ нѣтъ его,
 Гдѣ признается лишь порога.

Что могъ онъ сдѣлать? — Ничего!

«Порога все была! Ей слава,
 Ей поприще блестящихъ дѣлъ,
 Ей власти безграничной право,
 Ей лучший въ жизни сей удѣлъ
 И въ жизни будущей награда...»

Тамъ ждалъ Элизій — не народъ,
 Но только знатныхъ сильный родъ;
 Лишь имъ — небесъ была отрада...

Чтожь оставалось для рабовъ,
 Кѣмъ былъ весь миръ безъ исключенья?...
 Боговъ безсмертныхъ заступленье, —

И тѣ въ рукахъ были жрецовъ.

«Свѣтъ жилъ лишь въ храмахъ. Мысль дремала, —

И мудрость, хоть была въ цѣнѣ,

Но приносила пользы мало

Голодной, скованной страхъ;

И мудрость даже, услаждала

Досугъ лишь избранныхъ мужей

Иль прихоть праздную тирановъ.

Все было въ власти великановъ,—
 Древнѣйшихъ сихъ лютыхъ людей!
 И если тошій духъ свободы,
 Сей прирожденный даръ природы,
 Гдѣ могъ, въ теченіи времени,
 Кой-какъ прорваться изъ оцетовъ,—
 Тотчасъ же требоваль и онъ,
 Для услуженія— илотовъ...
 Такъ человека идеаль
 Еще ничтоженъ былъ и малъ!
 Весь міръ, какъ временное зданье,
 Еще былъ строенъ на пескѣ,
 И безъ хозяина. Приванье
 Народовъ крелося въ рукѣ
 Еще невѣдомаго Бога;
 И въ этой страшной темнотѣ,
 О нихъ заботились немного,—
 Какъ о домашнемъ мы скотѣ.

Гдѣ тутъ свободѣ зародиться,
 Гдѣ просвѣщенью водвориться?
 Какихъ тамъ идеаловъ ждать,
 Гдѣ сила вся— слѣпая рать,
 Сей образъ буйства и крушенья;
 Гдѣ боги высшіе страны—
 Лишь духи ярые войны
 Иль духи зла и разрушенья?
 Какой возвышенный кумиръ
 Себѣ создасть подобный міръ?..
 «Развитья нѣтъ, безъ средствъ народныхъ!
 Чья власть, изъ самыхъ благородныхъ,
 Въ страну духъ нравственный внесетъ
 Или благое просвѣщенье,
 Гдѣ не участвуетъ народъ,—
 Сей зодчій царствы и нѣтъ привилегій...
 Затѣмъ, тотъ міръ и начерталъ
 Самъ на себѣ: «міръ разрушенья».
 И этотъ міръ безславно падъ, —

И палъ на вѣки. И потомки,
 Сбравъ потомъ его обломки,
 Изъ нихъ построить не могли
 Могучей ни одной земли;
 Тогда какъ рядомъ духъ свободный,
 Духъ рьяный доблести народной,
 Всемирный этотъ великанъ,
 Воздвигъ рядъ цѣлый славныхъ странъ,—
 И благородный его геній
 Имъ далъ безсмертія вѣнецъ...
 И кто знать можетъ,—гдѣ конецъ
 Его успѣховъ и стремленій;
 Чѣмъ завершить онъ свой чертогъ,
 Что обнимаетъ кругъ вселенной?
 Вождь исполиновъ—одинъ Богъ,
 Да сила воли неизмѣнной!

«Смотри, вотъ онъ,—вотъ весь Востокъ!»...
 Воскликнулъ Ставръ. И предо мною
 Народный выступилъ потокъ,
 И потянулся къ намъ змѣею.
 «Когда бъ ты это увидать?..

Годичичъ съ жаромъ продолжалъ.
 Смотри! Тіары, багряницы,
 Чапмы сатраповъ, колесницы,
 Одежды бѣлыя жрецовъ,
 Кумиры жѣдныя боговъ,
 Въ вольчугахъ конники съ стрѣлами,
 Пѣхота съ длинными щитами,
 А на разубранныхъ слонахъ—
 Рабыни въ бѣлыхъ пеленахъ.

«Вотъ онъ, Ассуръ и Ниневія,
 Когда-то славный Вавилонъ,
 Богатый Тиръ и градъ Сидонъ,
 И Мидяне, и Финивія!...
 Потомки Сима,—гордый родъ
 Стрѣлы пернатой и волчана...
 Здѣсь что ни городъ, то народъ,

И города всѣ—въ видѣ стана;
 Здѣсь грань пустынная равнинъ
 И первобытнаго Эдема;
 Здѣсь каждый царь,—иль исполинъ,
 Иль рабъ извѣщенный гарема.

«Взгляни, какіе здѣсь труды
 Порабощеннаго народа,—
 Дворцы, всячіе сады,
 Колоссы мѣдныя у входа;
 Градскія стѣны,—межь зубцовъ
 Гдѣ могъ развѣхаться свободно
 Рядъ колесницъ, а сонмъ жрецовъ—
 Свершать молитвы всенародно;
 Подъ облаками алтари;
 Дворцамъ подобныя, гробницы,
 Гдѣ почивали ихъ цари
 И ихъ безсмертныя царицы;
 Изъ кипариса корабли,
 Съ затѣями чертоговъ царскихъ,
 Подъ мачтами съ вершинъ Ливанскихъ,
 Летавшіе на край земли.

«Здѣсь дышетъ царскимъ все величьемъ,
 Отъ властелина до кушца;
 Все строгимъ держится приличьемъ,
 Отъ царской туфли до вѣнца.
 Здѣсь каждый князь есть образъ бога;
 Земля въ нихъ чтитъ Вааловъ родъ;
 Духъ смерти, прямо изъ чертога,
 Несетъ ихъ въ небо... А народъ?
 Народъ—міръ мрака и терзанья,
 Клубокъ червей, толпа рабовъ;
 Народъ идетъ—на содержанье
 Наложницъ, евнуховъ, жрецовъ.....
 Здѣсь, въ нашемъ смыслѣ,—нѣтъ народа;
 Какъ нѣтъ и личности людей.
 Здѣсь личность—высшая порода,
 И дикій произволъ властей.

«За то и царства здѣсь непрочны:
 Пять шесть столѣтій—вѣкъ ихъ срочный.
 Имъ основанье не Земля;
 Одинъ набѣгъ иль натискъ бранный,
 Одинъ походъ,—и вождь вѣнчанный
 Береть и воды, и поля,
 Съ ихъ населеніемъ въ придачу;
 Отниметь гнѣвный рокъ удачу,—
 И въ запустѣніи страна.
 Но имъ не нужно селянина;
 Для нихъ нужна одна дружина;
 Ихъ сила—скипетръ и война!

«Здѣсь всѣ—и жадны, и продажны,
 И до безумія отважны;
 Тутъ нѣтъ ни одного раба,
 Что чтить отца бы въ властелинѣ;
 Здѣсь знаетъ каждый, что судьба
 Его виситъ на паутинѣ;
 Здѣсь все дозволено,—и ядь,
 И любодѣйство, и измѣны;
 Здѣсь нужны василиска взглядъ
 И лесть коварная сирены.

«Коварство—добродѣтель ихъ;
 Ихъ божества,—и тѣ двуличны;
 Въ нихъ чтились свойства силъ земныхъ,
 Но помы ихъ едва различны.
 Имъ въ честь, жрецы ихъ и цари
 Являлись въ женскомъ одѣяньи,
 И Солнце, въ праздничномъ сіяньи,
 Считалось дѣвой; алтари
 Святой богини Астараты
 Ломились отъ монетъ златыхъ,
 Въ даръ отъ прелестницъ городскихъ,—
 И многіе жрецы—кастраты.

«Не здѣсь ли, скажешь ты, позднѣй
 Предсталъ однако изъ народа,—
 Изъ Симова того же рода,
 Законодатель Моисей?

Не здѣсь ли богъ жилъ Магомета,
 И разлилось то море свѣта,
 Предъ вѣмъ палъ нравственный хаосъ,—
 Спаситель, Иисусъ Христосъ?...
 Но это были исключенья!....
 Опречь Христа, его ученья,
 Одинъ лишь развѣ Магометъ
 Оставилъ здѣсь широкій слѣдъ,
 И то, давъ знамя ополченъя.

«Родъ Сима, отъ начала дней,
 Слѣпымъ ревнителемъ слылъ вѣры.
 Ваалу эти лицемѣры
 Приносятъ въ жертву ихъ дѣтей;
 Среди нихъ всегда кишатъ пророки,—
 Гремятъ противъ властей страны
 И обличаютъ ихъ пороки;
 А сами местию полны
 Ко всѣмъ, кто сталъ имъ на дорогу.
 Жрецамъ кровь ближняго—вода;
 Они повсюду бьютъ тревогу,
 И вырѣзаютъ города,
 Гдѣ молятся иному богу;
 Имъ нѣтъ святаго ничего,
 Опречь родимаго кумира,
 И ихъ мечта,—всѣ страны міра
 Заклатъ предъ образомъ его.

«Аріецъ Персъ,—тотъ отначала,
 Въ вселенной видѣлъ два начала;
 Его Ормуздъ и Ариманъ,—
 Созданье мысли больше строгой.
 Его край юный, какъ титанъ,
 Исполненъ нравственной тревогой
 Среди борьбы добра и зла;
 Съ его очей спадаетъ мгла,
 Онъ ищетъ чистоты духовной.....
 Но скоро Митра,—свѣтъ верховный,
 Заноситъ и сюда развратъ,

И увлекаетъ край назадъ.
 А подъ конецъ,—съ ступеней трона,
 И съ женственныхъ его царей,
 До гнусныхъ евнуховъ-вождей,
 Ужь вѣсть духомъ Вавилона;
 Чума растлѣнья, какъ потовъ,
 Мертвить и топить весь Востокъ,
 Отъ царской рати до гарема.....
 И образъ гордаго Рустема
 Тамъ остается одинокъ.

«Смотри, вотъ мрачный образъ Нина,
 Камбиза; вотъ тотъ великанъ,
 Немродъ, ловець царей и странъ;
 Вотъ образъ Кира-исполина,
 Что видвинулъ на видъ Эсхиль,
 И возвеличилъ умъ Платона.....
 Какая бездна дивихъ силъ!
 Какая роскошь вокругъ трона!
 Но посмотри имъ ближе въ лѣтъ;
 Чѣмъ каждый былъ изъ нихъ великъ?
 Какихъ межъ нихъ искать отличій?
 Они рвались лишь за добычей,
 Кумиръ ихъ всѣхъ—была война.
 Равно прошли ни въ чемъ ихъ годы,
 Равно ихъ проявляли народы;
 Забвенье—лучшая цѣна
 Всей ихъ кровавой, дикой славы....
 Такъ сходны межъ собой они,
 Что даже странно въ наши дни,—
 И также сходны ихъ державы;
 Вся развѣ разница межъ нихъ,
 Одинъ силенъ, другой сильнѣе;
 Тотъ гнусенъ, а другой гнуснѣе
 Ихъ всѣхъ, предмѣстниковъ своихъ.

«Но это мѣръ еще движенья,
 Живой мѣръ славы и побѣдъ;
 Здѣсь только духъ порабощенья,

Но полного застоя нѣтъ.
 А вотъ еще народъ предъ нами,
 Гдѣ рабство умертвило край....
 Вотъ неподвижный тотъ Китай,
 Край замкнутый между горами,
 Что нѣ участвовалъ ни въ чемъ
 Между другими племенами!
 Здѣсь, точно, мѣръ иной во всемъ,—
 Слѣпое патріарховъ царство,
 Гдѣ всѣ между собой родня.
 И эта страшная семья—
 Совсѣмъ убила государство!
 Здѣсь самый кропотливый трудъ;
 Что принято отцами было,
 То такъ на вѣки и застыло.
 Народы движатся, растутъ;
 Но здѣсь народъ остановился
 На дѣтскомъ возрастѣ своемъ;
 Его герой такъ и родился,—
 Сѣдымъ младенцемъ-старикомъ.
 Здѣсь мѣста нѣтъ развитію свѣта,
 Ни шагу новому впередъ;
 Весь край въ цѣпляхъ авторитета,
 И главный автоматъ—народъ,
 «А вотъ, другой Китай, близъ Нила,—
 Египетъ, царство пирамидъ,
 Что древность только лишь родила,
 И тутъ же погребла въ гранить.
 Вотъ край, что поглотила каста;
 Гдѣ даже царь ничто,—и часто
 Бойтся самъ жреца. Здѣсь жрецъ
 Повергъ страну въ окаменѣнье,
 И только чуждое движенье
 Его разбило, наконецъ.
 Здѣсь смерти мѣръ и усыпленья,
 Страна печальная гробницъ,
 Царей ничтожныхъ и царицъ;
 Здѣсь, самой жизни превосходство

Утратило свой смысл живой;
 Здѣсь, длинный бичъ—символь господства,
 А Ахеронъ ихъ богъ земной.
 Здѣсь чтилась, какъ символъ народный,
 Трудолюбивая пчела;
 Но этотъ образъ благородный
 Лишенъ значенія, гдѣ мгла
 Иль гдѣ народъ, какъ скотъ домашній,
 Позабываетъ день вчерашній,—
 И нынѣ, и всю жизнь потомъ,
 Бряхтять подъ тѣмъ же все ярмомъ.
 Затѣмъ, и край не сдѣлалъ шага;
 Поворность здѣсь была вумирь,
 А смерть—желаемое благо....
 Таковъ почти весь древній міръ!
 «Вотъ посмотри,—вотъ Индостана
 Подходить первобытный родъ!
 Здѣсь, изъ воинственнаго стана,
 Край образуется въ народъ;
 Вожди свободнаго народа
 Становятся въ главѣ племенъ,
 И расселяются.... Со всѣхъ сторонъ—
 Великолѣпная природа;
 Краса, величіе страны,
 Ихъ погружаютъ въ созерцанье;
 Все возбуждаетъ ихъ вниманье;
 Въ нихъ зрѣетъ мысль; они полны
 Ея святаго обаянья;
 Сонмъ ихъ народныхъ мудрецовъ
 Смѣшался съ кастою жрецовъ,
 И ищеть свѣта и познанья....
 «Но жрецъ лишь устранилъ народъ
 Отъ права дѣйствовать и мыслить,
 Лишь онъ успѣлъ надъ нимъ возвысить
 Свой жреческій, священный родъ,—
 Тотчасъ же кончилось наитѣ
 Живящей мысли по странѣ;
 Остановилося развитіе,

Все отупѣло въ смутномъ снѣ.
 То правда, ясенъ міровая
 Нигдѣ еще, по всей землѣ,
 Нигдѣ въ Яфетовой семьѣ,
 Такъ не блистала, разцвѣтая,
 И не дала такихъ плодовъ,
 Какъ въ исполинскомъ томъ народѣ,—
 Народѣ, выросшемъ въ свободѣ,
 Но смятомъ силою жрецовъ....
 За то, здѣсь мысль убила тѣло,
 Духъ созерцанья бросилъ дѣло,
 Мечта затмила міръ живой,
 Смерть стала цѣлью, жизнь—мечтой.
 Здѣсь все живутъ тѣ жь исполины,
 За тысячи что жили лѣтъ;
 Здѣсь вся исторія—былины,
 А въ сказкахъ—весь научный свѣтъ;
 И даже подвиги всѣ, цѣли
 Сосредоточились въ одномъ—
 Заклатъ себя въ бездушномъ тѣлѣ,
 И слиться духомъ съ божествомъ...

.
 «И въ этихъ-то странахъ Творецъ
 Посвѣялъ первой жизни сѣмя;
 Но уродились—царь лишь, жрецъ,
 Да евнуховъ лукавыхъ племя.
 Сосудъ для новаго вина
 Сталъ ветхъ,—безплодно поле;
 Минула знойная весна,—
 И солнце не всходило болѣ.
 Но свѣтъ живущъ, онъ гаснетъ тамъ,
 Но свѣтитъ здѣсь—инымъ странамъ,
 Гдѣ міръ стремится въ лучшей долѣ....

«Вотъ посмотри! Еще потокъ
 Несется съ Юга въ намъ народный;
 Но здѣсь, не грязный ужъ Востокъ,
 Здѣсь вѣетъ мыслию свободной;

Во всемъ тутъ—образъ, идеаль!....
 Ставръ съ увлеченьемъ продолжалъ.
 Вотъ онъ,—вотъ тотъ цвѣтокъ пахучій,
 Какой могла дать старина,—
 Край этотъ рьяный и могучій,
 Благословенная страна
 Сократовъ, Кодровъ, Мильтиадовъ,
 Перикловъ и Алкивиадовъ,—
 Эллада!... Что ни человекъ,
 То эпопея, цѣлый вѣкъ!....

«Взгляни, досель какая свѣжесть,
 Какая сила, красота,
 Какая грація и прелесть,—
 Что это?—Сонъ или мечта?....
 Давно ли это,—не вчера ли
 Здѣсь нимфы, граціи плясали?....
 Вонъ тамъ,—среди миртовыхъ лѣсовъ,
 Жилъ лучезарный сонъ боговъ,
 Бродили Фавны и Сатиры,
 Сіяли дивные кумиры,
 Что рѣзалъ Фидій, Пракситель.....
 А тамъ,—не влажная ль постель
 Какой нибудь нагой наяды,
 Что въ лѣтній зной, ища прохлады,
 Плескалась въ темномъ тростникѣ,
 Лобзавшемъ грудь ей и колѣна,
 И слыша пьянаго Силена,
 Срывалась въ илистой рѣкѣ?..

«Давно ль здѣсь портики кипѣли
 Народной шумною толпой,
 И ихъ ораторы гремѣли
 Передъ восторженной страной?
 Давно ль еще, Пирейъ широкій
 Сряжалъ поспѣшно корабли
 Противъ Сициліи далекой
 Или Дидониной земли;
 Тогда какъ злачныя долины,
 Лавровыхъ рощей мракъ густой,

Кни́жи праздничной толпой
 Процессій, въ честь благой Афины;
 А въ пристани,—корабль святой
 Съ нарядно-пестрыми толпами
 Дѣвицъ и юношей младыхъ
 Отчаливалъ еще съ дарами
 Ея теорій годовыхъ,—
 И несъ ихъ къ празднествамъ Дельфійскимъ,
 Къ святымъ равнинамъ Олимпійскимъ,
 Или въ Темпейскій Зевсовъ храмъ,
 Къ Делосскимъ славнымъ берегамъ?....
 «А вотъ Трофонія пещера,
 Гдѣ тѣни съ Стиксовыхъ береговъ
 Вѣщали людямъ судъ боговъ,
 И изгоняли лицемѣра,
 Что съ неповорною душой
 Посмѣлъ спуститься бы въ ихъ бездны!..
 Иль вотъ, треножнѣе этотъ мѣднѣй,
 Гдѣ пифія, сей гласъ живой
 Тутъ предстоявшаго же бога,
 Рѣшала разумъ и надолго,
 Возникшій споръ страны родной,
 А часто и судьбы вселенной,—
 Тѣ Дельфы,—складъ тотъ драгоценный
 Народной славы и даровъ
 Всѣхъ странъ, народовъ и боговъ,
 Гдѣ на святыхъ берегахъ Алфея,
 Любовью къ родинѣ полна
 И жаждой чести пламенѣя,
 Сбиралась нѣкогда страна,
 Чтобъ выставить свое искусство
 Иль силу ловкости своей,
 Въ лицѣ достойнѣйшихъ мужей;
 Гдѣ всѣ въ одно сливались чувство,
 Въ одно дыханье, въ одинъ взоръ,
 Забывши распри и раздоръ;
 Отколь, ликующей толпою,
 Народъ несъ съ гордостью святою,

Во всѣ концы родныхъ племенъ,
 Блескъ новыхъ, доблестныхъ именъ,—
 И въ ихъ лицѣ, подѣ ихъ вѣнками,
 Блескъ новый юной ихъ страны....

Вѣнками этими они
 Не помѣнялись бы съ царями!

«А Академіи сады,
 Подѣ сѣнью гдѣ аллея кудрявыхъ,
 Въ тѣни платановъ величавыхъ,
 Созрѣли лучшіе плоды
 Народной мудрости Эллады,—
 Тѣ звѣзды Эллинской Плеяды,
 Кого коснуться не могла
 Вѣковъ завистливая мгла;
 Гдѣ собирался міръ ученый,
 Внимать Платону,—и порой,
 Красавицъ любопытныхъ рой
 Съ толпой мѣшался восхищенной.

«А Термопилы, Марафонъ!
 А Саламины!.... Мантиней!...
 По истинѣ, все это сонъ!..
 Что тутъ прекраснѣй? Что святѣе?
 Тутъ все сіяетъ красотой,
 На всемъ блескъ, свѣжесть молодая,—
 Заря времянь, весна златая
 Далекой осени земной.

«Край полонъ весь святыхъ призваній;
 Онъ ищетъ славы и познаній.
 Здѣсь возродился человекъ,
 И начинаетъ новый вѣкъ;
 Онъ жаждетъ—скорби и блаженства,
 Все,—возвести въ типъ совершенства;
 Бездѣйствіе его томить;
 Онъ смотритъ, пробуетъ, творить;
 Онъ ловитъ Озириса тайны,
 И гуль преданія случайный,
 И воплощаетъ ихъ въ кумиръ;

Слѣзаетъ на Югъ, на Сѣверъ темный,
 Стремится изучить весь мѣръ,
 Круги планетъ, ходъ неба стройный,
 Съдой Востокъ, загробный свѣтъ....
 Онъ зрѣлый мужъ въ немного лѣтъ;
 Его мысль, разумъ, геній, чувство,
 Въ мигъ входятъ въ образъ имъ родной;
 Онъ по чутью творить искусство,
 И облакаетъ красотой;
 Онъ преисполненъ ея силой;
 Онъ самъ—пластичность, красота;
 Предъ нимъ природа—нагота,
 Что было бъ фальшью въ вѣкъ нашъ хилый;
 Онъ ничего не создаетъ,—
 Онъ изъ природы лишь беретъ
 Одну въ ней истину нагую,
 Даетъ лишь форму ей живую;
 Но что онъ создалъ,—то живетъ
 Самостоятельной красотою,
 И восхищаетъ насъ собою.

«Во всемъ здѣсь чуткость, свѣжесть силъ,
 Что мѣръ давно нашъ схоронилъ!
 Пусть есть и въ насъ періодъ чудный,
 Когда природа, красота,
 Отважный духъ иль подвигъ трудный,
 И даже самая мечта,
 Восторгъ въ насъ возбуждаютъ страстный,
 И въ образъ просятся прекрасный;
 Но тамъ, священный этотъ жаръ,—
 Геройство, творчество, искусство,
 Тамъ это общее всѣмъ чувство,
 Народный, прирожденный даръ.
 Тамъ цѣль край желаетъ славы,
 Она милѣй ему всего,—
 Родъ увлеченія, забавы;
 Въ ней цѣль всей жизни для него.
 Здѣсь каждое людей дѣянье,—
 Побѣды, подвиги, страданье,

Любовь къ отчизнѣ, миръ, война,
 Все отлито душою страстной,
 Пусть каждый зреть сей жаръ прекрасный,
 Пусть славить вся его страна!

«Вотще изъ шумнаго Пирея
 Пѣвецъ природы, Гезіодъ,
 Любимца своего Персея
 Подъ сельскій, мирный кровъ зоветъ;
 Вотще Помона и Церера
 Кошницы раздають даровъ;
 Въ странѣ—къ Афинѣ жарче вѣра;
 Церера—божество рабовъ.
 Деревня, съ мирными полями,
 Афинянамъ былъ мѣръ чужой;
 Имъ нуженъ городъ со стѣнами,
 Движенье, говоръ городской.
 Имъ тѣсенъ мѣръ спокойный, сельскій,
 Невыносимъ трудъ деревенскій,
 Гдѣ мало мѣста для борьбы
 И всякій день, все тѣ жь работы.
 Для этого у нихъ илоты,—
 Домашній скоть сей и рабы.
 Природа—ихъ кумиръ, часть вѣры,
 Родная мать ихъ боговъ;
 Но въ самыхъ таинствахъ Цереры,
 Не ей курился фиміамъ;
 Кумиръ богини сей верховной
 Здѣсь облевался въ смыслъ духовный
 Загробныхъ таинствъ,—и предъ ней,
 Не сельскій пиръ собралъ живущихъ,
 Подъ земледѣльческія кущи,—
 А замогильный пиръ тѣней.

Такъ и въ странѣ этой свободной
 Еще нѣтъ зрѣлости народной!
 Въ ней только граждане пока.
 Создать народъ,—край слишкомъ молодъ;
 Его отчизна—шумный городъ;

Тамъ жизни лишь кипить рѣка;
 Но за стѣнами городскими,
 Свободный грекъ—въ странѣ чужой.
 Эллада, край его святой,
 Считаетъ гражданъ всѣхъ своими;
 Но каждый городъ—врагъ другимъ.
 Тамъ вновь свое,—и духъ, и страсти,
 И каждый городъ жаждетъ власти
 Надъ тѣми, что въ союзѣ съ нимъ.
 Отчизна—мать; но мать безъ права;
 Грекъ умиралъ, ее любя,
 Но для него святѣе слава.
 Гдѣ можно выдвинуть себя
 Или свой городъ безповойный,
 Тамъ горожанинъ безусловно
 Не пожалѣетъ ничего,—
 Ни состоянія, ни жизни,
 Ни даже чтимой столь отчизны,
 Чтوبъ славой озарить его.
 Эллада тяжко умираетъ,
 Насталъ конецъ свободныхъ дней;
 Эпаминондъ же завѣщаетъ
 Роднымъ Фиванцамъ,—но не ей,
 Свои послѣдніе трофеи,—
 При Левктрахъ бой и Мантинеи!...
 «Безъ равноправности въ странѣ,
 Безъ твердой почвы, безъ народа,
 Не уживается свобода.
 И въ свѣтломъ мирѣ, и въ войнѣ,—
 Во всемъ тогда успѣхъ случайный,
 Иль плодъ той силы чрезвычайной,
 Что въ юности своей страна
 Была съ избыткомъ такъ полна.
 Но эта сила молодая
 Жила лишь врознь; въ душѣ у ней
 Таилась зависть родовая
 Ко славѣ собственныхъ людей.
 Она не можетъ вынести взгляда

Мужей тѣхъ, что самъ же чтить;
 Сократъ кончаетъ жизнь отъ яда,
 И благородный Аристидъ
 Скитаться осужденъ въ изгнаньи.
 Она все время въ ожиданьи,
 Иль свѣжихъ лавровъ, или оковъ;
 Ей неизвѣстенъ трудъ свободный, —
 У ней взялъ городъ—духъ народный.
 Борьба племень и городовъ
 Изъ за главенства или власти,
 Бесплодный этотъ вѣчный споръ,
 Гдѣ частныя боролись страсти,—
 Ей стали смертный приговоръ.
 Ей былъ сужденъ конецъ безславный;
 И еслибы не Римъ державный,
 То, все равно бы,—врагъ иной,
 Изъ дальнихъ странъ или даже свой,
 Пришелъ бы кончить, безъ сомнѣнья,
 Всѣ эти жалкія смятенья,
 И наложить ярмо оковъ
 На край, кричавшій о свободѣ,—
 А въ собственномъ своемъ народѣ
 Создавшій лишь однихъ рабовъ.

За то здѣсь воплотился геній
 Изящнаго; здѣсь создалъ онъ
 Кругъ міровыхъ своихъ твореній;
 Здѣсь былъ его всемірный тронъ!
 Сей край сталъ родиной земною
 Небесныхъ Грацій; пѣсенъ богъ
 Владѣлъ здѣсь лирой золотою;
 Здѣсь былъ поэзи чертогъ.
 Отсюда въ міръ нашъ прилетѣли,
 Какъ изъ волшебнаго гнѣзда,
 Хариты,—спутники ихъ, Лели;
 Здѣсь вспыхнула любви звѣзда;
 Здѣсь доблесть пѣснію почтили,
 И съ божествомъ ее сравнили.....

«Взгляни,—вотъ, съ лирою слѣпецъ;
 Онъ нищъ, и будто просить хлѣба;
 Но это дивный тотъ пѣвецъ,
 Гигантовъ и силъ выспихъ неба,
 Съ чьего чела весь древній міръ
 Съ его героями, богами,
 Сіяетъ, какъ живой, предъ нами;
 Великій, славный тотъ Омиръ,
 Чья слава все растеть съ вѣками!
 А эти яркиѣ двѣ звѣзды,
 Средь звѣздъ того же небосклона,—
 Звѣзда Сократа и Платона?
 Не здѣсь ли первые слѣды
 Законовъ нравственныхъ вселенной?
 Не здѣсь ли въ міръ, объятый тьмой,
 Блеснулъ впервые лучъ живой
 Изъ міра красоты нетлѣнной,—
 Душевной этой красоты,
 Въ тотъ юный вѣкъ еще безвѣстной,
 Предъ кѣмъ былъ долженъ міръ тѣлесный
 Спуститься съ прежней высоты?
 Не здѣсь ли грубая завѣса
 Упала съ чувственныхъ очей,—
 И выше мрачнаго Зевеса
 Предсталъ духовный Богъ людей?
 Не здѣсь ли каждый образъ знанья
 Облекся въ высшее призванье,—
 И самой жизни идеаль
 Красною новой возсіялъ?..
 А это третіе свѣтило,
 Что кругъ науки утвердило
 На почвѣ опыта живой,—
 Тотъ Аристотель,—царь сей мысли,
 Что первый собралъ міръ земной
 Подъ наблюденіе и числа;
 Людей, природы бытіе,
 И царства темныя ея,
 Не утомясь работой скучной,

Облекъ системою научной?...
 Но съ этимъ вмѣстѣ, подъ конецъ.
 Какъ истый Греціи мудрецъ,
 Мечтавшій также дать свободѣ
 Значенье высшее въ народѣ,—
 Когда самъ видѣлъ,—смерть Мессинъ
 И гегемонію Афинъ!

«Кто этотъ юноша красивый,
 И съ той наружностью счастливой,
 Что придаютъ однимъ богамъ,
 Или героямъ и царямъ?
 Не Эллинъ онъ,—но онъ межъ ними,
 Какъ будто межъ людьми своими....
 То этотъ баловень Афинъ,
 Что такъ желали они видѣть,
 Чтобъ обожать иль ненавидѣть;
 То молодой Филипа сынъ,—
 Тотъ звѣрь рогатый преисподней,
 Тотъ всекрушащій вихрь Господній,
 Что древній облетѣлъ Востокъ,
 И какъ бушующій потокъ,
 Изъ края въ край, изъ племя въ племя,
 Разнесъ Аттическое сѣмя,
 Пыль золотую цвѣтника,
 На невоздѣланныя нивы;
 Тотъ Александръ, подъ чьи рога
 Попалъ царь Персовъ горделивый,
 И былъ растоптанъ, какъ дитя;
 Тотъ сказочный герой волшебный
 Племень восточныхъ. что шутя
 Завоевалъ ихъ міръ растлѣнный,—
 И кинулъ мость имъ за собой,
 Изъ царства смерти въ міръ живой!

«Пиръ былъ предложенъ,—пиръ прекрасный;
 Но оказалось, что напрасно!
 Гдѣ рабство,—тамъ развитія нѣтъ.
 Ни дивный утренній разсвѣтъ,

Ни благодатная свобода,
 Здѣсь подъ собою не нашли
 Ни твердой почвы, ни земли,
 Для возрожденія народа.
 И онъ самъ, чудный метеоръ,
 Міръ погрузившій въ удивленье,
 Разсыпался въ кровавый споръ,—
 И міръ впалъ вновь въ оцѣпенѣнье.

«Межъ тѣмъ душѣ его молодой,
 Душѣ высокой и благой,
 Не чужды лучшія движенья!
 Онъ былъ, дѣйствительно, герой
 Во всемъ, что лишь касалось славы;
 Онъ самый яркій, лучший цвѣтъ,
 Что далъ Аттическій намъ свѣтъ;
 Въ немъ образъ самый величавый,
 Что могъ создать старинный міръ!..
 Герой и полубогъ вселенной,
 Отмститель Азіи растлѣнной,
 Онъ побѣжденныхъ былъ кумиръ;
 Но и его не защитила
 Отъ жажды крови эта сила...
 Онъ все смирилъ и превозмогъ;
 Носясь по свѣту ураганомъ;
 Но жажды той смирить не могъ,—
 Болѣзнь, врожденная тиранамъ,
 И въ немъ былъ тщетный имъ урокъ!

«Но вотъ еще потокъ народный,
 Еще міръ той же старины!
 Здѣсь представитель—волкъ голодный;
 Отсюда ярый богъ войны
 Прошелъ, съ своимъ побѣднымъ стягомъ,
 Невозмутимо, шагъ за шагомъ,
 Весь древній міръ, круша царей
 И царства ихъ,—отъ Океана
 И злчныхъ Галліи полей,
 До знойныхъ Африки степей

И отдаленнаго Ливана,—
 И нѣсколько вѣковъ подрядъ
 Кормилъ своихъ имъ волченятъ.

«Вотъ этотъ родъ необычайный,
 Изъ бронзы отлитыхъ людей,
 Гдѣ не было ничто случайно,
 До обыденныхъ мелочей;
 Четвертый этотъ звѣрь пророковъ,
 Что въ острыхъ смялъ когтяхъ своихъ
 Народности всѣхъ странъ земныхъ;
 Тотъ океанъ, отъ чьихъ потоковъ
 Весь захлебнулся древній свѣтъ;
 Тотъ родъ, кому вначалѣ лѣтъ
 Двѣнадцать ястребовъ сулили
 Двѣнадцать счастливыхъ вѣковъ
 Преобладанія и силы,
 И покровительства боговъ,—
 Что времена и подтвердили;
 Безсмертный тотъ, великій Римъ,
 Художникъ геніальный славы,
 Нарѣзавшій мечемъ своимъ
 Вездѣ свой образъ величавый!

«Вотъ онъ, сей царственный народъ,
 Рожденный Ромуломъ въ вѣкъ скудный,
 Взлелеянный фортуной чудной,
 Что шла всегда предъ нимъ впередъ!....
 Взгляни на грозное сіянье
 Сихъ гордыхъ шлемовъ, баграницъ,
 Орловъ священныхъ колебанъ,
 Блескъ триумфальныхъ колесницъ,
 Весталовъ бѣлме покровы,
 Когорть безсмертныхъ видъ суровый,—
 На сихъ авгуровъ и жрецовъ,
 Несущихъ стягъ Паллады мѣдный,
 Въ главѣ ей родственныхъ боговъ,—
 На весь народъ этотъ побѣдный,—
 И ты поймешь, что предъ тобой
 Народъ, рожденный быть главой!

Какой же гений имъ предводить?
 Какой богъ силъ имъ руководить?..
 Богъ, высшій всѣхъ боговъ земныхъ, —
 Увѣренность въ себя самихъ.

«Да, есть религія иная, —
 Религія еще земная,
 Опрічь той вѣры неземной,
 Что насъ уноситъ въ міръ другой, —
 Религія святая долга!
 Та вѣра въ жребій роковой,
 Что исповѣдуетъ, вадолго
 До славы мировой своей,
 Народъ, достойный славныхъ дней;
 Та вѣра, что его возводитъ,
 Изъ самой грубой простоты,
 До исполинской высоты;
 Что въ немъ родить и производитъ
 Тѣхъ крѣпкихъ доблестью мужей,
 Тѣхъ крупныхъ, нравственныхъ гигантовъ, —
 Камилловъ, Брутовъ, Цинцинатовъ,
 Кому до самыхъ позднихъ дней
 Дивится высшій сонмъ людей..!
 Народъ, той вѣрой вдохновенный, —
 Онъ долженъ быть царемъ вселенной
 И обладателемъ земнымъ.
 Соха и мечъ равны предъ нимъ;
 За мирнымъ плугомъ и средь боя,
 Онъ личность узнаетъ героя;
 Отъ плуга онъ беретъ вождей
 И ставитъ ихъ передъ полками, —
 А новый міръ позднѣйшихъ дней
 Ихъ признаетъ полубогами.
 «Да, это былъ особый родъ, —
 Рожденный властвовать, народъ!
 Какъ Геркулесъ, не зналъ онъ дѣтства,
 И въ колыбели онъ своей
 Душилъ, заползшихъ къ нему, змѣй;

Но никогда не чтилъ онъ звѣрства.
 Суровый въ правилахъ своихъ,
 Онъ чуждъ тираніи жестокой
 Царей развратнаго Востока,
 И увлеченій молодыхъ
 Живой, Аттической тревоги.
 Онъ мужъ исполнѣ, — мужъ правды строгій;
 Онъ не щадитъ сыновъ родныхъ
 Передъ карающимъ закономъ;
 Но не кощунствуетъ надъ трономъ....
 Здѣсь быть не могъ Алкивіадъ,
 И храбрый сталь бы Мильтіадъ —
 Иль Фабіемъ, иль Сципіономъ.

«Римъ, съ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ,
 Искаль вокругъ себя побѣдъ;
 Но онъ обдумаль прежде зрѣло
 Все, что свершилъ потомъ такъ смѣло;
 Судьбѣ онъ не далъ ничего
 Изъ назначенья своего.
 Какъ мудрый зодчій, постепенно,
 По камню онъ сперва собираль
 Дремавшія страны всеянной;
 И не спѣша, ихъ возлагаль
 На начатое основанье,
 Давно задуманнаго, зданья.
 Не тратя суетливо силъ,
 Ни шага не ступивъ напрасно,
 Какъ хитрый ловчій, онъ слѣдилъ,
 Самъ не мѣшаясь самовластно,
 За каждымъ промахомъ враговъ,
 По царствамъ дальнимъ и сосѣднимъ;
 И ежели спускаль орловъ
 На нихъ побѣдныхъ, съ клювомъ мѣднымъ, —
 То именовъ святыхъ боговъ,
 Какъ судія вражды иль спора, —
 И въ каждой требоваль борьбѣ
 Лишь только должное себѣ.

И сей народъ, хотя не скоро, —
 Но съ дѣтства опытный въ войнѣ, —
 Онъ подвигъ свой свершилъ вполнѣ.
 Всегда на битву ополченный,
 Онъ собралъ мѣръ разъединенный
 Въ одну страну, — и право ей
 Далъ въ гражданствѣ земли своей.
 За то, изъ всѣхъ большихъ народовъ,
 Что онъ себѣ завоевалъ
 Во дни безсмертныхъ тѣхъ походовъ,
 Одинъ онъ твердо устоялъ,
 Среди побѣдъ своихъ всемирныхъ;
 Одинъ, изъ этихъ странъ обширныхъ,
 Достигнулъ онъ преклонныхъ дней,
 Глубокой старости своей, —
 И умеръ, дряхлый и бездушный,
 Къ судьбѣ и къ жизни равнодушный.

«Скажи, — кто славный Регулъ тутъ?
 Кто Муцій Сцевола? Кто Брутъ,
 Камиллъ, Фабрицій неподкупный?
 Который Фабій, Сципионъ?
 Кто Цинцинать, для всѣхъ доступный?
 Лукреція, — примѣръ всѣхъ женъ?
 Виргинія, — краса народа?
 Который Гракхъ, кого свобода
 Своимъ трибуномъ нарекла?
 Кто Порція, — богамъ родная?
 Кто Гракховъ мать, чуть не святая,
 Что съ ними Римъ весь погребла?
 Кто тутъ другой Брутъ, бичъ тирановъ?...
 Который духъ Коріолановъ?...
 Какое множество людей, —
 И почитай всѣ изъ народа!...
 Кому изъ нихъ святѣй свобода?
 Кто знаменитѣй и славнѣй?....

«Да, здѣсь ужъ видѣнъ духъ народный!
 Здѣсь есть народъ, народъ свободный,

И непрощающій обидь, —
 Защитникъ правъ своихъ священныхъ,
 Гроза патриціевъ надмѣнныхъ,
 И самъ себѣ надежный щитъ.
 Его народные трибуны
 Держали высоко перуны,
 Въ глазахъ отечества отцовъ, —
 И девять первые вѣковъ
 Была за нимъ побѣды слава!
 Зубъ за зубъ, за ударъ ударъ,
 Отстаивалъ свое онъ право;
 Въ немъ тлѣлъ всегда священный жаръ,
 Пока онъ былъ того достоинъ.
 Онъ былъ не только славный вои́нъ,
 Онъ былъ не только гражданинъ,
 Но вмѣстѣ съ этимъ — селянинъ;
 И мирный плугъ, родное поле,
 Ему до самыхъ позднихъ лѣтъ
 Святѣ были всѣхъ побѣдъ.
 Патриціи съ нимъ были въ долѣ;
 Но каждый шагъ неправый ихъ
 Развязывалъ народу дани, —
 И богъ неукротимый брани
 Рѣшалъ споръ самъ сыновъ своихъ...
 Въ такомъ народѣ нѣтъ тирановъ,
 И гордый духъ Кориолановъ
 Скорѣй смирится передъ нимъ,
 Чѣмъ сдѣлаетъ рабомъ слѣпымъ.
 «Рабомъ быть край такой не можетъ!
 Его волнуетъ и тревожить
 Насилье всякое. Онъ самъ —
 Цѣнитель и судья властямъ.
 Здѣсь нѣтъ въ законахъ исключенья,
 Ни средствъ идти противъ теченья;
 Чтобы подобный духъ убить,
 Духъ этотъ надо развратить.
 Отцы отечества успѣли
 Достичь вполнѣтвѣи этой цѣли, —

Раздоръ за скипетръ рововой,
 Пряманка дароваго хлѣба
 И зрѣлищъ, стерли Римъ былой
 Изъ списка странъ любимыхъ неба, —
 И, полный кровью, Коливей
 Узрѣлъ закатъ тѣхъ славныхъ дней.

«Да, только честный міръ народный
 Утратить духъ свой благородный,
 И станетъ жаднымъ торгашомъ
 Почета, должностей и славы,
 Иль раздавателемъ державы
 Въ своемъ отечествѣ родномъ;
 Чуть только, для дневнаго хлѣба
 И зрѣлищъ, онъ властямъ своимъ
 Начнетъ глядѣть въ глаза, — надъ нимъ
 Уже нѣтъ благословенья неба!
 Онъ сталъ и немощенъ, и слабъ,
 Надъ нимъ ужъ поднять бичъ тиранства,
 И если онъ еще не рабъ,
 То онъ совсѣмъ готовъ для рабства!
 Въ немъ больше славныхъ нѣтъ мумей,
 Потускла прежняя картина, —
 На ней ужъ не народъ, но тина,
 Одно обличіе людей.

«О гордый Кесарь, мужъ послѣдній,
 Заменявшій за собой побѣдный,
 Всемирный, славы сей чертогъ!
 И ты ужъ поддержать не могъ,
 Твоею мужественною силой,
 Сей пошатнувшійся колоссъ,
 Стоявшій надъ своей могилой.
 Ни богъ твой, что тебя вознесъ
 На Римскій тронъ, ни боги Рима,
 Чья власть была неодолима,
 Никто не могъ, ни окрылить
 Его угасшіе перуны,
 Ни павшій Римъ поверотить

На колесѣ твоей фортуны,
 И двинуть суетный народъ
 Хотя на шагъ одинъ впередъ,
 Какъ прежде, къ предпріятьямъ смѣлымъ...
 Ты овоздалъ столѣтьемъ цѣлымъ,
 Но поснѣвшиль ты днемъ однимъ,—
 Не расчитавъ, что павшій Римъ
 Хоть не имѣеть ужь народа,
 Но слово для него: свобода,
 Звучить не всѣмъ еще равно...
 Какъ Дамоклетовъ мечъ, оно
 Еще висѣло надъ тобою;
 Ты слишкомъ о себѣ мечталъ;
 За то и поплатился ты,—и цаль,
 Сраженный Брутовой рувою;
 И Римъ, что ты считаешь твоимъ,
 Похищенъ у тебя другимъ.

«Заутра же,—онъ, твой счастливый
 Преемникъ, безъ большихъ хлопотъ,
 Вънецъ твой царственный беретъ
 Изъ рукъ толпы неприхотливой,
 И исполняетъ свою роль,
 Ни разу не поднавъ личины,
 До дня послѣдняго кончины!
 Но въ Римѣ ужь затихла боль
 Отъ язвы сорванной—свободы;
 Прошли восторженныя годы,
 Сама страна искала сѣбь,
 Чтобъ насладиться ей поводемъ,—
 И Августъ, не слыви героемъ,
 Попалъ на тотъ счастливый день!
 Онъ угадалъ толпы влеченья,
 И былъ ей принять въ восхищенья;
 Но какъ артистъ и человекъ,
 Онъ ближе былъ, чѣмъ ты, къ народу;
 Онъ наповаль убилъ свободу,—
 И Римъ прославилъ его въѣзъ!...
 «И что за въѣзъ! Какой блескъ славы

Вокругъ счастливаго царя!
 Кто мнилъ, что блескъ тотъ величавый
 Была вечерняя заря?....

«Вѣкъ чудный лести, музъ и грацій!
 Назонъ, Виргилій, Плавтъ, Горацій,—
 И сколько тутъ еще именъ,
 Какъ яркихъ вѣдъ надъ облаками,
 Подъ чьими темными волнами
 Ужъ меркнулъ Римскій небосклонъ!
 Какой просторъ раздольный міру,
 Кадить всемірному кумиру.....
 Такъ раболѣпство входитъ въ міръ!
 Сперва какой нибудь кумиръ
 Предъ нимъ блестящій просіяетъ;
 Ему служить онъ привыкаетъ;
 Потому, кумировъ больше нѣтъ,
 Померкло все кругомъ,—и вслѣдъ,
 Вступаютъ Клавдіи, Нероны,
 Терзаютъ нравы и законы;
 Но міръ ужъ рабствовать привыкъ,
 И также громко передъ ними,
 Какъ предъ Траянами благими,
 Гремить его привѣтствій кликъ.

«Когда странѣ грозитъ паденье,
 Ей сродны лести и поклоненье;
 Она бессильна для борьбы;
 Ей нужны боги и кумиры,—
 Хранители ея судьбы;
 Она настраиваетъ лиры
 И воспѣваетъ силу ихъ,
 Не видя общаго растлѣнья,
 Ни равнодушнаго забвенья
 Минувшихъ доблестей родныхъ.
 Въ тѣ дни ничтожны честь и вѣра;
 Надъ всѣми раболѣпства гнетъ;
 Одна лишь маска лицемѣра—

Отъ золь единственный оплотъ.
 Въ тѣ дни Тациты повѣствуютъ
 Про добродѣтель прежнихъ дней,
 И смѣлой кистио рисуютъ
 Быть неиспорченныхъ людей;
 Тибуллы плачутъ и пророчать
 Погибель близкую страны,
 А Ювеналы жало точать
 Сатиры противъ новизны...
 Но край разсѣянно выпмаеть;
 Онъ цѣнить умъ ихъ, острогу,
 Но онъ едва ужъ понимаетъ
 Разбитой жизни пустоту;
 Онъ хвалить ихъ порывъ прекрасный, —
 Но всѣ ихъ пѣсни трудъ напрасный;
 Кому послѣдній часъ насталь, —
 Тотъ изъ могилы не вставаль!

«Теперь полны мы изумленья
 И даже тайнаго сомнѣнья,
 Неужели могли быть дни,
 Что и Каллигулы, Нероны,
 И Деции, имѣли троны?
 Иль можетъ, не были они
 Тѣмъ, какъ ихъ Римъ изображаетъ?...
 Какъ! — Гордый Римъ ихъ обожаетъ?
 Курить предъ ними фиміамъ?
 Римъ причисляетъ ихъ къ богамъ?
 Чемужь тутъ больше удивляться, —
 Безумью ли царей его,
 Иль рабству Рима самаго,
 Что могъ предъ ними преклоняться?...

«И вотъ кому, о вѣчный градъ,
 Копилъ богатства ты родныя,
 Въ чью честь лиль кровь, и твой булатъ
 Громилъ съ плеча страны чужія!
 Вотъ для кого, въ былые дни,
 Трудились Фабіи твои,
 И шли во всѣ концы земные

Твои когорты боевыя!
 И этихъ чудящъ ты могъ чтить?...
 И послѣ этого—могъ жить?...
 Но ты все жилъ и пресмыкался;
 Ты весь ужъ сгнилъ и разлагался,
 Давно чуть жизнь свою влачилъ,
 И все таки еще—ты жилъ.
 Въ твой дряхлый край, во всемъ вездужный,
 Другіе люди были нужны!
 И точно, ты ихъ ждалъ на пиръ,
 На пиръ послѣдній погребенья,—
 Они пришли,—и край растлѣнья
 Преобразился въ новый міръ.

«Но вотъ еще уходитъ племя!
 Его какъ бы забыло время;
 Оно такъ древне, что нашъ міръ,
 Успѣхи наши и тревоги,
 Имъ прокляты,—и въ нашемъ Богѣ
 Оно зреть лишь распятый кумиръ.
 И этотъ родъ, столь устарѣлый,
 Когда-то былъ передовымъ;
 А духъ преданій его смѣлый
 Сталъ достояньемъ мировымъ!

«Въ немъ вѣра все преобладаетъ,
 Ему чуждъ цѣлый міръ земной;
 Но вѣра,—ей онъ окриляетъ
 И умъ, и духъ народный свой.
 Его Творецъ и вождь верховный,
 Іегова, есть Богъ духовный;
 А онъ самъ—образъ, духъ Творца.
 Онъ исполняетъ до конца,
 Вѣками долгими страданья,
 Страны духовное призванье,—
 Чтобъ силой нравственной своей,
 По минованьи трудныхъ дней,
 Создать міръ правды и свободы,
 Куда сойдутся всѣ народы

Почать отъ тагостныхъ трудовъ,
 Подъ сѣнію оливы мирной, —
 Іерусалимъ этотъ всемірный,
 Гдѣ онъ соберетъ своихъ сыновъ.
 Низвергнетъ всѣхъ народовъ рабство,
 И какъ невѣста разцвѣтетъ,
 Въ главѣ божественнаго царства.
 Вотъ мысль отколь еще идетъ,
О царствѣ Божьемъ!... И сей родъ,
 Во дни и славы, и плѣненья,
 Всѣ приложилъ свои стремленья
 И лучшія свои мечты,
 Чтобы достигъ той высоты.

«Взгляни на этихъ исполиновъ,
 Въ льняной одеждѣ бедуиновъ
 Или подъ шкурами звѣрей!
 Они имѣютъ видъ царей;
 Но это пастыри съ Евфрата, —
 Владѣтели простые стадъ;
 Имъ чуждъ еще и вѣрнкій градъ,
 И жажда прибыли и злата.
 Взгляни, у нихъ, на ступняхъ ногъ,
 Еще почти что не обсохъ
 Иль первобытный мирозданья;
 Но въ нихъ ужъ говорить призванье;
 Ихъ Богъ, — единый Богъ живой,
 Лишь въ немъ всѣ Божескія свойства;
 Онъ дастъ имъ, какъ песокъ мореной.
 Какъ звѣзды, безъ числа потомство.

«Глава ихъ рода, Авраамъ, —
 Онъ патріархъ еще пустыни;
 Но Богъ клялся его сынамъ,
 Поставить ихъ къ главѣ святини;
 Какъ жрецъ всемірнаго царя,
 Онъ властелинъ ужъ предызбранный
 Его земли обѣтованной, —
 Онъ церкви будущей заря.

«Но гдѣ? Когда? Проходить время,
 Египеть поглотилъ ихъ племя;
 Оно въ плѣну,—чуть видѣнь слѣдъ,—
 Что жъ! Тамъ оно погибло?—Нѣтъ!
 Встаетъ другой вождь, выше саномъ;
 Страна бѣ иная назвала
 Его божественнымъ титаномъ...
 Съ его высокаго чела
 Исходить два потока свѣта;
 Въ его рукахъ скрижаль завѣта,
 По манію его жезла,
 Предъ нимъ смиряются державы,
 Глубь разступается морей,—
 То боговидецъ Моисей,—
 Единый изъ живыхъ людей,
 Что зрѣлъ въ лицѣ блескъ Божьей славы.....
 По манію руки его, встаетъ
 Во всеоружіи народъ,
 И въ чуждыя несетъ владѣнья
 Войну и громы истребленья.

«Спроси: чѣмъ онъ такъ силенъ былъ,
 Родъ этотъ, вѣчно-недовольный?
 А тѣмъ, что Богъ его—Богъ силъ,—
 И этой мыслью вдохновенный,
 Онъ совершать могъ чудеса.
 Сама земля и небеса,
 И ратоборцы неземные,
 Съ нимъ ополчались на враговъ,—
 И силы вражескихъ полковъ,
 Какъ листья падали сухіе.
 За то,—лишь отнималъ Творецъ
 Свой щитъ,—и тотъ же врагъ народный
 Врывался вновь, какъ волкъ голодный
 Вънутрь стада робкаго овецъ;
 И гордый край объять былъ страхомъ,—
 И голову посыпавъ пракомъ,
 Народъ по каплѣ выпивалъ

Позора своего фіаль,
 Какъ чашу должную отмщенья,
 За всѣ былия прегрѣшенья.
 «Народъ подобный никогда
 Не могъ жить долго жизнью стройной;
 И точно, онъ не зналъ труда,
 Ни жизни мирной и спокойной;
 Онъ жилъ всегда, до нашихъ дней,
 Однимъ минувшимъ иль грядущимъ, —
 То славою своихъ царей,
 То подъ ярмомъ враговъ гнетущимъ.
 Открытый весь чужимъ странамъ,
 Край этотъ былъ всегда въ тревогѣ:
 То служить онъ чужимъ богамъ,
 Объ истинномъ забывши Богъ;
 То хитрой ловкостью вождей
 Или побѣдой ихъ неожиданной,
 Упрочить жаждетъ миръ желанный,
 Все ожидая лучшихъ дней;
 То въ спорѣ съ нравами чужими,
 То самъ съ собой, — межъ тѣмъ народъ
 На шагъ не движется впередъ, —
 Живетъ порывами одними.
 Вражда колѣнъ, какъ демонъ злой,
 Терзаетъ родъ сей ослѣпленный,
 И край его разъединенный;
 И онъ, забытою рѣкой
 Все тѣкъ бы, можетъ быть, понинѣ,
 Или оставилъ бы въ пустынѣ
 Сухое ложе за собой;
 Когда-бъ духъ высшій назначенъ
 Не озарилъ его теченья
 Своимъ наитіемъ святымъ, —
 Иль блескомъ, навсегда нетлѣннымъ,
 Не сдѣлалъ бы сей край священнымъ
 И близкимъ всѣмъ странамъ земнымъ!

«О сколько разъ, народъ коварный:

Народъ слѣпой, неблагодарный,
 Твой Богъ хотѣлъ спасти тебя
 Отъ рабства и твоихъ пороковъ;
 Но ты, про это самъ трубя, —
 Ты побивалъ Его пророковъ,
 Давно провидѣвшихъ вдали
 Последній день твоей земли.
 Не вразумилъ тебя плѣнь скорбный,
 Ни опытъ тягостный вѣковъ,
 Ни ярый крикъ твоихъ враговъ,
 Рыванью алчныхъ львовъ подобный!..
 Ты жить хотѣлъ, какъ древо жилъ,
 Кичася, чуждой тебѣ, славой;
 Но не имѣлъ ни средствъ, ни силъ,
 Чтобъ самобытной стать державой.
 Не помогли твоей судьбѣ
 Ни Маккавей, ни гласъ Оссин;
 Чтобъ воссоздать твой край, — тебѣ
 Былъ нуженъ дивный скиптръ Месссін!
 И точно, вѣрою горя,
 Ты долго ждалъ его, — издавна;
 Но ждалъ — въ сіяньи славы бранной
 Какъ побѣдителя-царя!

«И изъ среды-то сей непрочной,
 Изъ этихъ суетныхъ людей,
 Изъ ихъ разнузданныхъ страстей,
 Предсталъ тотъ образъ непорочный,
 Чистѣйшій этотъ человекъ,
 Что создалъ міру новый вѣкъ!
 Изъ этой пропасти смердящей
 Истекъ тотъ ключъ животворящій,
 Всемирный этотъ, дивный свѣтъ,
 Что возсіалъ надъ всей землею,
 И обновилъ ее собою;
 То солнце истины..... Но нѣтъ!
 Край этотъ былъ лишь скорлупою,
 Гдѣ зрѣло дивное зерно;
 Лишь только вызрѣло оно, —

Богъ раздробилъ гнилое племя,
 Не пощадивши ничего,—
 И смялъ, какъ шелуху, его;
 И перенесъ святое сѣмя
 На почву новую земли,
 Въ иной предѣлъ земнаго свѣта.

«Взгляни на этотъ блескъ вдали,—
 Вотъ онъ,—миръ новаго завѣта,
 Миръ первобытный христіанъ!...
 Изъ разныхъ званій, разныхъ странъ,
 Другъ другу чуждые рожденьемъ,
 Они—какъ бы одна семья,
 По вѣрѣ ихъ и убѣжденьямъ.
 Ихъ ненавидѣла земля,
 Миръ ихъ обрекъ послѣдней долѣ,—
 Но самъ—ихъ покорился волѣ.
 Ихъ убѣжденія внесли
 Они во всѣ концы земли,
 Встрѣчая твердо, безъ боязни,
 И пытки, и позоръ, и казни.
 Духъ непреклонный сихъ людей
 Повсюду путь себѣ находить;
 Онъ побораеъ власть царей,
 Онъ смерть на древній миръ низводитъ,
 И исполняя свой завѣтъ,
 Преобразуеъ цѣлый свѣтъ,
 До нихъ имѣвшій видъ могилы.

«Какой имъ Богъ далъ эти силы?...
 Двѣнадцать бѣдныхъ рыбаей.
 Изъ класса низшаго людей,
 Двѣнадцать личностей безвѣстныхъ,—
 Не славой подвиговъ чудесныхъ,
 И не пособіемъ чужимъ,
 Но убѣжденіемъ простымъ,
 Ихъ словомъ,—свѣтъ даютъ народу.

И вносить въ новый міръ свободу!...

И первый изъ всѣхъ,—народъ

Имъ смѣло въ срѣтенье идетъ.

«Потомъ ужъ свѣтъ ихъ проникаетъ
Въ другіе классы; мракъ сѣдой
Бѣжитъ съ земли, какъ духъ ночной,—
И самовластье поникаетъ
Своей развѣнчанной главой
Предъ новой, вышею судьбой....»

«О князи земные! Снимайте,
«Снимайте врата ваши!
«Се царь грядетъ славы.
«Кто онъ, сей царь славы?
«Господь силы вышней,
«Онъ есть тотъ царь славы!....»

«Но пусть же помнить и народы,
Надъ кѣмъ блестятъ ужъ дни свободы,
Что этотъ царь зовется: Свѣтъ!
А свѣтъ есть міръ благословенный,—
Союзъ народовъ и совѣтъ,
На благоденствіе вселенной.
Достигъ ли этого нашъ вѣкъ?...
Нѣтъ, не достигъ! Онъ это знаетъ,—
И современный человѣкъ
Теперь всѣ силы напругаетъ,
Чтобъ положительно постичь,
Какими новыми путями
Иль благодатными судьбами,
Ему до этого достигъ.
Но мы полны еще сомнѣньемъ;
Сей міръ не разъ себя пыталъ
На этомъ.... Онъ, то съ нетерпѣньемъ
Привѣтствовалъ, то низвергалъ
Опять, своими же руками,
Неудававшійся кумиръ....»

Но вотъ, онъ самъ передъ глазами,—
Смотри!...»

И точно, передъ нами
Несло багряними волнами
Весь христіянскій, новый міръ...

Пѣснь 11-я.

НОВЫЙ МІРЪ.

„L'empire, c'est la paix!“
Napoléon III.

Вотъ онъ, міръ этотъ христіанства,
Подъ сѣнью выросшій креста, —
Онъ, первый ниспровергшій рабство
Побѣднымъ знаменемъ Христа;
Изъ тьмы возвысившій народы
До благороднѣйшихъ началъ
Гражданской жизни и свободы!
Годичь, съ жаромъ, восклицалъ.
Здѣсь, съ первыхъ дней же возрожденья,
Выходить человекъ впередъ;
Здѣсь просыпается народъ
И духъ всеобщаго движенья.
Здѣсь непрестанная борьба,
Но не тирановъ межъ собою, —
Ихъ рѣшена уже судьба!....
Борьба разсвѣта съ древней тьмою;
Борьба отдѣльныхъ, частныхъ лицъ

Съ правами митръ и багряницъ,
 За челоѳическое право;
 Борьба народовъ и властей,
 За каждый даръ тѣхъ новыхъ дней,—
 И обоюдная расправа,
 За каждый лишній шагъ впередъ
 Иль за былыя увлеченья.

«Мы знаемъ, что свершилъ народъ,
 Вступивъ въ кругъ общаго движенья.
 Свѣтъ христіанства міръ засталъ
 Еще въ развитіи полномъ рабства;
 А нынѣ есть ли еще царство,
 Гдѣ бь духъ свободы не стоялъ
 Въ главѣ правителей народныхъ?
 Но это значить ли, что міръ
 Успѣлъ вполнѣ создать кумиръ
 Стремленій и надеждъ свободныхъ?
 Онъ говоритъ и самъ,—что нѣтъ!
 Нашъ смѣлый вѣкъ, при всей заботѣ
 Внести во всѣ народы свѣтъ,—
 Досель при черной лишь работѣ;
 Народы учатся лишь жить.
 Они со страхомъ еще тянутъ
 Своихъ успѣховъ лучшихъ нить....
 То чудно ль, что такъ быстро вянутъ,
 Какъ скороспѣлыя цвѣты,
 Ихъ недозрѣлыя мечты?...

«Свѣтъ нравственный и свѣтъ свободы,—
 Два высшихъ дара, что судьбы
 Вѣнчаютъ вольные народы,
 По окончаніи борьбы
 Съ тяжелымъ игомъ угнетенья;
 Но только черезъ много лѣтъ
 Приходить вѣкъ ихъ возрожденья,
 Свѣтаетъ настоящій свѣтъ,—
 И духъ развитія свободный
 Животворить ихъ міръ народный.
 «Привычка къ рабству не даетъ

Народу снять совѣмъ оковы,—
 Но долго, съ робостью, народъ
 Еще глядитъ на мѣръ свой новый.
 Въ немъ вѣры нѣтъ еще въ себя,
 Что лишь даетъ благое время;
 Ему свобода еще бремя,—
 И часто, самъ себя губя.
 Не слушая крикъ недовольныхъ,
 Онъ проситъ вновь себѣ цѣпей,
 У собственныхъ своихъ вождей,—
 Тѣхъ силъ какихъ нибудь подпольныхъ.

«Но что же это говорить?—

А то, что мѣръ нашъ очень молодъ,
 И опыта тяжелый холодъ
 Его нескоро отрезвить,
 Отъ вкоренившаго рабства;
 И истинной свободы мѣръ,
 Тотъ мѣръ и свѣта, и богатства.
 Мечтаній нынѣшнихъ кумирь,—
 Еще въ туманѣ отдаленья;
 И много тяжкаго боренья
 Народы встрѣтятъ на пути,
 Пока удастся имъ дойти
 До этой высоты желанной.

«Досель, мѣръ въ битвѣ непрестанной,
 За право честное свое...
 Но тотъ ли онъ, какимъ былъ прежде,
 Когда онъ началъ бытіе?...
 Оставимъ же просторъ надеждѣ,
 Что много,—черезъ сотни лѣтъ,
 Изъ тьмы онъ выйдетъ современной,
 И точно, благодатный свѣтъ
 Всѣ страны озаритъ вселенной.

«О древній мѣръ, о мѣръ боговъ,—
 Мѣръ самовластія и рабства,
 Досель слѣда твоихъ оковъ
 Не смыль съ земли духъ христіанства!

Божественный свободы видъ,
 Съ ея сияньемъ и громами,
 Еще понинѣ насъ страшить,—
 И намъ отраднѣй быть рабами.
 Ея святое торжество
 Для насъ еще міръ недоступный;
 Она для насъ не божество,
 Но плодъ запретный и преступный.
 Едва мы слышимъ ея кликъ,
 Мы пачкаемъ ей кровью ликъ,
 Срываемъ съ тѣла баграницу,
 И зримъ нагую въ ней блудницу.
 Такъ рабство вѣлось до костей
 Въ нашъ духъ и въ образъ нашъ звѣриный;
 Лишь подъ ~~видю~~ видю властей
 Мы только люди, съ силой львиной.

«Вгляни кругомъ,—что узришь тамъ?....»

Народное повсюду дѣтство,
 Покорность робкую властямъ,
 И съ ней—слѣпое раболѣпство.
 Досель, народъ безъ помочей
 Еще ступить не смѣетъ шага,—
 Рѣшить не въ силахъ, безъ властей,
 Что для народа зло, что благо.
 Власть аргусомъ слѣдите за нимъ
 При каждомъ словѣ, лицемѣря
 Усердьемъ ревностнымъ своимъ;
 Ей выгоднѣй въ немъ видѣть звѣря,
 Чтобы держать его въ цѣпяхъ,
 Чѣмъ умный образъ человѣка,
 Что и въ оковахъ, и въ потьмахъ,
 Сочувствуетъ движенью вѣка.
 Народъ понинѣ не живетъ;
 Гдѣ грань иль мѣра угнетенью?....
 Но есть предѣлъ его терпѣнью,—
 И онъ встаетъ.... Но какъ встаетъ?
 Какъ дикій звѣрь, какъ волъ ввѣщенный;
 И снова,—скоро укрощенный

И скованный опять, — какъ звѣрь, въ цѣпяхъ, —
Трепещетъ въ чьихъ нибудь когтяхъ.

«Зло это въ силахъ ли продлиться
Въ грядущемъ? Все гласить, что нѣтъ!
А болѣе всего, — растущій свѣтъ.
Онъ нынѣ можетъ ли затмиться?
Народъ невидимо растетъ.
Онъ принимается за дѣло, —
Сперва неловко и не смѣло,
Съ сомнѣніемъ глядитъ впередъ;
Но съ увеличеніемъ свѣта,
Онъ вѣритъ искренно себѣ,
Онъ чувствуетъ духъ въ себѣ атлета,
И предается весь борьбѣ;
Свѣтъ раздвигаетъ путь безвѣстный
Ему въ глухой дали время;
Яснѣетъ темный небосклонъ.
И открываетъ міръ чудесный,
О комъ подумать той порой, —
Всѣмъ показалось бы мечтой.

«Взгляни въ прошедшее, — всѣ страны
Европы прежней бродятъ въ тьмѣ;
Нѣтъ свѣтлой мысли на умѣ,
Ея народы будто пьяны;
Повсюду разрушенья слѣды,
Лишь вдалекѣ чуть брежжетъ свѣтъ;
Она какъ будто погибаетъ, —
Ее коробить и ломаетъ;
Насталъ ея послѣдній вѣкъ;
Но въ этомъ хаосѣ смятенія
Восходитъ солнце возрожденія, —
Встаетъ свободный человѣкъ.

«Смотри! Вотъ эти великаны,
Чьи исполинскія стопы
Обмолотили, какъ снопы,
Отжившаго Полудня страны!
Вотъ этотъ сонмъ богатырей

И ихъ вождей голубокихъ,
 Съ поморскихъ береговъ далекихъ,
 Съ поволжскихъ и донскихъ степей,
 Что другъ за другомъ приходили
 Дѣлить Римъ ветхій межъ собой,—
 Тотъ мертвый міръ, что оживили
 Потомъ живой они водой...

«Насталъ ихъ день,—рѣшенный тамъ.
 Въ судьбахъ Господняго Совѣта,—
 Онъ бросилъ сѣвернымъ орламъ
 Въ добычу трупъ царя полсвѣта.
 На Югъ!... Раздался общій зовъ,—
 И кинувши страну родную,
 Взвилося стадо тѣхъ орловъ
 Дѣлить добычу дорогую....
 Завыла буря имъ во слѣдъ,
 Упали римскія преграды.
 И не было отъ нихъ пощады
 Тому, предъ кѣмъ дрожалъ весь свѣтъ.
 Но только смолкнулъ духъ крушенья,
 Упалъ развѣнчанный кумирь,—
 Какъ изъ обломковъ разрушенья
 Ужь подымался новый міръ,—
 Міръ личныхъ правъ и міръ народный,—
 Нашъ современный великанъ,
 Что внесъ впервые духъ свободный
 Въ среду новѣйшихъ нашихъ странъ!...
 Такъ съ горъ потокъ несется бурный,
 И на пути своемъ крушить
 И отшлифованный гранить,
 И мирный кровъ, и городъ шумный;
 Наводнены пути, поля,
 Плывутъ дома, стада, заборы,
 Ужь островами стали горы,
 Не видно, гдѣ была земля,
 Слѣды повсюду разрушенья,
 И ни откуда нѣтъ спасенья.....
 Но чуть вода вошла въ брега,

Край принимает образъ стройный,
 Еще свѣжѣй блестятъ луга;
 Тоть бурный сталъ рѣкой спокойной,—
 По ней бѣлѣютъ паруса,
 Кругомъ кишитъ народъ довольный,
 И мирно смотрятъ небеса
 Въ ея лазоревыя волны.

«О новый Римъ! Христось вручилъ
 Тебѣ народныхъ столько силъ,
 Какъ пастырю...Какое поле
 Предназначалъ твоей Онъ долѣ,
 Для насажденія добра;
 Какая славная пора
 Тебѣ дана была,—въ народы
 Внести христіанскій духъ свободы,
 И стать свѣтильникомъ земли!
 И Львы, Амвросіи твои,
 И Афанасіи, понинѣ
 Примѣромъ служить, что ты могъ
 Стать выше суетныхъ тревогъ,
 И влючь живой пробить въ пустынѣ.
 Ты не служитель вѣдь боговъ,
 Не властелинъ, не царь державный;
 Ты первый лишь слуга Христовъ,
 Ты пастырь стада Его главный;
 Твое оружіе есть свѣтъ,
 Твой собственный примѣръ высочій
 Могъ обратить весь міръ широкій....
 Ты это выполнилъ, иль нѣтъ?»

«Нѣтъ! Ты въ сосудъ любви священной
 Влилъ сладкій ядъ земныхъ страстей;
 Ты стать хотѣлъ царемъ вселенной,
 Владыкою самихъ царей;
 Хотѣлъ сдержатъ движеніе вѣка,
 Убить развитіе человѣка;
 Хотѣлъ, какъ Исусъ Навинъ,
 Остановить еще свѣтило,

Что такъ ужъ пышно восходило, —
 То солнце міровыхъ судьбинъ,
 Тотъ новый вѣкъ судьбы народной, —
 Остановить, — пова тебѣ
 Удастся побѣдить, въ борьбѣ
 Съ твоею паствою недовольной,
 И похвалиться передъ ней,
 Непогрѣшимостью своей.

«И въ этой суетной заботѣ
 Ты думалъ плыть въ водоворотѣ?
 Ты думалъ, взявши Божью власть,
 На этой высотѣ не пасть, —
 Тамъ, боги пали гдѣ земные,
 Тамъ, гдѣ герои міровые
 Теряли голову потомъ,
 И царства падали вверхъ-дномъ;
 Ты думалъ такъ.... Но что же стало?
 Ты внесъ служеніе Ваала
 Въ храмъ опозоренный Христа, —
 И міръ, подъ знаменемъ креста,
 Узрѣлъ вѣнецъ Гельигобала!

«Чтожь ты тогда?.. Зажегъ костры,
Отволъ несло горѣлымъ мясомъ;
Повсюду поднялъ топоры,
Дивя вселенну ихъ запасомъ;
Предъ каждымъ мыслящимъ умомъ
Открылъ подземныя темницы;
Передъ божественнымъ крестомъ,
Белѣль вбивать въ нихъ иглы, спицы,
Палить ихъ медленнымъ огнемъ;
Изъ церкви создалъ легионы
 Тебѣ лишь преданныхъ рабовъ,
 И оружилъ ихъ ратью троны;
 Втеръ эти подлища бѣсовъ
 Въ дома, въ святилища семейства,
 Въ науку, въ совѣсть, въ духъ людей...
 Но кто исчислить всѣ злодѣйства;
 Кто взвѣситъ злобу этихъ дней?..

«Ты видишь въ рощахъ Лангедока
 Ручьи кроваваго потока?
 Смотри, вотъ Альбійгойцевъ сонмъ,
 Среди пылающаго круга
 Огня, съ Монфоромъ палачомъ?..
 А тамъ, отъ Сѣвера до Юга,
 Вся тонетъ Франція въ крови;
 Не это ль знаменье любви
 Къ ней Рима и его Баярдовъ?..
 А вотъ князь Альба, тотъ злодѣй,
 Растерзанныхъ имъ, Нидерландовъ;
 Гранвель—палачъ изъ палачей...
 Смотри, тутъ все ихъ ополченье...
Да, Римъ! ты мастеръ, исполнивъ
Быль въ творествѣ живыхъ картинъ;
Ты обгонялъ воображенья!...

«Здѣсь, на огнѣ горитъ востровъ
 Краса Богеміи сыновъ;
 А тамъ, какъ подъ ножомъ у турка,
 Стенаютъ жены Магдебурга,
 И по котѣна въ ихъ крови,
 Средь жертвъ, еще недовершенныхъ,—
 Священниковъ сонмъ облаченныхъ
 Поетъ гимнъ Божеству любви;
 Страна отъ края и до края,
 Чтобы вѣрнѣй достигнуть рая,
 Пылаетъ тридцать лѣтъ въ огнѣ;
 Всѣ вѣнценосцы на конѣ,
 И устилаютъ ихъ владѣнья
 Рядами труповъ и крушенья...
 Но вотъ,—вотъ бойни всей вѣнецъ,
 И все еще ей не конецъ,—
 Святая ночь Варфоломея!
 Тутъ самъ король, какъ воръ ночной,
 Стрѣляетъ въ свой народъ родной,
 Ни слезъ, ни крови не жалѣя;
 И для кого же,—для чего?...
 Спасенья ради своего!

«Кто жь эти изверги слѣпые?
 Кто эти звѣри, палачи?
 Все люди, чуть ли не святые.
 Кто направляетъ ихъ мечи,
 Суля на небѣ имъ награду?
 Все тотъ же пастырь ихъ благой,
 Тотъ образецъ Христову стаду...
 И это вынесъ мѣръ земной?..

«Что жь послѣ этого имъ воля?
 Какая всѣхъ успѣховъ доля?
 И что такое челоуѣкъ,
 Когда имъ каждый новый вѣкъ
 И каждый деснотъ помыкаетъ,
 Коверкаетъ его, комакаетъ,
 И знать не хочетъ ничего,
 Опречь рѣшенья своего?
 Иль мы подимся вѣщамъ нулямъ,
 Орудьями лишь власти той,
 Что насъ волочить за собой, —
 Готовые идти съ ножами,
 На самыхъ близкѣхъ нашъ людей.
 На здравый смыслъ — и все для ней?...
 Что дѣлать совѣсти и знанью,
 Иль смысла здраваго терзанью?
 Какой земной переводотъ
 Мѣръ отъ бездннн спасеть?...

«Но нѣтъ! Мѣръ можетъ заблуждаться,
 И въ мѣрѣ могутъ называться
 На время, — здравый смыслъ — мечтой,
 Порокъ — развитіемъ, свѣтъ — тьмой;
 Но здравый смыслъ не умираетъ,
 Гласъ совѣсти не умолкаетъ,
 Какъ крикъ утѣшенныхъ дѣтей;
 А изъ подъ гнета и цѣпей,
 Свободный духъ встаетъ сильнѣй!
 И эта кровь, и эти слезы,
 Что пролилъ Рямъ своей рукой,

Всѣ эти царственные грезы
 Преобладанья надъ землею,
 Чѣмъ пастыри его гордились,
 Что ставилъ выше оня всего,—
 Всѣ эти лавры обратились
 Колючимъ тернѣемъ для него.

«Смотрите,—вотъ ужъ затопляеть
 Кровь эта шаткѣй его тронъ,
 И гласъ народовъ посылаетъ
 Ему проклятье... Что же оня?
 Еще цари въ недоумѣньи;
 Но мѣръ ужъ понялъ, оня ужъ зрѣтъ,
 Что Римъ исполненъ преступленій,
 И мантия его смердитъ,—
 И Римъ, все глубже утопаеть
 Въ кровавыхъ, мутныхъ тѣхъ волнахъ,
 И наослѣдовъ, чуть всплываетъ
 Больной, трепещущій монахъ.

«Но оставляла ль Римъ рѣшимость?
 Нѣтъ!... Какъ спасенія бревно,
 Оня ухватилъ непогрѣшимость,—
 И съ ней, какъ ключъ, пошелъ на дно.

«И этотъ трупъ могъ быть кумиромъ,
 Господствовать надъ полуміромъ,
 Гасить свободы духъ живой
 И заслонять ей свѣтъ благой!
 И Западъ весь, какъ бы въ угарѣ,
 Двѣ тысячи могъ лѣтъ стенать
 Рабомъ сихъ евнуховъ въ тиарѣ,
 И прахъ ихъ туфлей цѣловать!

«И хвалишься край легковѣрный,
 Какъ нѣбой силою безмѣрной,
 Какъ высшей доблестью своею,
 Что вынесъ двѣсти ты возстаній!
 По мнѣню мыслящихъ людей
 То двѣсти вѣдь кровопусканій.

Что жь это, за такой недугъ,
 Что ты не могъ, для исцѣленья
 Иль своего освобожденья
 Найти искуснѣй себѣ дукъ!

«Но это былъ недугъ ужасный,
 Недугъ постыдный и опасный;
 Онъ точить, будто червь, народъ
 И вносить въ край его паденье.
 Его мѣръ знаетъ, и зоветъ
 Давно—народное растлѣнье.
 Имъ одержимый, ты не могъ,
 Въ тоскѣ болѣзненныхъ тревогъ,
 Минуты знать себѣ покоя,
 Ни произвестъ себѣ героя,
 Ни даже славнаго вождя,
 Чтобы рукою исполнилъ
 Тебя онъ собрать воедино,
 Изъ-подъ кроваваго дождя,
 Что растравлялъ твои лишь раны.
 Твои вожди всѣ были пьяны
 Отъ честолюбы, и другихъ
 Искательства праздныхъ и хмельныхъ;
 Пока самъ геній твой народный
 Когда пришла тому пора,
 Почуялъ духъ въ себѣ свободный
 И всталъ съ печальнаго остра

«И это царствіе растлѣнья
 И роковаго распаденья
 Произвело такихъ мужей,
 Изъ той же изъ среды народной,—
 Чей дивный даръ до нашихъ дней
 Плѣняетъ всякій духъ свободный.
 Но эти мужи предпочли
 Изъ всѣхъ стремленій ихъ земли,
 Жаръ благодатный вдохновеній;
 И стали,—кто своимъ рѣзцомъ,
 Кто пѣснью, кистью,—образцомъ
 И славой новыхъ поколѣній.

Вотъ эти боги, чьихъ именъ
 Довольно, чтобъ создать вѣкъ цѣлны,
 Предъ кѣмъ молчить вражда племень
 И преклоняется міръ зрѣмый!

«И все какія имена!

Какой блескъ силы самородной!
 Представить ли еще страна
 Другая—рядъ людей подобный!...
 Вотъ, твой, Италия, вѣнецъ,—
 Твое начало и конецъ!
 Вотъ кто, вожди твои. герои!
 И самые твои разбой
 Не помѣшали имъ собой
 Прославить свой народъ родной.

«Кто зналъ безъ нихъ бы Сикстовъ славныхъ,
 Иль Иннокентіевъ, Колоннъ,
 Иль Медиссовъ, Львовъ вѣнчаннхъ?
 Давно бъ ихъ скрыла мгла время;
 Но эти яркіе свѣтила
 Своей ихъ славой озарили,—
 И гдѣ, средъ дальнихъ странъ земныхъ,
 Міръ развитой не знаетъ ихъ?

«А чѣмъ отечество за это
 Платило этимъ силамъ свѣта?
~~Своимъ расчетамъ, злою внемля,~~
~~Колумбу вѣрить не хотѣло~~
~~Оно гнилаго корабля~~

И отказать ему посмѣло.
 Тотъ Галилей, кѣмъ былъ изъ тьмы
 Міръ цѣлый двинуть въ царство свѣта.
 Тотъ славный Галилей за это
 Едва не сгнилъ во мглѣ тюрьмы.
 Великій Дантъ, чьей славной тѣни
 Досель дивится міръ земной,
 Былъ осужденъ вѣтъ хлѣбъ чужой,
 И чуждыя топтать ступени.

А этотъ мученикъ святой
 Слѣпой гордыни феодалной,

Иль темное еще—усвоить,
На это люди мудрецы!...

«Тевтоновъ край, —теперь край знаній, —
Но прежде, въ старину, и ты
Желалъ однѣхъ завоеваній,
И обладанья суеты!
Твои князья не понимали
Судебъ страны своей родной,
И нѣсколько вѣковъ искали
Свой край — въ Италиі чужой.
Не разъ, во дни ты увлеченья,
Не разъ собиралъ имъ ополченья,
Подъ свѣтлымъ знаменемъ Христа,
Для избавленія креста;
Но чѣмъ же, чѣмъ вознаградили
Тебя побѣды всѣ твои?
Что дали Валленштейны, Тилли,
Могуществу твоей земли?
Иль на кого ты намъ укажешь
Изъ императоровъ твоихъ?
Что славнаго теперь расскажешь
Про громкое правленье ихъ?
Опрічь двоихъ твоихъ Оттоновъ,
Иосифа и Фрица, —свѣтъ
Напрасно посреди ихъ троновъ
На чемъ нибудь свой ищеть слѣдъ.
Другіе нравы и влеченья, —
Разбой, развратъ, кровосмѣшенья,
Кой гдѣ, на счетъ страны, турниръ
Иль императору же пиръ;
Версаль нѣмецкій и картины,
Прелестницы, болота тины, —
Вотъ все, чѣмъ нѣкогда полна
Была Германіи страна.

«Но кто тотъ юноша межъ ними,
Красавецъ тѣломъ и душой,
Въ бронѣ, съ кудрями золотыми,

И съ окровавленной главой?
 То вѣтъвь изъ Габсбургскаго дома,
 То благородный Конрадинъ!
 Рожденный также для погрома,
 Какъ истый, юный паладинъ,
 Онъ прибылъ, полный жизни, славы,
 Исвать наслѣдственной державы
 Въ Италію,—и тамъ сложилъ
 Главу на плахѣ. Рокъ скосилъ
 Его въ веснѣ еще цвѣтущей.
 Пришлецъ другой страны могучей,
 Почти младенецъ путь нашелъ
 Прямѣй, на спорный тотъ престолъ;
 Но и его не пощадила
 Судебъ невидимая сила,—
 Такъ онъ непрочень, шаткіи кровь,
 Чужихъ престоловъ и вѣнцовъ!
 «А что же видѣли мы нынѣ,
 Въ заатлантической пустынѣ?
 Не тотъ ли жъ блѣдный Конрадинъ,
 Лишь въ образѣ Максимильяна,
 Глядитъ на насъ изъ за пучинъ
 Вольнолюбивыхъ Океана?...

«О край науки, всѣмъ родной,
 Позднѣй ты понялъ жребій твой!
 Замкнутый самъ въ себѣ издавна,—
 Отъ Запада странною славной
 Французскихъ рыцарскихъ королей.
 Съ Востока—возроставшей силой
 Могучихъ сѣверныхъ людей,
 Безъ моря и безъ кораблей,
 И съ конституціей, столь хилой,
 Что лишь могла кормить князей,—
 Чтобъ совершилъ ты для народа
 Въ тюрьмѣ готической твоей,
 Когда бъ широкая свобода
 Не окрылила разумъ твой

На поиски благаго свѣта;
 Когда-бъ тебя твой духъ благой
 Не засадилъ въ глубь кабинета,—
 Отколь ужъ Фаусты твои
 Вращали силами земли?...

«Но ты, край истый просвѣщенья,
 Ты понялъ вѣрно назначенья
 Судьбы возвышенной твоей!
 И твой успѣхъ послѣднихъ дней
 Намъ довазаль, что блескъ престола,
 Величье прочное страны,
 Успѣхи самыя войны,
 Даетъ народу—его школа.
 Прошло съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ,
 Какъ озарилъ Европу свѣтъ;
 Но долго было убѣжденье,
 Что для народовъ просвѣщенье,—
 Источникъ бѣдствій лишь и золь;
 Но здравый разумъ твой нашель,
 Что свѣтъ—народное есть знамя,
 И только тотъ силенъ народъ,
 Въ комъ загорѣлось это пламя,—
 Лишь можетъ онъ идти впередъ!

«О мрачный Карлъ! *) и въ ослѣпленьи,
 Что полземли въ твоёмъ владѣньи,
 Ты собирался задушить
 Твоей тяжелой багряницей,
 Край этотъ мысли, раздавить
 Его побѣдной колесницей;
 Ты думалъ запереть умы
 Подъ своды тѣсныя тюрьмы,
 Куда упряталъ ты духъ темный
 Твоей страны, когда-то вольной;
 Ты думалъ заковать въ цѣпяхъ,
 Сдержатъ на привязи народы,

*) Карлъ V.

Гдѣ разгорѣлся огонь свободы
 И ясный свѣтъ блеснулъ въ умахъ;
 Ты ждалъ, срубивши два, три дуба,
 Тебѣ стоявшихъ на пути,—
 Ты лѣсу запретишь расти!....
 Но какъ бы ни былъ отлить грубо
 Святой свободы идеаль,—
 Богъ не затѣмъ народамъ далъ
 Сей даръ, чтобы властитель встрѣчный
 Ломалъ законъ Его предвѣчный,—
 Гдѣ нѣтъ въ запасѣ ничего,
 Чтобъ лучшимъ замѣнить его!..
 Тамъ, мысль гдѣ разъ пустила корни
 Въ душѣ народной,—тамъ народъ
 Не устрашится гнусной бойни,—
 Но смѣло онъ пойдетъ впередъ.
 И вотъ примѣръ! Въ борьбѣ неравной,
 Гдѣ ты съ державной, высоты
 Могъ смять его духъ своеправный,
 Бѣжалъ не онъ,—но первый ты!

«И все таки, ни споръ напрасный,
 Ни вѣщій голось дней былыхъ,
 Не вразумилъ духъ самовластный
 Слѣпыхъ преемниковъ твоихъ.
 Повсюду свергнутый въ далекой
 Германіи, ему чужой,—
 Духъ этотъ гордый и жестокий
 Налегъ на свой народъ родной.
 Чтожь случилось съ ващею страной,
 Что провидѣнье вамъ вручило,
 Гдѣ солнышко не заходило
 Во время оно?—Мракъ глухой
 Спустился на ея народы,
 И край вашъ сильный, молодой,
 Край, полный всѣхъ даровъ природы,
 Въ сонъ погрузился гробовой.

«Страшась въ странѣ своей разсвѣта
 Свободной мысли, чуждой вамъ,

Несчастный Тассъ?... Кто незнакомъ
 Съ его судьбою, столь печальной?
 И онъ, — какимъ нибудь князьбомъ,
 Умѣ казни не нашедшимъ,
 Провозглашенъ былъ сумасшедшимъ!

«Но просвѣщенъя свѣтъ благой,
 Онъ шелъ своею чередой.
 Ты зришь младыя эти тѣни, —
 По нимъ едва скользить лишь свѣтъ,
 И въ нихъ особеннаго нѣтъ, —
 Онѣ богамъ тѣмъ поколѣни;
 Но это полкъ передовой
 Еще науки молодой,
 Тѣ Розелины, Сень-Бернарды,
 Жильберты, Скотты, Абеллярды,
 Что проложили путь собой
 Жрецамъ науки уже зрѣлой,
 Потомъ наполнившей міръ цѣлымъ,
 И поразившей гордый Римъ,
 Его жъ оружіемъ роковымъ.

«Такъ просвѣщенъе, даръ нетлѣнный,
 Есть достояніе вселенной!
 Блеснулъ онъ надъ одной страной, —
 И скоро заблеститъ въ другой.
 Германію еще въ то время
 Давило общее всѣмъ бремя, —
 Феодализмъ, сей бичъ умовъ;
 Въ ней не было еще дворцовъ
 Великолѣпныхъ Медицисовъ,
 Ни галлерей роскошныхъ Сиестовъ,
 Ни знаменитыхъ ихъ пѣвцовъ,
 Ни средствъ всемірныхъ Ватикана;
 Весь край имѣлъ снаружи видъ
 Еще воинственнаго стана;
 Но юный духъ ея спѣшитъ
 Наукѣ въ встрѣчу возрожденной, —
 И вѣщій гласъ страны гремитъ

Передь Европой изумленной.

«Здѣсь мощный духъ ея сковаль
 Перуны тѣ, предь кѣмъ упаль
 Кумирь языческаго міра,
 Богъ удалства, сей богъ Омира,
 Не смытый кровію Христа
 Съ отважныхъ витязей креста,—
 Тотъ громъ, что разгромилъ твердыни
 Вассаловъ дерзкихъ и князей,
 И собралъ ихъ, ничтожныхъ нынѣ,
 Вокругъ законныхъ королей. *)
 Здѣсь Майнца гражданинъ свободный
 Впервые поднялъ стягъ народный,—
 Стальные крылья тѣ, на комъ
 Мысль облетѣла край ихъ сонный,
 И изъ скиталицы бездомной
 Всемирнымъ стала божествомъ. **).
 Здѣсь, въ скромной кельѣ, загорѣлась
 Свободы первая заря; ***)
 Отсель надъ Римомъ разразилась
 Гроза Небеснаго Царя....

«Вотъ онъ, свершитель этотъ мщенья,
 Предь кѣмъ палъ духъ порабощенья!
 Простая раса на плечахъ,
 Какъ знаменье его обѣта,
 И книга новаго завѣта
 Въ его недремлющихъ рукахъ,—
 Единый мечъ его въ бояхъ
 Съ царемъ духовнымъ полусвѣта.
 Споръ раньше начатъ былъ; и рать
 Давно,—Валдейцевъ, Таборитовъ,
 И Альбоинцевъ, и Гусситовъ,
 Пыталась міръ на Римъ поднять;

*) Изобрѣтеніе пороха.

***) Изобрѣтеніе книгопечатанія.

***) Ученіе Лютера.

Но силенъ былъ еще Римъ славный
 И скиптръ его самодержавный;
 Его священно-грозный видъ
 Оледенялъ весь Западъ страхомъ....
 Но только поднялъ сей Давидъ
 Свой мѣткій пращъ надъ Голиафомъ,
 Въ виду тѣхъ доблестныхъ дружинъ,—
 И рухнулъ грозный исполинъ;
 И двинулись впередъ народы
 На утѣснителя свободы,
 И растворилися тюрьмы,
 Гдѣ спалъ, въ оковахъ, юный геній,
 И перекликнулись умы,
 И раздался звукъ пѣснопѣвнй....

«О просвѣщенье! Еслибъ ты,
 Какъ золотое дня свѣтило,
 Восшедши разъ, не заходило
 Опять въ пучину темноты,
 Сіяло бъ намъ, не померкая;
 Какъ много бъ сдѣлалъ мѣръ земной,
 И какъ давно бы свѣтъ благой
 Всю землю озарилъ собой,
 До отдаленнѣйшаго края.
 Но, нѣтъ!—Твой каждый яркій лучъ
 Мрачатъ тотчасъ же гряды тучъ;
 Ты, какъ барометръ у вселенной,—
 Все на погодѣ перемѣнной;
 Одинъ день ясенъ сводъ небесъ,
 Но въ слѣдъ, года поры ненастной,
 И градъ, и снѣгъ весною красной....
 Иль ты похоже на тотъ лѣсъ,—
 Тотъ лѣсъ безвыходный, пустынный,
 Куда зашелъ пѣвецъ твой дивный,
 Съ прямаго сбившия пути. *)?
 Давно въ лѣсу томъ мѣръ блуждаетъ.

*) Дантъ. (См. начало Божественной комедіи).

И жаждетъ путь прямой найти;
 Но мракъ глубокій натываетъ
 Его на тропочки однѣ,—
 И тѣ смелись одна съ другою.
 Какой онъ ни пойдетъ тропою,
 А все выходитъ къ глубинѣ
 Пучины мрачной и безвѣстной,
 Гдѣ слышенъ вѣчности лишь стукъ,
 И все слилось въ единый звукъ;
 А надъ главою лишь сводъ небесный,—
 То сумрачный, то весь въ лучахъ,
 Въ безмолвныхъ горнихъ высотахъ.

«Чѣмъ не платился міръ пытливый
 За каждый шагъ нетерпѣливый?...
 А сколько времени прошло,
 И сколько тщетныхъ жертвъ легло,
 Съ тѣхъ поръ, какъ челоуѣка геній
 Вступилъ на путь благихъ стремлений;
 Повуда Гершель, великанъ
 Науки, посмотрѣлъ движенье
 Небесныхъ звѣздъ, и внесъ счисленье
 И лотъ, въ небесный океанъ;
 Иль Эренбергъ открылъ Европѣ,
 Въ своемъ блестящемъ телескопѣ,
 Невидимый для глазъ простыхъ,
 Міръ инфузорій подвижныхъ!....
 Но что же знанье это значитъ
 Предъ тѣмъ, чего не знаемъ мы?
 Кого въ нашъ вѣкъ не озадачить,
 Что мы понинѣ въ мірѣ тьмы?
 Отважно мы предположенья
 Изъ бездны черпаемъ вѣковъ;
 А не имѣемъ, въ утѣшенье,
 Еще лѣкарства отъ зубовъ.
 Нашъ вѣкъ, въ открытыяхъ, точно, силенъ;
 Но счетъ нашъ истинъ,—необилень.
 Мы чаще судимъ, какъ слѣпцы:
 Но чтобъ гипотезу построить,

Едва не залилъ сей потокъ,
 Что несся, диво-величавый,
 Смывая страны и державы,
 И угрожая крестъ святой
 Стереть двурою луной?..

«Такъ часто, безпокойный геній
 Въ слѣдъ оставляетъ за собою
 Вѣка безплодные волненій;
 Но праздна толпа бѣгутъ
 На зовъ его, все сокрушая,
 И сами подлинно не зная,—
 Зачѣмъ ихъ и куда ведутъ!

«Такъ вы, народы, большей частью
 Еще игрушки вы, въ рукахъ
 Тѣхъ исполиновъ, что, въ несчастію,
 Къ вамъ сходятъ, чуть не въ облакахъ,
 Чтобъ вы ихъ больше уважали!
 Какъ рьяныхъ, боевыхъ коней,
 Они знудали васъ, сѣдлали,—
 И васъ, по прихоти своей,
 Куда хотѣли погоняли....
 Въ чемъ слава тутъ? Не льститесь ей!
 Вся ваша слава—что успѣли
 Вы этихъ ѣздоковъ поднять,
 И вашей силы не жалѣли,
 Чтобъ на спинѣ своей сдержать;
 Что облетѣли вы конями,
 Подъ шпорами и шенкелями,
 Полсвѣта,—и паслись потомъ
 Съ наложеннымъ на васъ тавромъ.

«Немного славы есть народной,—
 Той славы, гдѣ блещитъ свободный,
 Врожденный духъ самой страны;
 Гдѣ самъ народъ встаетъ собою,
 Становится родной семьею;
 Гдѣ, какъ одной земли сыны,
 Всѣ одинаково полны

Къ ней безкорыстною любовью,
 И истинно готовы кровью
 Залить пожарище войны!
 Той дивной славы, чье свѣтило
 Край Вашингтона озарило;
 Что окрыляла на враговъ
 Элады доблесныхъ сыновъ,
 Или такъ ярко освѣтила
 Святыхъ стѣны и главы,
 За Русь пылающей, Москвы!

«Но не таковъ тотъ духъ свободы,
 Гдѣ подымаетъ онъ народы
 Не силой нравственной своей,
 А честолюбіемъ вождей;
 Гдѣ вожаки, разрушивъ троны,
 И взволновавши край родной,
 Не знаютъ дѣлать что съ собой,—
 Гдѣ гордые Наполеоны
 Кладутъ ихъ въ пушечный зарядъ,
 А край влекутъ, куда хотятъ!

«Шель Магометъ, какъ вихрь летучій,
 Пустынныя вздымая тучи,—
 Наѣздникъ дерзвѣй и крутой,
 Сумѣвній, вѣщей силой слова,
 Взнуздать коня себѣ степнаго,
 И облетѣть съ нимъ міръ земной,
 Гдѣ не было ничто готово
 Сдержать бичъ этотъ роковой.
 Но пусть онъ—Моисей пустыни,
 А все, ученье его—тьма!
 Разбой,—вѣнецъ его святыхъ;
 Весь кругозоръ его,—тюрьма!

«А были люди,—люди свѣта,
 Ума,—поклонники креста,
 Что ставили ученье это
 Не ниже истины Христа!... *)

*) Между прочимъ, историкъ Гиббонъ.

«Но пусть и здѣсь есть также время
 Благого чувства, сильныхъ рукъ,—
 И въ тощей почвѣ видно сѣмя
 Какъ бы раждавшихся наукъ;
 И здѣсь есть также Саладины,
 Есть Алрашидъ, Рашидъ-эд-дины,
 Есть Авиценны, Аверрой,
 Фирдуси, ихъ поэтъ-герой...
 Вы помните, послы Царыграда,
 Какъ нѣкогда, въ стѣнахъ Багдада,
 Васъ принималъ, на ступеняхъ
 Мечети, сонмъ халифовъ праздныхъ,
 Сидѣвшихъ въ рубищахъ раздранныхъ;
 Какъ ваши лбы склонялись въ прахъ,
 И съ вашимъ деспотомъ вѣнчаннымъ,—
 Предъ этимъ рубищемъ разданнымъ!...
 Иль не мудрецъ ли лучшихъ странъ,—
 Маститый ихъ, Абдалраманъ?
 Вотъ что онъ, съ жизнью на прощаньи,
 Въ своемъ оставилъ завѣщаньи,
 Какъ бы напутствуя сей свѣтъ:
 «Царемъ я шестдесятъ былъ лѣтъ,
 Достигъ до старости глубокой,
 Имѣлъ испытанныхъ друзей,
 Враги держались насъ далеко,
 Дрожа предъ силою моею;
 Но, прослѣдивъ дни прожитые,
 Успѣхи, радости былые,
 Я въ жизни насчиталъ своей,—
 Четырнадцать счастливыхъ дней.»

«О еслибъ, князи христіянства,
 И вы подобный счетъ вели
 Всѣмъ яснымъ днямъ своей земли,
 И днямъ насилья и тиранства;
 Сколькихъ бы, можетъ, слезъ и бѣдъ
 Избавился нашъ бѣлый свѣтъ!...

«Но вѣра темная пророка

Лишь возмутила дно потока,
 Но не пробила вглубь русла;
 Дать жизнь—та вѣра не могла!
 Рожденная въ странѣ разбоя,
 Она, какъ вешняя вода,
 Прошла, заглохнувъ безъ слѣда,
 Не подаривъ землѣ покоя.
 Какой могъ плодъ произрасти
 На дикой почвѣ сей, бесплодной?
 Какой могъ геній благотворный
 Науки сѣмя разнести
 По царству мрака и крушенья?
 Не самъ ли царственный Коранъ
 Гналъ свѣтъ изъ своего владѣнья,
 И сѣялъ, среди новыхъ странъ,
 Лишь сѣмя темнаго ученья?
 И не поблекла ли подъ нимъ,
 Какъ злакъ, подъ камнемъ гробовымъ,
 Едва оставшиися въ поминѣ,
 Сама поэзія пустыни? ³³⁾

«Что просвѣщенью создалъ онъ?
 Какое бросилъ знаній сѣмя?
 Что сдѣлалъ, въ долгое столь время,
 Среди подвластныхъ онъ племень?
 Рядъ цѣлый царственныхъ тирановъ,
 Изнѣженныхъ съ пеленъ сутановъ
 И кровожадныхъ ихъ пашей,
 Учившихся, какъ имъ ловчѣй,
 Для лучшаго пищеваренья,
 Снимать главы рабовъ своихъ,
 Связавъ сперва попарно ихъ, *)
 Иль жечь гауровъ, для спасенья!..
 Что далъ онъ хоть другимъ странамъ?
 Кого?—Омаровъ, Чингисхановъ,
 Иль Баязетовъ, Тамерлановъ?....
 Что обѣщаль своимъ рабамъ?—

*) См.: того же Гиббона.

Вы растеряли по частямъ
 Имперію, почти въ полсвѣта;
 А здѣсь самъ доблестный народъ,
 Порывомъ движимый свободнымъ,
 Санъ императора даетъ
 Своимъ владавцамъ благороднымъ!
 Тотъ край, что скипетромъ своимъ
 Хотѣли сдѣлать вы машиной,
 Чтобъ властвовать въ немъ вамъ однимъ
 Съ жестокой вашею дружиной,—
 Тотъ край желаетъ самъ собой
 И требуетъ соединенья
 Въ одинъ народъ, для утвержденья
 Своей же воли дорогой!
 Тотъ край, въ тяжелую годину
 Готовъ собраться самъ въ машину,
 Въ картечницу, въ строй боевой,
 Въ простой ландвертъ, во что угодно,
 Чтобъ защитить народъ родной...
 Но это дѣлаетъ свободной—
 Затѣмъ, что знаетъ напередъ,
 Что въ этомъ—долгъ его народный;
 Что въ этой машинѣ свободной—
 Все тотъ же мыслящій народъ!
 Кто жъ поднялъ такъ его?—Какъ это
 Онъ выросъ?... Отъ того же свѣта,—
 Что гнали вы, — что обрекли
 Проклятью, предъ лицомъ земли.

«О родъ славянъ вольнолюбивый!
 Вотъ наша слабая пята,—
 Вотъ та граничная черта,
 Что духъ замкнула вашъ строптивый,
 И держитъ искони насъ дней
 Въ опеку чуждыхъ намъ людей.
 Пусть вашихъ странъ разьединенье
 Васъ въ руки предало враговъ;
 Но еслибъ наше просвѣщенье

Не спало длинный рядъ вѣковъ, —
 Давно иное очертанье
 Имѣлъ бы Западъ въ наши дни,
 И мы бы знали не одни
 Про это славное призванье,
 Что назначали вамъ судьбы,
 Когда вы были господами
 Надъ Полуночными морями,
 И вашей доблестной борьбы
 Былъ слышенъ громъ, отъ Лабы славной
 До Тибрскихъ дальнихъ береговъ;
 Когда полки вашихъ сыновъ
 Встрѣчалъ со страхомъ Римъ державный.

«Гдѣ жъ нынѣ тотъ славянскій міръ,
 Тотъ міръ торговый, міръ богатый,
 Былой Германіи кумиръ?
 Гдѣ вѣщій геній тотъ крылатый,
 Что оживлялъ тогда страну,
 Сбиралъ въ мигъ цѣлыя дружины,
 Лилъ злато въ храмы и въ кутины,
 И создалъ первую Ганзу?...
 Когда васъ Нѣмцы побѣдили,
 Что ваши сдѣлали князья?...
 Они изъ первыхъ измѣнили, —
 И онѣмечилась земля.
 Для нихъ ужъ низки и незнатны
 Родныя стали имена;
 И вашъ языкъ, и старина,
 Давно бѣ погибли безвозвратно,
 Когда бы доблестный народъ
 Ихъ вновь не выдвинулъ впередъ.

«Но неужель вашъ духъ свободный
 И ваша жаркая любовь
 Къ отчизнѣ, гдѣ въ семьѣ народной
 Еще течетъ Забоевъ кровь
 И Шишки не исчезло знамя;
 Неужли этотъ духъ и пламя —
 Со славой не закончатъ споръ,

Что начать вамъ съ колыбели?..
Иль нужны цѣпи снѣжныхъ горъ
И непремѣнно Вильгельмъ-Тели,
Чтобъ побѣдить? Иль былъ сильнѣй
Эгмонтовъ край въ борьбѣ своей?...

«Другіе дни, другое время!
Пропущенъ цѣлый рядъ вѣковъ...
Предъ вами не одно ужь племя
Стоитъ воинственныхъ враговъ;
Но цѣлый Западъ просвѣщенный.
Чѣмъ оградить противъ него
Себя вашъ родъ поработченный?
Онъ знать не хочетъ ничего,
Про ваши долгія страданья,
Народность вашу, упованья;
Предъ просвѣщенемъ всѣ равны...
Оно лишь врагъ племенъ отставшихъ
Или народовъ запоздавшихъ;
Оно врагъ даже и войны,
Его держава невидимо
Растетъ, никѣмъ неодолима, —
И побѣждаетъ не мечемъ,
Но тѣмъ божественнымъ жезломъ,
Что лишь владѣеть просвѣщенье;
Мечъ, — лишь кончаетъ пораженье.

«Зачѣмъ Германія война
Теперь съ славянскими землями?
Зачѣмъ ты, Фридриховъ страва,
Лить будешь кровь твою рѣками,
Чтобы бороться тебѣ съ нами?
Когда давно сыны твои
Идутъ толпой въ нашъ край обширный,
И расселяются въ немъ мирно,
Какъ среди родственной семьи?
Не лучше ль эти пионеры
И мирные миссіонеры,
Для выгодъ собственныхъ твоихъ, —

Не лучше ль браней роковых?...
 Ихъ мягкій натискъ, безъ помѣхи,
 Не легче ли сулить успѣхи,—
 Хотя и продлится больше лѣтъ?
 Что можемъ мы противопоставить,
 Чтобъ ихъ давленіе ослабить?—
 Одно лишь,—нашъ народный свѣтъ;
 А гдѣ же онъ?—Его и нѣтъ!
 «Да, свѣтъ!... Теперь въ немъ все спасенье;
 Лишь только съ нимъ царя земли
 Спасутъ народности свои,
 И вступятъ въ общее движеніе.
 Лишь онъ народъ нашъ сохранить
 Отъ новаго порабощенія,
 И самъ собою разрѣшить
 Всѣ наши прежнія сомнѣнья.
 Теперь нѣтъ въ мірѣ никого,
 Кто погасить бы могъ его,
 Иль возрожденные народы,
 Лишить ихъ нравственной свободы.
 Пускай же умный нашъ народъ
 Къ нему послѣдніе идетъ!
 Иль пусть успѣхами своими
 Не отстаетъ передъ другими;
 Затѣмъ, что свѣтъ не пощадить,
 Ни тѣхъ, кто ждетъ,—ни тѣхъ, кто спитъ!

«Народовъ въ мірѣ очень много,
 И каждому своя дорога;
 Но просвѣщенія цѣль одна,—
 Всѣхъ счастье. Но пока она
 Орудьемъ будетъ сокровеннымъ
 Народныхъ хитрыхъ вожаковъ,—
 Міръ не избавится оковъ.
 И алкоранъ зовутъ священнымъ,
 И Магометъ инымъ—пророкомъ!...
 И всю Европу,—и давно ли?—
 Столѣтій нѣсколько,—не болѣ,

По смерти,—жаркія объятія
 Красавиць, вѣчно молодыхъ,
 А въ жизни,—стоны и проклятія
 Подвластныхъ странъ, но имъ чужихъ.
 И вѣрой той они довольны,—
 И сладко спятъ въ гаремахъ ихъ,
 Невозмутимы и спокойны!
 А тамъ, гдѣ нѣкогда прошли,
 Какъ ихъ Самумъ, они по свѣту,—
 Тамъ никогда не быть разсвѣту,
 Въ странахъ, покорной имъ, земли!
 «Полміра было въ ихъ владѣнны,
 Была въ рывахъ ихъ и земля,
 И море, рощи и поля,—
 И все осталось въ заустѣнны...

«Науки судъ призналъ вполнѣ
 Виню этого—духъ вѣры,
 Ея бесплодность и химеры...
 Но что сказать о той странѣ,
 Гдѣ жизнь кипитъ, гдѣ просвѣщенье
 Имѣетъ полное значенье,
 Народъ въ главѣ,—а для страны
 Ни мира нѣтъ, ни тишины?...

«О Франковъ родъ славолубивый,
 Воинственный, но прихотливый,
 Всегда враждебный самъ себѣ,—
 Мы это видимъ на тебѣ!
 На что тебя не доставало?
 Куда народъ твой не бросало?...
 Всю жизнь кометою ты блистала,
 То удивляла, то устрашала.
 Гдѣ столько бурь, борьбы, сомнѣній,
 Разврата, славы, заблужденій,
 Отваги,—даже иногда
 Совсѣмъ ненужныхъ преступленій!
 Чья беспокойная звѣзда
 Надъ міромъ ярко такъ сіяла?

И что жь изъ этого всего
Твоя страна себѣ стяжала,
На долю счастья своего?

«Пусть край твой,—край былъ угнетенный,
Народъ,—всегда порабощенный
Подъ самымъ тягостнымъ ярмомъ
Честолюбиваго дворянства,—
Въ какомъ еще краю другомъ
Найдемъ блестящее столь барство,—
Увы, на твой народный счетъ!...
Но тягость эта не сломила
Вольнолюбивый твой народъ;
Гдѣ только можно ему было
Возстать,—народъ твой возставалъ,
И часто страшно отомщалъ
За вѣковыя утѣснѣнья.
И дождался онъ, наконецъ,—
Въ борьбѣ испытанный, боець,
Минуты полного отмщенья.
Такъ вообще народъ не разъ
Смолчить, когда его терзають;
Но лишь придетъ расчета часъ,—
Тогда народы не прощаютъ.
Ты знатнымъ также не простишь,—
Омывши кровью ихъ бывшее;
Ты началъ зданіе иное,—
Но что же ты соорудилъ?...
«Лишь тѣ великіе народы
Вполнѣ достойны ихъ свободы,
Что, не остынувши въ борьбѣ,
Рукой умѣють просвѣщенной,
Еще на почвѣ раскаленной,
Воздвигнуть лучший міръ себѣ.
Пусть въ дни народнаго отмщенья
Бываютъ часто умеченья,—
Исторія, свершивъ имъ судъ,
Дастъ рѣшенья непрямыя...
Кто спросить тучи громовыя,—

Зачѣмъ онѣ крушатъ и жгутъ?
 Иль наводненья роковыя,—
 Зачѣмъ, стремясь изъ береговъ,
 Напоръ ихъ водъ все разрушаетъ?...
 Но тамъ, народъ гдѣ истребляетъ
 Законъ, обычаи отцовъ,
 И всѣ родныя учрежденья,—
 Но только стихнулъ вихрь крушенья,
 Онъ начинаетъ вновь искать
 Оковъ,—мутитъ край безповойный;
 Тогда мы въ правѣ тутъ сказать:
 Народъ свободы недостойный!
 Ты принялъ трудъ не по себѣ;
 Не начинать бы ужь тебѣ!...

«Къ чему, скажи, свободы пламя
 Въ тебѣ, о Франція, горить?
 Тебѣ необходимо знамя;
 Безъ знамени твой край кипитъ,
 Какъ конь разнузданный,—напрасно
 Терзая грудь страны прекрасной.

«А сколько славныхъ королей
 Блестить въ исторіи твоей!
 Державный первый твой властитель,
 Съ тѣмъ вмѣстѣ твой и просвѣтитель;
 Онъ первый полководецъ твой,
 Онъ просвѣщенья былъ главой,
 Онъ свой любилъ народъ родной.
 Его дворецъ слылъ мирной школой,
 Гдѣ онъ слагалъ вѣнецъ тяжелый
 И бремя царственныхъ заботъ,
 И забывалъ свой царскій родъ.
 Вѣкъ Генриховъ, Францисковъ славныхъ
 И имъ подобныхъ королей,
 Не вѣкъ ли рыцарей вѣнчаныхъ
 И лучшихъ Франціи людей?...
 А эти рыцари,—Роланды,
 Годфриды, Дюнуа, Баярды?....

*

Въ какихъ еще странахъ другихъ
Найдешь хотя подобье ихъ?...

«А что дають они народу?
Народъ все также угнетенъ,
Все также ищетъ онъ свободу,—
И все затертъ, со всѣхъ сторонъ!...
Отвѣтствовать за край!.. Да, точно,
Носящихъ царственный вѣнецъ
Лишь умудряетъ самъ Творецъ;
Но къ ихъ несчастью, какъ нарочно,
Близъ самыхъ лучшихъ королей,
Достойныхъ мало таеъ людей!

«Неужели одинъ Карлъ пятый,
Хоть передъ смертью, разгадавъ
Сей, жребій, счастьемъ небогатый,
Когда, кончаясь, онъ сказалъ:
«Корона Франціи прекрасной,
Перль драгоцѣнный суеты!
Ахъ, какъ теперь жалка мнѣ ты,
По этой прелести опасной,
По этимъ мукамъ роковымъ,
Что ты въ себѣ для насъ вмѣщаешь;
По этимъ терніямъ златымъ,
Что духъ и тѣло намъ терзаешь.
О, еслибы впередъ это зналъ,
Что ты приносишь намъ съ собою;
То лучше бъ въ грязь тебя втопталъ,
Чѣмъ увѣнчалъ главу тобою!»...

«Да,—если бъ это зналъ впередъ
Царей властолюбивый родъ!...
Когда бъ онъ болѣе былъ близокъ
Къ народу своему... Но нѣтъ!
Ему твердятъ отъ юныхъ лѣтъ,
Что духъ народный слишкомъ низокъ;
Что онъ не въ силахъ разсуждать,
Ни жить разумно и спокойно;
Что мудрой власти недостойно
Съ него узду еще снимать...

Народъ французскій это видѣлъ
 И всей душою ненавидѣлъ
 Враговъ развитія своего.
 Что вся исторія его?..
 Иль притѣсненія, или волненія,
 Возстанія, смуты безъ конца:
 Но знать въ немъ видѣла глупца,—
 И поощряла угнетеніе.
 Волканъ все тлѣлъ,—и наконецъ,
 Волканъ извергнулъ огонь и пламя,
 И разъяренный тотъ глупецъ,
 Надъ краемъ поднялъ смерти знамя.

«О Людовикъ! Твой часъ пробилъ,
 И ты, исполненный любовью,—
 Ты первый же низвергнуть былъ
 Въ жерло, затопленное кровью.
 Но бездна вырыта давно
 Была отцовъ твоихъ руками;
 Тебѣ же, высшими судьбами
 За нихъ расчестья суждено.

«Ты помнишь, разъ, во время оно,
 Въ тѣ дни далекіе, когда,
 Какъ лучезарная звѣзда,
 Блестала Франціи корона,—
 Марсель, съ народною толпой,
 Ворвался во дворець къ дофину,
 Чьимъ фаворитамъ той порой
 Народъ приписывалъ причину
 Прискорбныхъ тягостей своихъ.
 —Не бойтесь, sige! вскричалъ онъ принцу,
 А вы, друзья, кончайте ихъ!—
 И въ тотъ же мигъ, его любимцу
 Часъ грозный смерти прозвучалъ.
 Дофинъ не вынесъ сцены страшной,
 И на полъ въ обморокъ упалъ.
 Прикрывши шапкой его красной,
 Марсель молодого принца спасъ;

Но этою эгидой васъ
 Онъ посвятилъ богамъ подземнымъ...
 Край шелъ порядкомъ неизмѣннымъ,—
 Конецъ вашъ лишь отложенъ былъ;
 Но родъ твой это позабылъ,
 И палъ подъ местию народной.

«А стала ли страна свободной?
 Нѣтъ!... Лишь явился человекъ,
 Прославленный на ратномъ полѣ,
 Край покорился его волѣ;»
 Народъ съ восторгомъ встрѣтилъ вѣкъ,
 Еще невиданной имъ, славы,
 Завоеваній и побѣдъ,
 Чуть не всемірной блескъ державы,
 Что удивляла цѣлый свѣтъ;
 И въ этомъ сладкомъ упоеньи,
 Свое ярмо благословилъ,—
 И о свободѣ позабылъ.
 И только лишь, по пробужденіи,
 Когда онъ былъ всего лищенъ,
 Онъ увидалъ, что то былъ сонъ,
 И что за этотъ блескъ и славу,
 За ту всемірную державу,
 Онъ заплатилъ, ничѣмъ инымъ,
 Какъ благоденствіемъ своимъ.

«Взгляни, вотъ онъ, кумирь народный,
 Тотъ гордый Кесарь нашихъ дней,
 Крушитель дерзкій и холодный
 Республикъ, царствъ и королей!
 Вотъ онъ, какъ былъ,—въ той шляпѣ славной,
 Какъ бы изъ бронзы изваянный,
 И въ этомъ сѣромъ сюртукѣ,
 Что знали всѣ и вдалекѣ....

«Герой и деспотъ ненасытный!..
 Когда Европу онъ громилъ,
 Какому Богу онъ служилъ?...
 Но міръ проникъ его духъ скрытный;
 Міръ зналъ, что въ страшной той борьбѣ

Онъ служить самому себѣ.
И все-таки, онъ былъ кумиромъ
Безпечной Франціи!... И онъ
Надѣялся, предъ цѣлымъ міромъ,
Упрочить свой воровавый тронъ!...

«Но нѣтъ! Блескъ славы не стираетъ
Ни капли крови дорогой,
Что такъ бесплодно проливается,
Герои, геній вашъ земной!
И полководецъ величавый,
И Божій бичъ, отчетъ дадутъ,
За каждый листъ въ вѣнцѣ ихъ славы;
Судь близкихъ вамъ, — пристрастный судъ!

Чего не могъ ты, битвы геній,
Свершить, не зная поражений,
Держа въ рукахъ своихъ судьбы
Европы цѣлой, въ дни борьбы?...
Но ты свершилъ ли назначенья,
Что на тебя Богъ возлагалъ? —
Нѣтъ, только славы ты искалъ,
И странъ чужихъ порабощенья.
Ты позабылъ, что самъ Творецъ
Въ нихъ засвѣтилъ свободы пламень, —
И Онъ взялъ мечъ твой и вѣнецъ,
И раздробилъ ихъ въ прахъ о камень!

«Но франковъ озарилъ ли свѣтъ?
И проигравъ въ той лотерей,
Затихла Франція, иль нѣтъ?...
Нѣтъ! Ничего вновь не жалѣя,
Она взяла опять билетъ.
Теперь, обманутая снова,
Что дѣлаетъ она? Народъ
Въ волненіи, — она готова
На все, — авось ей повезетъ!
Не знаетъ только что ей надо, —
Какой билетъ ей лучше взять.

«Такъ гдѣ страна волненьямъ рада,

Гдѣ у руля слѣпая рать,
 Гдѣ жизнью самага народа
 Не разработано вполнѣ
 Его правленье; тамъ въ странѣ
 Еще не можетъ быть свобода;
 Тамъ духъ лишь партій и крамолъ,
 Однѣ утопіи, безъ цѣли,
 Непримѣнимыя на дѣлѣ,—
 Иль претенденты на престолѣ.
 Свобода тамъ лишь, гдѣ сознанье,
 Народное самобладанье;
 А гдѣ напрасенъ опытъ лѣтъ,
 Тамъ не было ея, и нѣтъ.

«Одинъ тиранъ исчезъ въ изгнанья,
 Другой приходитъ,—въ притязанья
 На тотъ же тронъ. Ничто урокъ
 Ему недавній; онъ не видитъ,
 Что власть его—край ненавидитъ,
 Что грозный тяготѣетъ рокъ
 Надъ жаднымъ, хищнымъ его родомъ....
 Но чудно!—Знали всѣ впередъ,
 Что будетъ избранъ онъ народомъ,—
 Что этотъ суетный народъ
 Подастъ ему самъ багряницу,
 И, затаивши въ сердцѣ боль,
 Въ его впряжется колесницу.
 Онъ начинаетъ свою роль,
 Дивя всѣхъ ловкою игрою,
 И самъ смѣется надъ странною.
 Никто не зреть, что великанъ
 Морочитъ, края не жалѣя;
 Но Рокъ ждетъ часа,—и Седанъ
 Разоблачаетъ въ немъ пигмея.
 Народъ самъ видитъ, наконецъ,
 Что это не была свобода;
 И все таки, вождамъ народа
 Вновь нуженъ бичъ или вѣнецъ.
 Теперь, кто въ будущемъ провидитъ,

Иль доживетъ до этихъ лѣтъ,
 Когда край отдохнетъ,—увидитъ,
 Какой вновь вынетъ онъ билетъ?..

«Но вотъ еще народъ предъ нами,
 Какъ бы назначенный судьбой
 Жить жизнию совсѣмъ иной,
 Передъ сосѣдными странами;
 Народъ, особенный отъ нихъ,
 Упорный, мыслящій, надмѣнный,
 Свободный гражданинъ вселенной,
 Властитель, царь морей земныхъ...
 Куда не заносилъ онъ дани?
 Съ какихъ народовъ не бралъ дани,—
 Рѣшивъ, что все на свѣтѣ тлѣнь,
 Опричь владычества и злата?..
 Смирися, древній Карфагенъ,
 Предъ славой твоего собрата!

«Кто-жь, славный край, тебя устроилъ?
 Какая сила твой народъ
 Такъ мощно двинула впередъ?
 Отколь свободу ты усвоилъ,
 Что не далась другимъ странамъ?
 Кто разработывалъ условия
 Свободы этой?.. Ты же самъ,
 Иль лучше, всѣ твои сословья,—
 Упрочивъ въ тягостномъ бою
 Самостоятельность свою.

«А гдѣ, казалось, меньше данныхъ
 Для этихъ подвиговъ, столь славныхъ?
 Какая лѣтопись мрачнѣй
 Родной исторіи твоей?
 Гдѣ было столько недовольныхъ,
 Раздоровъ, партій безпокойныхъ?
 Гдѣ столько темныхъ королей
 Сошло не иначе со сцены,
 Какъ павши жертвою измѣны,
 Или оставивъ за собой

Весь край охваченный войной?
 Гдѣ были шатки такъ законы?
 Гдѣ власть искала обороны
 Въ рукѣ такъ часто палача?..
 Но ты нашелъ исходъ свободный
 Изъ этой тяготы народной;
 Ты дѣло велъ не съ горяча;
 Тебѣ духъ незнакомъ мечтаній
 И суетныхъ завоеваній;
 Цѣль даже внутренней войны
 Была—единство лишь страны.
 Знать, выяснивъ свои условия,
 Сбирала прочія сословья,
 И съ ними, двигала народъ
 Самоувѣренно впередъ.
 Росла твоя младая сила,
 Не молодечествомъ слѣпымъ
 И не вмѣшательствомъ чужимъ;
 Сама страна ее сложила,
 Руками доблестныхъ мужей
 И силой нравственной своей;
 Достигъ ее народъ борьбою,
 Борьбой упорною, крутою;
 Край неуклонно шелъ впередъ,
 Но подвигался постепенно;
 Чего хотѣлъ достичь народъ,
 Того онъ достигалъ навѣрно,—
 И этой стойкостью въ борьбѣ
 Онъ создалъ вольный край себѣ.

«Средь Фоксовъ, Питтовъ, Пальмерстоновъ,
 Быть не могло Наполеоновъ!
 Твой тавтъ народный не искалъ
 Тебѣ пустой, воинской славы,
 Ни блеска міровой державы;
 Торговый духъ твой предызбралъ
 Путь положительный, примѣрный,
 Ко славѣ и въ добычѣ вѣрной;
 Ты шелъ туда, гдѣ видѣлъ цѣль

Для своего лишь возвышенья.
 Лишь у тебя во дни боренья,
 Родиться строгій могъ Кромвель,
 Какъ самъ же ты, невозмутимый,
 И какъ судьба, неумолимый...
 Лишь только онъ одинъ тебѣ
 Помочь въ тяжелой могъ борьбѣ
 Съ минувшимъ,—твердою рукою
 Пробрить путь новый предъ тобою.

«Несчастный Карлъ! Злой рокъ нанесъ
 Корабль твой на этотъ утесъ...
 Но ты, плывя противъ теченья,
 Былъ долженъ знать, что впереди,
 На этомъ бурномъ ждетъ пути
 Часъ неминуемый крушенья.
 Тотъ кроткій Людовикъ,—онъ плылъ
 По крайней мѣрѣ въ слѣдъ за вѣкомъ;
 Но у него не стало силъ,
 Чтобъ стать царемъ надъ челоуѣкомъ;
 Онъ уповалъ на свой народъ,
 И съ нимъ попалъ въ водоворотъ...
 Но ты, въ борьбѣ твоей свободной,
 Искалъ лишь выгоды свои;
 Ты противъ силы шелъ народной,
 Къ безславію своей земли;
 Твоей душѣ страна чужая
 Была святѣй роднаго края;
 Ты даже Богу далъ обѣтъ—
 Затмить въ народѣ его свѣтъ...
 Тогда твой подданный отважный
 Тебя низвергнулъ съ корабля,
 И, бросивъ въ волны тронъ продажный,
 Сталъ самъ спокойно у руля;
 И край твой, преданный дотолѣ,
 Тебя покинулъ твоей долѣ;
 И, можетъ, внутренно сворбя,—
 Онъ отвернулся отъ тебя.

«Но ты, о Англія, ты мало
 Своимъ любимцамъ довѣряла,
 И сильныя твоей земли
 Духъ усыпить твой не могли.
 Ты не терпѣла нарушеній
 Твоихъ свободныхъ учрежденій;
 Ты шла во слѣдъ вождямъ своимъ,
 Но слѣпо не вѣрялась имъ;
 Въ твоемъ народномъ, крѣпкомъ зданьи
 Ни камня нѣтъ ни одного,
 Чтобъ противъ твоего желанья,
 Иль безъ тебя, вошли въ него.
 Затѣмъ оно и стало прочно,
 И удивляетъ міръ земной
 Своею стройностью,—какъ точно,
 Все сдѣлано одной рукой.

«Въ какихъ еще странахъ вселенной
 Такъ развился широко бытъ
 Общественный и бытъ семейный?
 Гдѣ выше человекъ стоитъ?
 Гдѣ тверже Богъ въ средѣ народной?
 Гдѣ, подъ личиною холодной,
 Сильнѣй любовь къ землѣ родной?
 Гдѣ выше чувство уваженья
 Людей, сословіи межъ собой?
 Гдѣ даже больше попеченья.
 О бѣдной брати меньшій?....
 «Здѣсь, въ цѣломъ краѣ и народѣ,
 Стремленье къ истинной свободѣ;
 Желанье общее страны,
 Надежда всѣхъ, кумиръ и слава,—
 Упрочить личное въ ней право,
 Путемъ ли мира, или войны.
 Здѣсь, и сама Елизавета,
 Что окружалъ блестящій дворъ,
 Живетъ въ народѣ до сихъ поръ,
 Какъ представительница свѣта,

И тѣхъ рѣшительныхъ началъ,
 Что въ ней нашла себѣ свобода,—
 Въ любимой дочери народа,
 Кого чутьемъ онъ разгадалъ.

«Одинъ Богъ судить властелиновъ
 Сихъ недоступныхъ исполиновъ,
 Что мы чуть видимъ лишь въ лице.
 Свѣтъ, пропустивъ въ одно кольцо,
 И жизнь простого человѣка,
 И этихъ двигателей вѣка,
 Пускается судить потомъ
 Обыкновеннымъ ихъ судомъ.
 Онъ видитъ бури роковыя,
 Что страсть вздымаетъ въ ихъ сердцахъ,—
 Тѣ бури, отъ кого вопрахъ
 Слетаютъ головы родныя,—
 И въ ночь одну у нихъ самихъ
 Сдѣютъ волосы. Но въ нихъ
 Онъ также взвѣсилъ ли боренья
 Души волнуемой, больной,
 Растерзанной до изступленья,—
 И ширь той власти роковой,
 Предъ кѣмъ нѣтъ въ мѣрѣ преступленья?»

«Какъ будто видишь предъ собой
 Въ ливующей народной массѣ,
 Дворъ этотъ въ бархатъ, въ атласъ,
 Блестящій, пышный, молодой,—
 Красавцевъ, полководцевъ славныхъ,
 Сеймуровъ, Лейстеровъ державныхъ,
 Эссексовъ, съ гордою главою,—
 Что снялъ палачъ своей рукой;
 Какъ будто слышишь еще клики
 Народной Лондонской семьи,
 Встрѣчающей въ свой градъ великій
 Защитницу родной земли....
 Но въ ней, не только королева;
 Но подъ порфирой и вѣнцомъ,—

Таится женщина, во всемъ
Величїи любви и гнѣва.

«Пускай же взвѣситъ мїръ земной
Сперва труды, заслуги эти,
Высокій геній тотъ благой,
Что онъ призналъ въ Елизаветѣ,
И пусть осудитъ онъ тогда
Ея духъ сильный и надмѣнный,
Воспитанный въ средѣ растлѣнной,
Не знавшій ласки никогда,
Ни сердца близкаго, роднаго,
Среди двора, для ней чужаго, —
Двора, гдѣ Генрихъ лишь осмой
Сошелъ со сцены роковой!

«Что жъ скажетъ Генриха осьмаго
Преемница? Былъ мракъ, — вотъ свѣтъ;
Край торжествуетъ надъ врагами,
Въ немъ тишина; въ немного лѣтъ,
Народъ царемъ сталъ надъ морями!...
Что возразить ей мїръ въ отвѣтъ?

«А Питтъ иль Фокса духъ свободный,
А геній Борка благородный?...
Правъ челоуѣчества главы, —
Когда, гдѣ, кромѣ Альбіона,
На ступеняхъ какого трона,
Могли бъ еще явиться вы?...
Иль ваши Барки и Франклины, *)
Иль Парри, Вильсы, Кинги, Кукъ, —
Открытїи эти исполины,
Герои истые наукъ, —
Въ глуши арктическихъ тумановъ,
Среди пустынь и океановъ,
Себѣ искавшіе путей,
Чтобы расширить область свѣта,

*) Франклинъ, хотя и американецъ, но того же англо-саксонскаго племени.

И не щадившіе на это,
 Ни средствъ, ни драгоценныхъ дней,
 Ни жизни собственной своей?
 Какой, другой край просвѣщенный,
 Но край, еще поработенный
 Державнымъ Цезаремъ своимъ,
 Могъ дать мужей, подобныхъ имъ?...

«А Байроны твои, Шекспиры,
 Всемирные эти кумиры!
 Какой еще народъ земной
 Такихъ пѣвцовъ досель имѣеть?
 Или какой народъ посмѣеть
 Тягаться въ славу ихъ съ тобой?...
 А въ просвѣщенію всѣхъ участие,
 Открытыя славныя твои,
 И міровыя предпріятыя?
 Какіе въ мірѣ короли,
 Въ главѣ обширнѣйшихъ владѣній,
 Но полныхъ страха и стѣсненій,
 Создать бы это все могли?...

«Гдѣ есть еще страна другая,
 Чтобъ тягостей войны не зная,
 Держа наемниковъ лишь рать,
 Всегда умѣла побѣждать?
 Гдѣ край другой еще, столь чудный,
 Сравнительно, такъ малолюдный,
 Чтобы поставить корабли
 Такой незначущей державы
 И не искавшей бранной славы,
 Почти владыками земли;
 Застроить дикія пространства,
 Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ,
 Рядами новыхъ городовъ,
 Создать республики и царства,—
 И въ отдаленнѣйшихъ странахъ
 Держать бразды въ своихъ рукахъ?....

«Таковъ очагъ этотъ свободы,
 Откуда многіе народы
 Давно заимствовать спѣшати
 Себѣ огонь его священнѣй,
 И геній свой порабощеннѣй
 Согреѣть огнемъ его хотять,
 Въ чаду страстей ихъ, не вникая,
 Что только тамъ плоды даетъ
 Свобода въ будущемъ для края,
 Гдѣ создалъ самъ ее народъ;
 Но гдѣ въ странѣ къ ней нѣтъ призванья,
 Гдѣ не готова къ ней страна,
 И сила общества бѣдна,
 Тамъ бесполезны подражанья!

«Но все же, много онъ свершилъ,
 Очагъ тотъ вольности народной!
 Онъ внесъ въ Европу духъ свободный,
 И не въ одной онъ разбудилъ
 Странѣ—дрему заглохшихъ силъ.

«Но не спасло, не охранило,
 Тебя, о гордый Альбіонъ,
 Ни уваженіе племенъ,
 Ни чудодѣйственная сила
 Твоя,—отъ зависти къ всему,
 Что чуждо краю твоему.
 Ты лишь сумѣлъ создать свободу
 Родному своему народу;
 Но ты не чтишь ее въ другихъ,
 Сочувствіемъ, тебя достойнымъ!
 И въ лучшихъ дѣйствіяхъ твоихъ
 Мірѣ слышится: горе побѣжденнымъ!... .

«О Индія, страна боговъ!
 Ирландіа, земля Морвена!
 Кровь вашихъ доблестныхъ сыновъ
 И цѣпи тяжкія ихъ плѣна,
 Еще свидѣтельствуютъ намъ,
 Что свѣтъ блещитъ не всѣмъ странамъ,
 Подъ вольнымъ скиптромъ Альбіона,

И дружба купленная съ нимъ
Пришлась недешево инымъ.

«О духъ великій Вашингтона,
Достойнѣйшій, въ глазахъ людей,
Чѣмъ многіе изъ королей,
Всемирнаго вѣнца и трона!
Черезъ тебя лишь міръ узналъ,
Что Европейскіе народы
Еще не вѣдали свободы,
Покуда ты не указалъ...
Лишь въ разумѣ твоємъ всецѣло
Она родилась и созрѣла,
И вышла передъ судъ молвы,
Во всеоружьи исполина,
Какъ благородная Афина,
Изъ свѣтлой Зевсовой главы.
Ты, изъ кровавой той купели,
Что окрестилъ васъ Альбіонъ,
Себѣ соорудилъ не тронъ
И не державу въ колыбели;
Но развитой вполнѣ народъ,
Готовый двинуться впередъ,
Ты не связалъ людей тѣхъ вольныхъ,
Въ пеленкахъ этихъ обиденныхъ,
Что пеленають, съ древнихъ дней,
Цари народы, какъ дѣтей;
Ты далъ свободу человеку,
Быть тѣмъ на дѣлѣ, что онъ есть;
Оставилъ обществу и вѣку,
Его судебъ градушихъ честь,—
И твой народъ неодолимый,
Ничьей опекой не хранимый,
Мужаль, не зная помочей...
А гдѣ, какой народъ свободный,
Теперь затмить твой край народный,
Щедрой силой своей?»

«Не край ли это небывалый?...

Часть II.

Когда Европы дух усталый
 Успѣтъ до него дойти,
 На этомъ дерзостномъ пути?
 Когда удастся ей достигнуть
 Гражданской этой высоты,
 Что лучшія ея мечты
 Не смѣли до тебя постигнуть?...
 Да, только развитой народъ
 Такія страны создаетъ;
 И партій духъ неблагодарный,
 И духъ политики коварной,
 Должны признать ихъ цѣль пустой,
 Предъ этой истиной живой.

«Но что важнѣй, — онъ удержался
 Во всей могучей красотѣ,
 На той гражданской высотѣ,
 И вѣренъ искренно остался,
 При самой тягостной борьбѣ,
 Своей возвышенной судьбѣ!
 Здѣсь нѣтъ искателей случайныхъ,
 Ни замысловъ интриги тайныхъ;
 Свободно-мыслящій народъ
 Самъ край отъ нихъ свой бережетъ.
 Здѣсь празденъ всякій путь овольный, —
 И если властвуютъ Линкольны,
 То ихъ народъ же создаетъ.
 Здѣсь даже странны эти влики:
 Могучій, славный иль великій;
 Гдѣ край той высоты достигъ.
 Тамъ всякій можетъ быть великъ!»

«О люди русскіе живые,
 Дѣльцы, учителя благіе!
 Вотъ самый дружный намъ народъ, —
 И онъ намъ руку подаетъ;
 А край нашъ чуть про это знаетъ, —
 Едва ли даже понимаетъ,
 Что это за народъ такой, —

И столь намъ близкій, и чужой?...
 Но мы оставимъ разсужденья!..
 Что могъ народъ нашъ, то свершилъ,—
 Онъ полонъ самъ здоровыхъ силъ;
 Пришл и наше пробужденъе...
 Пускай впередъ ушли отъ насъ
 Народы, племена чужіе;
 Благословимъ ихъ въ этотъ часъ,—
 Теперь они намъ всѣ родные;
 Въ ихъ кругъ вошелъ и нашъ народъ!...
 «Смотри! Вотъ онъ,— вотъ онъ предъ нами,
 Тотъ древній, богатырскій родъ,—
 Съ его гигантами-царями!
 Взгляни! Тутъ цѣлый міръ земной!
 Какой умъ смѣлый, гений славный,
 Предскажетъ образъ тотъ державный,
 Что приметъ онъ, колоссъ молодой?...
 Но мы хоть взглянемъ, сколько можно,
 На странный путь, что такъ тревожно
 Ему дано было свершить,
 И спросимъ: разовѣтъ свобода
 Духъ нравственный и бытъ народа,—
 Иль онъ не можетъ вольнымъ жить,
 И никогда онъ не достигнетъ
 Развитія сосѣднихъ странъ?...
 Мракъ прежній вновь его постигнетъ,—
 Иль онъ,— воскресшій великанъ,
 Внесетъ вѣкъ новый въ міръ славянъ?...»

ПѢСНЬ 12-Я.

РУССКІЙ МІРЪ. ПРОБУЖДЕНІЕ.

„Je rougirais de mon pays et de nos contemporains, s'il ne se trouvait parmi nous un homme pour protester contre ces jongleries... Poussant l'outrage jusqu'à la dérision, on denie aux Moscovites la qualité des slaves; on leur ôte le nom des Russes; on les retranche de la liste des nations civilisées ou civilisables et des races nobles...“

Proudon.

Идали ль вы, во мглѣ тумана,
Сѣдыя волны океана?..
Такъ съвозъ сѣдую мглу, вдали,
По всей поверхности земли,
Народныя всплывали волны....
«Вотъ онъ, могучій нашъ народъ,
Народъ, недавно подневольный!
Кричалъ мнѣ Ставрѣ. А это сочтеть
Пространства всѣхъ его владѣній,
И разнородныхъ населеній?
Полсвѣта занялъ подъ собой

Своей богатой онъ страной,
 И ей подвластными морями;
 Его край слился съ небесами;
 Надъ нимъ лишь Богъ,—а близь него
 Ему нѣтъ равныхъ никого!
 Что жъ это,—неужель не сила?
 Что жъ эти грани утвердило,
 Чѣмъ онъ такъ страшенъ, нашъ народъ?
 Онъ потерялъ побѣдамъ счетъ,—
 А все идетъ еще впередъ!...

«Да и могли ль инныя грани
 Своей странѣ назначить длани
 Могучихъ тѣхъ богатырей,
 Какими были Колываны,
 Сии властители степей,—
 Иль Святогоры и Сухманы,
 Чей исполинскій, древнїй родъ
 Еще понинѣ въ насъ живетъ!
 Не здѣсь ли, какъ волна, свободный,
 Духъ развивался нашъ народный,
 На вольной волюшкѣ своей,
 Подъ руководствомъ тѣхъ вождей,
 Что мїръ считалъ за великановъ?
 Не здѣсь ли, въ сумракѣ вѣковъ,
 Бишѣли тьмы его враговъ,
 Бурился дымъ ихъ дикихъ становъ;
 А онъ,—то пардусомъ на нихъ,
 То ярымъ туромъ онъ метался,
 И далеко въ странахъ чужихъ
 Его вличь бранный раздавался,
 Пока остался онъ одинъ,
 Смиривши натискъ ихъ ужасный,
 Царемъ лѣсовъ тѣхъ и равнинъ,—
 Все также грозный и опасный,
 И средь наставшей тишины,
 Насильникамъ своей страны?..
 «Лишь мїръ-народъ отважный, сильный,

Могучей волею обильный,
 Свершить могъ то, что онъ свершалъ,
 И твердо стать тамъ, гдѣ онъ сталъ!
 Отъ устья бурнаго Дуная
 И Меотійскихъ береговъ,
 Онъ занялъ въ нѣсколько вѣковъ
 Всю ширь Полуночнаго края;
 И Югъ, и Западъ, съ древнихъ дней,
 Кишатъ его ужъ городами;
 Съдыя волны трехъ морей
 Струятся подъ его ладьями;
 Въ туманѣ утреннемъ времени,
 Блещитъ рядъ странъ его широкихъ,
 И удальцы его племень
 Громятъ враговъ въ странахъ далекихъ...
 Глухая степь, дремучій лѣсъ,
 Смирѣнные его рукою,
 Желтѣютъ нивой золотою, —
 А свѣтозарный богъ небесъ,
 Съ своей божественной семьей,
 Съ надзвѣздной править вышины,
 Судьбами высшими страны,
 И учреждаетъ судъ народный.
 Духъ края, рыаный и свободный,
 Влечетъ воинственныхъ сыновъ
 Въ бездонную пучину смуты;
 Вокругъ него лишь крикъ враговъ,
 Раздоръ домашній, какъ змѣй лютый,
 Его пьетъ кровь; но исполнивъ
 Шагаетъ черезъ всё мытарства;
 Изъ земледѣльцевъ и дружинъ
 Онъ созидаетъ государство,
 И со питомъ въ одной рукѣ,
 Съ мечемъ въ другой, онъ и воюетъ,
 И нащепъ поле, и торгуетъ.
 «До сихъ онъ поръ въ краю родномъ,
 Какъ въ закалдованной пустынѣ!
 Онъ долженъ биться со врагомъ,

Съ кѣмъ онъ не справился понинѣ,—
 Съ врагомъ, страшнѣйшимъ всѣхъ людей,
 Съ врагомъ, что силой насъ своей
 Втянулъ въ убійственное рабство...
 Ужасный этотъ врагъ, —пространство!..
 Пространство, что сперва народъ
 Былъ долженъ заселить собою,
 И все идти впередъ, впередъ,
 Чтобъ сдѣлать эту глушь жилою,
 И обитаемой странюю.
 Здѣсь, съ каждымъ шагомъ на пути,
 Предъ нимъ иль племена чужія,
 Или преграды роковыя,—
 И онъ ихъ долженъ обойти
 Иль покорить своею силой...
 Но не смутился нашъ народъ
 Странюю этою унылою;
 А грозно двинулся впередъ,
 Чтобъ довершить свой подвигъ трудный,
 Обревши родъ свой жизни скудной...
 И вотъ, понинѣ онъ идетъ,
 Колонизаторъ этотъ древній,
 То усвоенный, то гнѣвный,—
 Идетъ, покуда Божья длань,
 Чьей силой онъ впередъ стремится,—
 Пока укажетъ она грань,
 Гдѣ долженъ онъ остановиться,
 И наконецъ, увидѣть свѣтъ,
 Что ждетъ онъ тысячу ужъ лѣтъ!..
 «Гдѣ въ эти времена онъ не былъ?
 Въ какихъ онъ положеньяхъ не жилъ?
 Какихъ онъ бѣдствій, бурь и грозъ,
 Какихъ потерь не перенесъ?..
 Какія нужны были силы,
 Чтобъ изъ пустынной той могилы,
 Гдѣ лишь витала смерть одна,
 Воздвиглась сильная страна;
 Чтобъ въ эту глушь, еще нѣмую,

Лѣсовъ дремучихъ и степей,
 Внести и духъ, и плоть живую,
 Готовыхъ на борьбу, людей;
 Чтобъ эту дикую пустыню
 Въ живую превратить твердыню,
 И отстоять, со всѣхъ сторонъ,
 Отъ темныхъ вражескихъ племенъ;
 Связать ихъ дикій міръ собою
 Въ одинъ родной, могучій край,—
 И всрыснувши живой водою,
 Ему сказать: теперь вставай!...
 Идите дружно всѣ со мною!

«Да, не легкоъ былъ этотъ путь,
 Свершенный, Русскій міръ, тобою;
 И долго не давалъ вздохнуть
 Твой Рокъ тебѣ, съ твоей землею,
 И путалъ умный твой народъ!
 Далеко въ эти дни впередъ,
 Съ давно-осѣдыми странами,
 Ушла Европа передъ нами.
 Какъ богатырь былыхъ временъ,
 Ты брошенъ былъ на перепутьи
 Всѣхъ ордъ бродячихъ и племенъ.
 Ты не остался въ захолустьи,
 Отволь исторія ведетъ
 Великій, доблестный твой родъ;
 Но какъ народъ живой, могучій,
 Ты въ даль рвался, ты пробѣгалъ
 И степь, и брегъ морейzybучій,
 И гордо міръ свой раздвигалъ...
 Въ дружинахъ древняго Востока,
 Внутри народнаго потока
 Старинныхъ свифовъ, на пути
 Алановъ, Готовъ и Аттилы,
 Намъ можно бы твой слѣдъ найти,
 Когда бъ исторія на это
 Могла пролить побольше свѣта;

Но ты проходишь въ темнотѣ,
 И въ образахъ народовъ разныхъ,
 Предъ взоромъ лѣтописцевъ праздныхъ.
 Мы зримъ тебя,—но въ слѣпотѣ,
 Не узнаемъ твой образъ славный,—
 И въ суматохѣ этой бранной,
 Бродячей силы боевой,
 Не слышимъ кличъ твой, намъ родной.

«Но что такое для страны

Въ день свѣтлый мира,—не войны,
 Ея воинственныя силы?
 Дружины могутъ побѣждать
 Иль за собою оставлять
 Сынамъ геройскія могилы;
 Гдѣ жь нужно созидать,—онѣ
 Лишь вызываютъ бурю смуты;
 Какъ необузданный звѣрь лютой,
 Онѣ опасны ихъ странѣ.
 Единство ихъ,—во дни лишь брани;
 Но чуть блеснулъ имъ богъ побѣды,—
 Слепой раздоръ, тотчасъ же вслѣдъ,
 Бровавыа подъемлетъ длани...

«Ты это знаешь, край родной;
 Но ты не дикой былъ ордой!
 Исторія лишь распахнула
 Мракъ первобытный надъ тобой,—
 Въ главѣ страны стоитъ Миеула;
 Мірѣ цѣлый родственныхъ племень
 Разросся подъ его рукою,
 И только ждалъ иныхъ временъ,
 Чтобъ стать единою странюю.
 Онъ чувствуетъ, что міръ-народъ,
 Безъ государства,—не оплотъ;
 Онъ всенародно уступаетъ
 Самъ власть свою,—и призываетъ,
 Славнѣйшихъ въ эти дни, князей,
 На стражу вольности своей.

«Они пришли,—онъ возлагаетъ

Свою отвѣтственность на нихъ;
 А самъ, престолъ ихъ окружаетъ
 Стѣной преданій родовыхъ.
 Не эти князи и дружины
 Ему свои; они сыны
 Его родимой стороны;
 Ихъ предки,—наши исполины,
 Чьи попираютъ ихъ стопы,
 Едва остывшія могилы;
 Подъ ихъ рукою не толпы,
 Не сбродъ воинственный; но силы
 Давно осѣдлыхъ ужь племень,
 Достойныя иныхъ времянь.

«Скажи, Царьградъ и ты, Цимійскій,—
 Скажи, духъ вѣщій старины,
 И вы, народы и страны,
 Отъ Понта до береговъ Балтійскихъ,
 Имѣли ль вы враговъ страшнѣй
 Отважныхъ, стойкихъ тѣхъ людей?...
 Скажи, вѣкъ свѣтлый Ярослава,
 Какой край западный съ тобой
 Равняться могъ? Чей тронъ чужой
 Твоя бы не затмила слава?...³⁴⁾
 Но вышло иначе! Кто жь могъ
 Смирить такъ край?—Единый Богъ!
 Единый Богъ, что развиваетъ
 Судебъ невидимую нить:
 Однимъ народамъ назначаетъ
 Идти; другимъ же,—ихъ хранить!

~~«Но ты, о Западъ, такъ далеко,
 Ушедшій съ той поры впередъ,
 Ты, столь развившійся широко,
 Благослови ты сей народъ!
 Почти его святые раны!
 На ихъ крови возведена
 Величья твоего стѣна»~~

За нимъ укрылись твои страны,
 Отъ тѣхъ нашествій роковыхъ,
 Что скоро въ грязь бы затоптали,
 Быть можетъ, лучшія скривали
 Успѣховъ доблестныхъ твоихъ,
 Когда бы здѣсь не задержали
 Ихъ силы нашихъ странъ родныхъ.

«Давно ли тучи тѣ висѣли,

И надъ Европою гремѣли?

Одна, — съ степей Востока шла,

Неся мечъ грознаго Батыя;

Ее Русь въ нѣдра приняла,

И, отстоявъ свой край, — спасла

Отъ ней страны твои родныя.

Другая, — Западъ твой кругомъ

Кровавымъ залила дождемъ,

И въ той, застынуль ея громъ

Передъ Московскими стѣнами;

И вновь, Европѣ миръ святой

Блеснулъ привѣтными лучами.

«Впередъ, впередъ, нашъ край родной!

И онъ идетъ, при блескѣ славы...

Вотъ грозныя поля Полтавы,

Вотъ Альпы, сумрачный Дунай,

Кровавый Крымъ, Кавказскій край;

Вотъ Азіятскіе народы,

Ташкентъ, Бухара и Хива...

Ничто преграды намъ природы,

И хладъ, и зной... Летитъ молва,

И на златыхъ крылахъ приноситъ

Побѣду за побѣдой. Свѣтъ

Смущаетъ дерзость сихъ побѣдъ, —

И онъ остановится просить;

Но крѣпкій нашъ, молодой народъ

Еще не кончилъ назначенье, —

И онъ идетъ, — впередъ, впередъ,

И продолжаетъ расселенье;

Онъ исполняетъ жребій свой.
 Чтобы упрочить государство,
 Онъ долженъ побѣдить пространство,
 И въ эту тьму внести духъ живой.
 «Взгляни! Вотъ весь онъ передъ нами.

Бого тутъ нѣтъ? Рабить въ глазахъ.
 Ты видишь въ пестрыхъ сихъ толпахъ
 Весь міръ, со всѣми племенами.
 Востокъ и Западъ принесли
 Сюда своихъ народовъ сѣмя;
 Но здѣсь, хозяиномъ земли
 Еще покуда только время....
 Строй государственный идетъ
 Давно здѣсь, въ уровень съ другими;
 Но край отсталъ, и лишь живетъ
 Покуда средствами своими, —
 Лишь тѣмъ, что наскоро, въ пути,
 Успѣлъ народъ самъ припасти.....

«Мы этимъ можемъ возмущаться:
 То нашъ край!... Но давно ли день
 На Западъ сталъ проясняться,
 И разогналъ ночную тѣнь?
 Давно ль, за Рейномъ было рабство
 И раздавался свистъ бичей,
 А отживавшее дворянство
 Чернь не считала за людей?
 Давно ли Альбионъ, столь важный,
 Считался за народъ продажный,
 И совѣсти смѣясь въ глаза,
 Сбиралъ за деньги голоса?
 Давно ли съ плѣнныхъ Мекленбурга
 Сдирали кожу, и въ котлы
 Потомъ бросали ихъ смолы?
 Давно ль епископы Вирцбурга,
 О воздержаніи труба,
 Гаремъ держали у себя?
 Давно ль самъ Лютеръ, истребленье
 Возставшихъ предлагалъ крестьянъ,

И проклинали тѣхъ христіанъ,
 Что изрекали имъ прощенье?
 Давно ль Германскіе князья,
 Сойдясь съ завѣжными купцами,
 Имъ продавали отъ себя,
 На вывозъ, подданныхъ семьями?
 Давно ль у Рейнскихъ береговъ,
 Средь Виртембергскихъ городовъ
 И вдоль широкаго Дуная,
 Какъ кровожадныхъ тигровъ стая,
 Сонмъ каннибаловъ, бѣлымъ днемъ,
 Питался человѣчьимъ мясомъ,
 И торговалъ этимъ припасомъ?..
 Давно ль, на Западѣ же томъ,
 Тронъ папъ боролся съ феодальнымъ,
 Имперія съ муниципальнымъ;
 Обычай путался со тьмой
 Особыхъ правъ, капитуляцій,
 Иль конкордатовъ, корпорацій;
 Условья общины градской,
 Съ условьями между князьями
 Иль между знатными домами,
 Или съ имперіей самой?..
 Давно ли тамъ колесовали,
 Пытали, сѣкли, сожигали?...

«Что жъ въ томъ мудренаго, что мы,
 Едва освободясь отъ рабства
 И затонувши средь пространства,
 Еще не выбрались изъ тьмы?
 Народъ нашъ вольный отъ природы,
 Желалъ сверженья лишь оковъ,—
 Не политической свободы;
 Къ ней онъ поныгѣ не готовъ.
 Мигула, сдавши первородство,
 Народомъ призваннымъ, князьямъ,
 Призналъ ихъ власти превосходство,
 И завѣщалъ ее сынамъ.

Подъ скипетромъ царей народнымъ,
 Себя считаетъ край свободнымъ.
 И чтить отыскони вѣковъ
 Въ своихъ царяхъ земныхъ боговъ.
 Здѣсь не было борьбы народной;
 Народъ самъ знаетъ, съ древнихъ лѣтъ,
 Что по плечу ему, что нѣтъ, —
 Таковъ инстинктъ его природный!
 А тамъ, гдѣ не было борьбы,
 Тамъ нечего пытаться судьбы;
 Но въ междупарствѣ, годъ жестокий,
 Онъ показавъ свой духъ высокій, —
 Онъ спасъ одинъ, и самъ собой,
 И тронъ царей, и край родной.

«Другое дѣло, — его рабство...»

Какъ могъ онъ, вольница-народъ,
 Столь прежде стойкій на тотъ счетъ,
 Какъ могъ впустить онъ въ государство,
 Столь ненавистную ему,
 Сію народную думу?
 Но это заговоръ былъ тайный,
 Ударъ странъ, никѣмъ неожиданный,
 Сразившій міръ-народъ во снѣ!
 Онъ не успѣлъ пошевелиться,
 Ни закричать, чтобъ защититься;
 Онъ былъ зарѣзанъ въ тишинѣ,
 Убитъ родимыми руками, —
 Той самой властью, для кого
 Не пощадилъ онъ ничего,
 А пролилъ кровь свою рѣками...
 Убить, — отцомъ своимъ роднымъ,
 Что сыномъ звать его своимъ
 И жилъ его же лишь трудами;
 Онъ былъ затертъ, разъединенъ
 Неизмѣримымъ тѣмъ пространствомъ...
 Когда ударъ былъ совершенъ,
 И зло царю ужъ надъ царствомъ,
 Край воставалъ, но по частямъ, —

И, можетъ быть, ужь было поздно:
 Тьма охватила все, и грозно
 Гасила свѣтъ по всѣмъ мѣстамъ.
 «Не странный ли расчетъ правленья,
 Убить могучій свой народъ,
 Чтобъ менѣе имѣть заботъ,
 И погасить свѣтъ возрожденья?
 Но духъ невѣжества крушить
 Все, что имѣетъ образъ силы.
 И лишь тогда спокойно спать,
 Когда вобругъ него могилы.
 Бояться самого себя
 И самобытнаго развитья,
 Искать у духа тьмы — прикрытъ я
 Отъ глазъ народа — и губя
 Напрасно силы, средства, время,
 Затоптывать науки сѣмя, —
 Таковъ вездѣ обычный ходъ
 И цѣль насильственныхъ заботъ
 Враговъ земли ихъ пробужденья!»

«Гдѣ благороднѣй духъ правленья,
 Какъ не у насъ? Гдѣ онъ честнѣй
 Въ благой политикѣ своей?
 Почти замнутый предъ своими,
 Онъ помонъ прямоты съ чужими.
 Сломивъ врагамъ надмѣнный рогъ.
 Онъ дѣлалъ все для нихъ, что могъ!
 Онъ оставляетъ имъ законы,
 Языкъ и вѣру ихъ отцовъ, —
 Онъ сдѣлать все для нихъ готовъ.
 А вы, союзные намъ троны,
 Кому онъ помощь подавалъ,
 Скажите: чей вамъ край честнѣе,
 Ни средствъ, ни силы не жалѣя,
 Въ години бѣдствій помогалъ?
 Иль вы, что съ равныхъ мѣстъ стекались,
 Едва влача скелеть костей,

Стада голодных гостей,
 Но такъ проворно набѣдались,
 Набравши отъ щедротъ его
 На цѣлый вѣкъ свой подаваній,
 И вмѣсто всякихъ воздаяній,
 Бляли кормильца своего! —
 Въ какихъ народахъ вашихъ новыхъ
 Нашли бъ пріемъ вы столь прямой,
 И столько вамъ услугъ готовыхъ,
 Предложенныхъ самой страной
 Съ патриархальной простотой?...

«Къ чему жъ намъ это послужило,
 Иль что возникло изъ того,
 Ко благу края?—Ничего!...
 Гостепрѣимство это было
 Гостепрѣимствомъ диварей,
 Приманкою чужихъ людей.
 Потворство это къ покореннымъ
 Сознаньемъ вышло добровольнымъ,
 Что всѣ они развитіи насъ,
 А ихъ гражданское устройство
 Даетъ имъ право превосходства;
 Но не пробилъ еще нашъ часъ.
 Услуги эти царствамъ чуждымъ,
 Безъ всякой пользы для страны,
 Лишь были рыцарствомъ ненужнымъ,
 Остаткомъ доброй старины;
 Притокъ людей тѣхъ иноземныхъ,
 Порою точно намъ полезныхъ,
 Не двинулъ ни на пядь впередъ
 Ко свѣту русской нашъ народъ?
 А подражанье наше нравамъ
 И мнѣніямъ людей чужихъ,
 Насъ отдѣлило отъ своихъ....³⁵).
 И кто найдетъ народъ неправымъ
 За то, что онъ, свой бытъ любя,
 Считаетъ всѣхъ людей чиновныхъ,
 Давно отъ края отчужденныхъ,

Одной обузой для себя!...

«Но даже этотъ духъ правленья,
 И онъ не чуждъ былъ просвѣщенья, —
 Хоть просвѣщенья, на свой ладъ,
 Чтобы оно шло съ нимъ подь рядъ.
 А гдѣ царить поработченье,
 Гдѣ въ угнетеніи народъ, —
 Прямоу свѣту замнуть входъ.
 Мѣстами и у насъ свѣтлѣло;
 Но зорко власть туда смотрѣла;
 Тотъ свѣтъ живой ее пугаль, —
 И очень скоро погасаль.
 Она желала дать народу,
 Что лишь полезно ей самой, —
 Чтобы держать край подь рукой,
 И всякую гасить свободу;
 Но то, что начиналъ народъ,
 Въ чемъ онъ имѣть успѣхъ могъ вѣрный,
 То осуждалось ей впередъ,
 То гнали, съ строгостью примѣрной;
 Лишь власть и сущіе при нѣй,
 Имѣли право начинанья
 Въ развитіи общества и знанья,
 По мѣркѣ собственной своей.
 Родникъ народной силы глохнулъ
 Подь этимъ камнемъ гробовымъ;
 А чуть, нежданно, кто шелохнулъ,
 Власть коршуномъ вилась надъ нимъ.
 Народъ привыкъ, подь чуждой сѣнью,
 Дремать, объятый рабской лѣнью,
 И ждать, покуда свѣтъ въ народъ
 Лишь сверху на него сойдетъ;
 Когда жь являлись люди свѣта,
 Чтобъ посвятить ему ихъ дни,
 Что ожидало ихъ за это?..
 Однако были же они!

«Почтимъ же память дорогую
 Часть II.

И ревность во странѣ святую
 Князей — строителей былыхъ
 И просвѣтителей благихъ
 Народа нашего роднаго!..
 Почтимъ Владиміра святаго
 И Ярослава, и другихъ...
 Почтимъ Олега, Святослава,
 Тѣхъ піонеровъ первыхъ дней
 Земли возлюбленной своей,
 Чей подвигъ русская держава
 Еще не кончила вполнѣ
 Понинѣ въ дѣвственной странѣ.

«Почтимъ Дмитрія Донскаго,
 Спасителя земли родной
 И церкви, для нея святой,
 Отъ гнета ига роковаго.
 Почтимъ великаго царя
 Москвы державной, Іоанна,
 Кѣмъ запялась первоначально
 Единства русскаго заря,—
 Царя, что спасъ нашъ край славянскій
 Отъ участи земли Германской
 Враждебныхъ общинъ и князей,
 Досель чужихъ, страпѣ своей,—
 Отъ язвы рѣчи Посполитой,
 Своей же гордостью убитой;
 Что вырвалъ русскую страну,
 Всю разложенія полну,
 Изъ лапъ полуночныхъ сосѣдей,—
 Какъ стая жадная медвѣдей,
 Давно сосавшихъ кровь изъ ней.
 Въ глазахъ родныхъ ея людей.

«Привѣтъ Мстиславы, вамъ, Романы.—
 Тебѣ, о славный Мономахъ!
 Родные наши великаны,
 Теперь чуть видны въ польмахъ
 Временъ минувшаго туманныхъ,—
 Отцы, хранители земли,

Свершившіе все, что могли
 Во дни тѣ бѣдствій непрестанныхъ,
 Когда еще самъ край родной
 Скользилъ подъ вашею ногой, —
 И злобный врагъ вашъ видѣлъ это!
 Но вы странѣ желали свѣта;
 Свѣтъ былъ тогда ужъ близокъ вамъ,
 Хотя и чуждъ тѣмъ временамъ,
 Любившимъ лишь войну и сѣчи...
 Полезной жизнию своей,
 Вы были первые предтечи
 У насъ — позднѣйшихъ славныхъ дней.

«Взгляни, какъ свѣтель и прекрасенъ,
 Какихъ исполненъ рыцарскихъ силъ,
 Вотъ этотъ князь, но какъ несчастенъ,
 Лишь потому, что въ вѣкъ тотъ жилъ!
 То князь Требовля благородный,
 Звѣзда поры междоусобной,
 Князь Василько, краса князей,
 Копье и щитъ страны своей!
 А вотъ какое награжденье
 За это далъ ему тотъ вѣкъ, —
 Темницу, плѣнъ и ослѣпленье!
 Какое жъ сдѣлалъ преступленье,
 Какъ князь онъ или человекъ?
 Въ цѣпяхъ, во тѣмъ тюрьмы глубокой,
 Лія потокъ кровавыхъ слезъ,
 Объ участи своей жестокой,
 Вотъ что страдалецъ произнесъ:
 «Богъ наказалъ меня за гордость.
 Возставъ въ главѣ моихъ полковъ,
 Чтобы ударить на враговъ,
 И показать имъ нашу твердость,
 Я думалъ такъ: скажу моимъ
 Я братьямъ и князьямъ роднымъ,
 Отдайте вашу мнѣ дружину,
 А сами спите сладкимъ сномъ,

И не заботьтесь ни о чемъ;
 Одинъ я всѣхъ враговъ низрину.
 Зимой я выступлю въ походъ,
 А въ лѣто Польшу завоюю.
 Плѣню Болгаръ, и въ тотъ же годъ
 Пойду къ Половцамъ въ степь глухую;
 Прославлюсь этою войной,
 Или умру за край родной...»
 Вотъ вся вина его предъ ними,
 Князьями, братьями родными!
 Вотъ чѣмъ страшилъ онъ ихъ собой!
 «А развѣ мало? Что же надо
 Еще для зависти людской?
 Ей развѣ это не отрада,
 Губить достойнѣйшихъ людей, —
 Могучихъ тѣхъ богатырей,
 Чей блескъ ей не даетъ покоя?
 О князь Требовля! Не одинъ
 Ты принялъ мученика чинъ,
 На мѣсто имени героя!...

«Но тщетенъ былъ твой жаръ святой,
 Чтобы спасти народъ родной!
 Вся ваша княжеская сила
 Въ тѣ дни его-бъ не защитила,
 Отъ страшныхъ ордъ, что гналъ Востокъ
 На васъ, какъ бѣшенный потокъ...
 Одръ орды шли за другими;
 Но устыдился ли мы въ томъ,
 Что всюду сложенные ими,
 Мы, въ край собственномъ своемъ,
 Поглочены ихъ были силой?
 Край былъ затопленъ ратью ихъ;
 Но всплылъ на раменахъ своихъ,
 И сдѣлался для нихъ могилой;
 А самъ воспрянулъ, и съ тѣхъ дней
 Сталъ и могучѣй, и славнѣй.
 Онъ отдалъ жертвы родовыя, —

Погибли Невскіе, Тверскіе,
 Бнязья Черниговской земли,
 Опричь тѣхъ витязей, что пали,
 И скорбей края не видали;
 Но эти жертвы и вдали
 Его духъ мощный укрѣпляли,
 И вѣру въ будущность питали;
 Край ждалъ, — и выждалъ лучшихъ дней,
 Не сломленный судьбой своей.

«Вотъ въ чемъ союзъ этотъ чудесный,
 Въ другихъ странахъ почти безвѣстный,—
 Вотъ въ чемъ онъ, о народъ родной,
 Межъ вѣнценосцевъ и тобой.—
 То вѣры духъ патріархальный
 Твоей земли первоначальной,—
 Духъ этотъ честный и простой.
 Предъ кѣмъ жизнь всякая благая,
 И жертва всякая для края
 Или страданія вѣнецъ,—
 Равно возводятъ, подъ конецъ,
 Людей изъ званія простого
 И князя, краю дорогаго,
 Въ санъ этотъ высшій и святой,
 Гдѣ выше всякой земной славы,—
 Вѣнецъ страданій величавый
 Иль жизни нравственно-благой.

«Замкнутый въ краѣ, духъ народный,
 Искаль себѣ исходъ свободный,
 Но былъ одинъ ему исходъ,—
 Что только могъ создать народъ,
 Межъ барщиной и палачами.
 Вотъ почему ты такъ бѣдна,
 О наша русская страна,
 Досель народными дѣлами!
 Вотъ почему, въ средѣ твоей
 И было мало такъ людей,—
 Людей народа даровитыхъ;
 Въ твоихъ глазахъ, былъ выше ихъ

Незримый сонм твоихъ святыхъ,
 Въ нѣмыхъ обителяхъ сокрытыхъ.
 Тебѣ замкнуть былъ мѣръ живой
 Свободы, мысли, дѣла, славы;
 Ревнивый духъ твоей державы
 Не признавалъ умъ здравый твой.
 Демидовъ, Строгановъ, Кулибинъ,
 Сперанскій, Ломоносовъ, Мининъ,
 Ермакъ... Еще кто? — Вотъ весь рядъ,
 Иль весь почти, именъ тѣхъ новыхъ,
 Поспорить съ древними готовыхъ,
 Что изъ народа намъ блестать!

«Не здѣсь нашъ пантеонъ народный!..
 Душой страдальческой своей,
 Народъ сложилъ свой мѣръ свободный, —
 И въ немъ вмѣстилъ своихъ людей!
 Какихъ тутъ нѣтъ сословій, званій,
 Лишеній, подвиговъ, страданій?..
 Здѣсь мужи, въ рубищахъ простыхъ.
 Въ веригахъ; здѣсь князья земные;
 Здѣсь старцы въ митрахъ золотыхъ,
 И тутъ же ихъ рабы были;
 Здѣсь люди, свудные умомъ
 Или принявшіе юродство,
 И мужи съ царственнымъ челомъ,
 Съ печатью свѣтлой благородства...
 Они всѣ святы, всѣ равны,
 Въ глазахъ, почтившей ихъ, страны.
 Здѣсь ничего ужъ нѣтъ земнаго,
 Опрочь ихъ житія святаго!
 Вотъ въ чемъ, тотъ высшій идеаль,
 Что край достигъ всегда желалъ,
 На что онъ положилъ всѣ силы,
 Свой лучшій трудъ, свою судьбу;
 Что услаждаетъ до могилы,
 Еще теперь, его борьбу!

«Но кто сей схимникъ въ власаницѣ?»

Угрюмъ и страшень его видъ;
 Неумолимый взоръ блестить...
 Когда бь предсталонъ въ багряницѣ,
 Сказаль бы всякій: вотъ тиранъ!..
 И былъ бы правъ, — то Иоаннь.

«О царь, кѣмъ Русь моглабъ гордиться,
 Но проклинять кого должна,
 Иль мнишь отъ Бога ты укрыться,
 Облекши схимой рамена?
 Царь Иоаннь, чернецъ Иона, —
 На высотѣ земнаго трона
 Иль въ ризѣ схимника своей, —
 Ты тотъ же царственный злодѣй!

«О сфинксъ, подь маской человѣка,
 Загадка истинная вѣка!
 Ты понималь, что Богъ послаль
 Подь скипетръ твой, сей гнетъ бездушный,
 Народъ столь кроткій и послушный,
 Кому ты божествомъ сіяль;
 И чѣмъ же ты воздалъ за это?
 Ты обратилъ свой царскій санъ
 Въ роль палача; царь христіанъ,
 Ты былъ въ душѣ рабъ Магомета;
 Все разрушая и губя,
 Ты плакаль и терзалъ себя,
 Ты вляль свой жребій недостойный, —
 Какъ будто въ драмѣ ты невольной
 Обязанъ былъ изобразить
 Собою роль гнусную тирановъ,
 Чтобъ во-время предупредить
 Еще грядущихъ Иоанновъ...
 Но что-жь? Ты поняль ли хоть разъ,
 Что для тирановъ нѣтъ границы,
 И вольный свѣтъ давно-бъ погасъ,
 Когда бы въ свой урочный часъ
 Не поглощали васъ гробницы!

«Межъ тѣмъ ты могъ бы твой народъ
 И всѣхъ, тебя любить заставить,

И дни свои, изъ рода въ родъ,
 Инымъ бы способомъ прославить;
 Ты могъ, при разумѣ твоёмъ,
 Быть замѣчательнымъ царемъ...
 О власть!.. О бичъ земнаго міра,
 Исчадые ада, духъ всѣхъ бѣдъ,
 И богъ, и демонъ, мракъ и свѣтъ,—
 Блескъ яркій твоего кумира
 Такъ ослѣпительнъ; твой чадъ
 Въ себѣ такой вмѣщаетъ ядъ,
 Что, кто вкусилъ, тотъ забываетъ
 Приличье, совѣсть, всѣхъ боговъ,
 И безъ зазрѣнія, покровъ
 Со всѣхъ страстей своихъ срывающъ.
 Казалось, у него все есть, —
 И крѣпкій духъ, и умъ, и честь,
 Великодушіе и сила;
 Все помогало, все служило
 Ему держать въ странѣ бразды;
 Все преклонялося со страхомъ...
 Что-жь надо бы?.. Другой среды!..
 Но нѣтъ ея, — все пало прахомъ.

«О славный Новгород, оъ Псковъ,
 Колокола былые вѣча,
 Чей благовѣсть намъ издалеча
 Чуть слышится, сквозь мглу вѣвовъ!
 О патриархи дней свободныхъ,
 Скрижали древнихъ правъ народныхъ,
 Вы, въ гордомъ торжествѣ своемъ,
 Себя ровняли съ божествомъ...
 Но не богатство и не славу,
 Не блескъ счастливыхъ вашихъ дней,
 Не вашихъ доблестныхъ мужей,
 И не торговую державу,
 Всегда открытую для смуть,
 Теперь потомство ждетъ на судъ;
 Но это страшное явленье, —

Какъ люди лучшіе земли,
 Могли дойти, и какъ дошли
 До столь позорнаго паденья?
 Явился Іоаннъ, — пришелъ, —
 И посадилъ, кого на колъ,
 Кого велѣлъ забросить въ волны, —
 И всё остались тѣмъ довольны...
 И гордый Новгородъ могъ пасть
 Къ его ногамъ, — чтобы не встать!

«Но скажутъ: вотъ онъ, міръ народный!...

Да, точно, былъ то міръ свободный;
 Но міръ еще не развитой!
 Подточенный весь стариной,
 Симъ тайнымъ червемъ разрушенья,
 Безъ нравственныхъ народныхъ силъ,
 Хранимый счастьемъ положенья,
 Что въ самой сущности онъ былъ?
 Градъ сказочный во тѣмъ глубокой,
 Среди болотъ, въ глухихъ лѣсахъ,
 Лишь наводившій только страхъ
 Своею волею широкой.
 Кругомъ угрюмая страна, —
 И та дремотою полна;
 Лишь въ немъ видѣлося движеніе, —
 И онъ былъ чуденъ, — въ отдаленьи.
 Но вотъ, проснулся міръ живой,
 Явился богатырь Московскій
 Съ могучей ратію задонской,
 Толкнулся мощною рукой,
 И пало въ мигъ очарованье;
 Исчезла прелесть, красота,
 И силъ волшебныхъ обаянье;
 Раскрылись сами ворота,
 И вышелъ людъ обыкновенный, —
 Сонмъ нравственныхъ калекъ согбенный;
 Перешагнулъ онъ чрезъ порогъ, —
 И самъ разсыпался чертогъ...
 Остались только лѣсъ дремучій,

Болотъ полночныхъ мохъ зыбучій,
 Ряды могилъ, да гуль глухой:
 Здѣсь былъ когда-то міръ народный,
 Міръ и богатый, и свободный, —
 Несовладѣвшій самъ съ собой.

«Но вотъ еще примѣръ державный,
 Такой же участи безславной!
 Царь изъ бояръ, царь изъ рабовъ, —
 Онъ требуетъ отъ всѣхъ забвенья
 Его нецарскаго рожденья.
 Царь выскочка, царь Годуновъ,
 Очистивъ къ трону путь свободный
 Цареубійствомъ, — чтобъ потомъ,
 Упрочить тронъ въ роду своемъ, —
 Онъ убиваетъ духъ народный,
 И приковавъ его къ землѣ,
 Велитъ странѣ жить въ вѣчной мглѣ.
 Взявъ скиптръ кровавыми руками,
 Онъ молитъ Бога, чтобы Богъ
 Ему грѣхи его помочь
 Загладить славными дѣлами;
 Но Богъ отвергнулъ этотъ счетъ, —
 И шаткій тронъ его плыветъ
 Внизъ по кровавому теченью,
 Отъ преступленья къ преступленью!
 Ужасный голодъ рветъ страну,
 Народъ утратилъ свои силы,
 Царевичъ вспрынулъ изъ могилы,
 И мертвый, съ нимъ ведетъ войну.
 Войска Бориса выступаютъ
 На призрака, — и, какъ снѣгъ, таютъ
 Среди родной своей страны;
 Нѣтъ больше ни царя, ни царства;
 Внутри стучатся смерть и рабство,
 Извнѣ грохочетъ громъ войны...
 «Нѣтъ, о пророки лицемѣрства,
 Цѣль не оправдываетъ средства!
 Міръ Новгородскій самъ не зналъ,

На что ему еще свобода;
 Не устыдился честь народа
 Предать его врагамъ, — и палъ.
 Царь Годуновъ желалъ на тронѣ
 Лишь утвердить свой темный родъ,
 И щедростью купить народъ;
 Но не возсталъ край къ оборонѣ, —
 И родъ его, въ немного дней,
 Изъ списка вычеркнуть царей.

«Но вотъ, идутъ свѣтлѣй видѣнья,
 Эпохи новой возрожденья!
 Кто эта славная чета?
 Кто этотъ великанъ державный,
 Съ женою этой лучезарной?...
 Взгляни, — какая простота,
 И вмѣстѣ съ тѣмъ, какая сила!
 Другимъ бы надобны вѣка
 На этотъ подвигъ, что свершила
 Ихъ исполинская рука;
 А имъ, на то довольно было
 Какихъ нибудь десятковъ лѣтъ!
 Полвѣка, — и воссозданъ свѣтъ...
 Кто-жь эти боги-исполинны?
 То наша новая пора, —
 То славный духъ Еватерины,
 То тѣнь великаго Петра.

«Рѣка время ихъ раздѣлила.
 Полвѣка между нихъ легло;
 Какъ два блестящія свѣтила, —
 Одно ликъ въ вѣчность погрузило,
 Другое медленно взошло;
 Но слава ихъ соединила,
 Судьба Россіи обручила,
 Край Русскій ихъ вѣнцы держалъ,
 И Богъ невидимо вѣнчалъ;
 Ихъ бракъ написанъ на скрижали
 Всѣхъ нашихъ будущихъ судьбинъ, —

И въ мигъ въ Европѣ угадаи,
 Отъ нихъ родится исполнить!
 «Да, Русскій край, благословенье,
 Благословенье, слава имъ,
 Отцу и матери твоимъ!
 То вѣкъ былъ твоего рожденья.
 Какъ дѣти, появились мы
 На вольный свѣтъ, изъ душевной тьмы;
 Какъ сидѣнь, ты возсталъ съ сидѣнья,
 Ихъ мощной поднятый рукой.
 Ты сынъ Петра! Онъ твой, по праву, —
 Отецъ взискательный, крутой;
 Но твоему крутому праву
 Быть развѣ могъ отецъ иной?..
 Вѣкъ возрожденья начинался;
 Когда Господь его призвалъ,
 Ты на ногахъ едва держался, —
 Петръ взялъ тебя и воспиталъ...
 И вотъ, на помощь исполнѣ,
 Господь послалъ Екатерину, —
 И кроткой мудрости полна,
 Какъ мать родимая, она
 Тебѣ дала образованье,
 Вдохнула славы обаянье,
 Бѣ дѣламъ высовимъ возавала, —
 И мѣръ узналъ твои дѣла...
 Что начала Петрова сила, —
 Любовь и Мудрость довершила;
 Петръ пробудилъ тебя отъ сна,
 А этотъ гений благородный
 Вложилъ въ тебя свой духъ свободный, —
 И съ нимъ очнулася страна.

«Но вотъ, — на Западѣ духъ бури
 Мрачить небесный сводъ лазури;
 На крыльяхъ вѣтра, богъ войны
 Ломаеъ царства и страны;
 Древнѣйшіе въ Европѣ троны

Шатаются; ихъ короли
 Не слышать подъ собой земли;
 Отъ береговъ далекихъ Роны,
 Европа вся въ крови, въ огнѣ;
 И, тучи грозныя скопля
 Вокругъ Полуночнаго края,
 Онъ мчится къ нашей ужь странѣ.
 Но на Полуночномъ престоѣ—
 Царь Александръ. Онъ возстаетъ
 Съ своимъ народомъ; онъ идетъ,
 Божественный въ сей славной долѣ,
 На встрѣчу бури. Паль кумирь,—
 И онъ даритъ Европѣ миръ!

«Царь, избранный отъ Провидѣнья,
 Для довершенья возрожденья
 Младаго края своего,—
 Не даромъ край любилъ его,
 Не даромъ до конца пылали
 Къ нему народныя сердца!
 Въ Россіи много ожидали
 Отъ свѣтлаго его вѣнца.
 Съ живой душой Пигмаліона,
 Однако онъ не могъ мечту
 Облечь, какъ думалъ, въ духъ и тѣло;
 Но увидавши всю тщету,
 Ушелъ, — оставивъ это дѣло,
 Доступное однимъ богамъ,
 Исполнить будущимъ вѣкамъ.

«И подвигъ, точно, былъ великій,
 Божественный! Изъ груди дикой
 Народной силы, безъ лица,
 Гдѣ робкіе штрихи рѣзца
 Лишь набросали очертанья
 Гиганта, полного страданья.
 Народъ свободный изваять,
 И на ноги его поднять,
 Не пошатнувши всего края!..
 Кто-бъ это сдѣлалъ? Но желая,

На правдѣ утвердить свой тронъ,
 Ты сдѣлалъ, нашъ Пигмаліонъ, ---
 Ты рекъ, — и двинулась громада;
 И созданъ свободный міръ!

«Какая для тебя награда?
 Златой, алмазній-ли кумиръ
 Тебѣ воздвигнетъ міръ народный?
 Все это не вмѣститъ того,
 Что совершилъ ты для него...
 Народъ могучій и свободный!
 Исполнились твои мечты, —
 И край свободный твой, и ты, —
 Мы всѣ стоимъ передъ началомъ
 Великихъ дней, — и эти дни,
 Лишь могутъ быть, они одни,
 Ему достойнымъ пьедесталомъ!

«Гдѣ вы, пѣвцы минувшихъ дней,
 Пѣвцы боговъ, богатырей?
 Гдѣ ты, Баянъ нашъ сладкогласный,
 Пѣвецъ тотъ доблести прекрасной?
 По древу мыслью ты леталъ,
 Носился волкомъ ты полями,
 Парилъ орломъ подъ облаками;
 Не стаю соколовъ пускалъ
 На стадо лебедей крылатыхъ.
 А десять пальцевъ по струнамъ
 Волшебныхъ гуслей ихъ звончатыхъ;
 Гремѣлъ ты славою князьямъ
 И честью роботалъ дружинѣ...
 О, если-бъ ты воскреснулъ нынѣ!..
 «Но твой волшебный, вѣщій гласъ,
 Что древняго пѣлъ Ярославъ,
 Что пѣлъ Романа и Мстислава,
 Не долетѣлъ уже до насъ.
 Замолкнулъ онъ во тьмѣ глубокой,
 Въ неразсвѣтавшей еще мглѣ;
 Иль лучше, Русскій міръ широкій

Разнесъ его по всей землѣ,—
 По берегамъ своимъ зыбучимъ,
 По пажитямъ родныхъ полей,
 По селамъ и лѣсамъ дремучимъ,
 По морю вольному степеней...
 Идутъ вѣка, но звуковъ полны,
 Гремятъ народныхъ пѣсенъ волны,
 И скажутъ въ глубинѣ вѣковъ,
 Про эти дни освобожденья,
 И мѣръ причтеть, къ дѣламъ боговъ,
 Страны родимой воскресенье.

«А мы, лишь вставшіе изъ тьмы,
 Пора, — осмотримся, что мы?
 Исследуемъ тотъ путь широкій,
 Что открывается вдали,
 Для нашей отсталой земли,—
 Путь неизвѣстный и далекій,
 Путь къ свѣту новому изъ тьмы,—
 Пройдемъ-ли мы? Готовы-ль мы?...

«Намъ говорятъ: отбросимъ барство,
 Постыдный сей остатокъ рабства;
 Въ старинной Франціи, народъ
 Его рѣками залилъ крови.
 Но для чего же намъ впередъ
 Себѣ искать такихъ условій?
 Народъ совсѣмъ нашъ не таковъ!
 Пускай завидовать готовъ
 И онъ раздолью въ кругу барскомъ;
 Но есть надежда, что у насъ
 Оно ужъ скоро, въ добрый часъ,
 Само распустится въ шампанскомъ.

«Намъ говорятъ: намъ нуженъ трудъ.
 Намъ нужны люди и свобода;
 Но что же искренняго тутъ?—
 Тутъ только азбука народа!
 Иль безъ труда, и безъ людей,
 И безъ доступной имъ свободы,

Живали гдѣ нибудь народы,
 Не походя на міръ звѣрей?
 Какой народъ иль государство,
 Гдѣ процвѣтаетъ даже рабство,
 Могли безъ нихъ бы простоять,
 Или спокойно даже спать?..

«Все это есть всегда въ народѣ!
 Да и въ общественной свободѣ
 Есть также много ступеней,
 Какъ и во всѣхъ дѣлахъ людей...
 Но духъ страны, — другое дѣло;
 Народъ рѣшительно и смѣло
 Идетъ впередъ, за нимъ во слѣдъ,—
 Но только тамъ, гдѣ блещетъ свѣтъ!

«Откуда-жь взять намъ свѣтъ народный,
 Свѣтъ этотъ нравственный, благой,
 Что оживляетъ все собой,
 И развиваетъ міръ свободный?
 Кто дастъ намъ, русскимъ, этотъ свѣтъ?
 Кто сниметъ тяжкое съ насъ бремя
 Невѣжества? — Одинъ отвѣтъ,—
 Свѣтъ этотъ можетъ дать лишь время!
 Когда мы не проспимъ его
 Попрежнему; когда насъ чувство
 Проникнетъ долга своего,
 А совѣсть будетъ не безумство!
 Когда нашъ дремлющій народъ
 Самъ просвѣщенья цѣль пойметъ!
 Когда сперва, хоть по примѣру
 Своихъ учителей родныхъ,—
 Узрѣвъ на дѣлѣ честность ихъ,
 Онъ возымѣетъ къ свѣту вѣру;
 А честность строгая властей
 Поддержитъ это убѣждение,
 И утвердитъ въ немъ просвѣщенья
 Умомъ и правдою своей...»

«Богъ ожидеть счастье и несчастье;
 Но имя Александровъ намъ,
 На зло враждебнымъ всѣмъ странамъ,
 Примѣрное приносить счастье!
 И съ упованіемъ народъ,
 Столь чуткій нашъ, глядитъ впередъ...

«Пусть отъ другихъ державъ отстали
 Въ развитіи народномъ мы;
 Но не всегда же мы блуждали
 Среди непроходимой тьмы,
 Въ шуму международныхъ споровъ!
 У насъ Кутузовъ есть, Суворовъ,
 Сей Полуночный исполинъ,
 Въ главѣ народныхъ исполиновъ,
 Румянцевъ, Горчаковъ *), Нахимовъ,
 Сперанскій, Пушкинъ, Карамзинъ,
 Любимый бардъ роднаго края,—
 Крыловъ, Жуковский, другъ царей...

У насъ Платонъ былъ, Ломоносовъ,
 Брюловъ, Державинъ, Филареть...
 Насъ не врасплохъ застанетъ свѣтъ,
 Намъ ужъ знакомо просвѣщенье;
 У насъ есть дѣльный средній классъ,
 Есть идеалы, свое мнѣнье,
 Есть даже твердость въ нужной часъ;
 У насъ побѣда есть и слава,
 Нашъ край — могучая держава!..

«И наша Русская страна
 Теперь достаточно сильна,
 Чтобъ речъ: великія державы!
 Довольно всекрушащей славы,
 Довольно крови!.. Божій міръ

*) Канцлеръ.
 Часть II.

Давно желаетъ жить спокойно...
 Довольно трескотни, довольно!
 Закончите кровавый пиръ;
 Дорогу дайте просвѣщенью,
 И мирному его теченью;
 Сломите лезвее мечей
 И передѣлайте на плуги;
 Миръ не для васъ лишь, — онъ ничей!
 Оставьте заживить недуги,
 Что надѣлили вы его,
 Въ дни властолюбыя своего;
 Покиньте произволь, раздоры...
 Да царствуетъ отнынѣ миръ,
 И разрѣшаетъ ваши споры;
 Одинъ лишь онъ, земли кумиръ,
 Духъ испѣлитъ ея растлѣнный, —
 Омоевъ пролитую кровь,
 И дастъ и правду, и любовь,
 Странамаъ воскреснувшей вселенной!... »

«Но вотъ, воскликнулъ Ставръ, смотри!
 Ты замѣчаешь, тьма рѣдѣетъ,
 И ярче, ярче все алѣетъ
 На небосклонѣ блескъ зари...
 То новая заря вселенной!
 Ночь падаетъ, и съ ней духъ зла,
 Ея спутникъ неизмѣнный.
 Еще виситъ вокругъ насъ мгла;
 Но близокъ утра свѣтъ. Грудь дышетъ
 Свободнѣй, — пульсъ стучитъ сворѣй,
 И ухо многое ужъ слышитъ,
 Чего не слышно въ тьмѣ ночей...
 Вездѣ проснулся духъ свободы...
 «Вотъ новые идутъ народы;
 Мы только слышимъ ихъ стопы,
 Но ихъ самихъ еще не видно...
 Прислушайся! То не толпы,
 Что бродятъ по ночамъ безстыдно!..

Гдѣ буйная идетъ толпа, —
 Тамъ непремѣнно лужи грязи, —
 Тамъ говоръ, болтовня безъ связи;
 Но гдѣ народная стопа
 Себѣ путь новый пролагаетъ, —
 Тамъ стонетъ, тамъ дрожитъ земля,
 Мірѣ шапки издали снимаетъ...

.....
 «Побѣда! Демонъ тьмы сраженъ, —
 Сказала намъ, представши, Вана.
 Мракъ прочь бѣжить; міръ возрожденъ,
 Народы встаютъ... Осанна!
 Привѣтъ тебѣ, хвала вѣковъ,
 О ты, что положилъ начало!...
 Вездѣ свѣтаетъ день, — настала
 Теперь пора моихъ сыновъ...
 Идемъ въ Микулѣ!...»

«Ты вернулся,
 Богъ вѣчной правды!»... Ставрѣ вскричалъ.

.....
 На это я ему желалъ
 Отвѣтить что-то, — и проснулся.

Давно было утро. Отраднo, тепло
 Сіяло съ небесъ лучезарное солнце, —
 Залогъ возрожденья... Въ душѣ отлегло,
 Исчезли ночныя видѣнья и страхи.
 Свѣтъ льется повсюду... Микула, вставай! —
 Пришло наконецъ и твое пробужденье!..
 Но онъ ужъ проснулся. Воспрянулъ весь край;
 Кипитъ невидимо его возрожденье...
 Господь ему въ помощь!..

Оконченъ мой трудъ!
 Мой челнъ самъ воснулъ желаннаго берега;
 Пора бросить весла! Пускай въ него бьютъ
 И яростно плещутъ сердитыя волны...

Взглянулъ я назадъ, — на тотъ берегъ другой,
Тотъ берегъ зеленый, откуда отчалилъ...
О гдѣ же теперь ты, мой берегъ родной?
Межъ нами синѣетъ широкое море.
Далеко осталась ты, юность, вдали, —
Совсѣмъ въ иномъ царствѣ...

Но слава тѣ Богу, —

Я дожилъ до лучшихъ дней русской земли.
Я видѣлъ святое ея воскресенье;
Я доплылъ до берега, — вижу разсвѣтъ
Ея дней великихъ. О Господи Боже,
Дай намъ, дай увидѣть твой истинный свѣтъ!..

КОНЕЦЪ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Афанасий

ПРИМЪЧАНІЯ КО 3-Й КНИГЪ.

1) См. сказанія русскаго народа, Сахарова, т. 1 и 3. Разу-мѣется, сложившееся въ народѣ, повѣрье о недобрыхъ боярахъ надобно отнести къ старинному времени. Что-же касается до разсказа о крестьянинѣ, къ которому попалъ въ лапоть чудесный цвѣтокъ папоротника; то этотъ разсказъ заключается въ томъ, что одинъ крестьянинъ пошелъ наканунѣ Иванова дня искать пропавшую корову, и въ самую полночь зацѣпилъ нечаянно за кустъ папоротника, — чудесный цвѣтокъ попалъ въ его лапоть. Тогда открылось передъ нимъ все прошедшее, настоящее и будущее; онъ тотчасъ же отыскалъ корову и узналъ о множествѣ скрытыхъ въ землѣ кладахъ; да сверхъ того насмотрѣлся на проказы вѣдьмъ, а самъ сдѣлался невидимкой. Все это, конечно, совершилось по чудодѣйственной силѣ цвѣтка, что застрялъ въ его лаптъ; но когда онъ разулся и сронилъ цвѣтокъ съ лаптя, — вся эта волшебная сила его оставила. По другому разсказу, — лапоть этотъ купилъ у мужика чортъ, и вмѣстѣ съ лаптемъ унесъ и цвѣтъ папоротника. У словенцевъ, вмѣсто цвѣтка, волшебная эта сила придается зерну папоротника; а намѣсто чорта, является вила, и уносить это дорогое зерно. (Афан. т. II, ст. 383, 384).

2) См. наши народныя былины, Московскаго цикла, въ которыхъ народъ по своему разсказываетъ свои легенды про бывшій въ Москвѣ земскій соборъ, про Дмитрія Самозванца, Іоанна Грознаго, Малюту Скуратова, про нѣкоторыхъ древнихъ князей и бояръ, и также про извѣстныхъ ему князей и графовъ новѣйшей эпохи, — нерѣдко путая инья изъ этихъ сказаній между собою.

3) См. также и этотъ разсказъ въ русскихъ народныхъ быльняхъ, и у Сахарова. За одинъ добрый совѣтъ царь хотеть наградить крестьянина казной или хлѣбомъ; но когда дѣло дошло до исполненія обѣщанія, бояре совѣтуютъ царю обернуть дере-

нящую мѣру или кадучку вверхъ дномъ, и сыпать обѣщанное въ самую кадку, а на обернутое дно. Послѣ этого, заключаетъ разсказъ,—правда улетѣла на небо, а кривда осталась на землѣ.

4) Какъ пѣсня о крапивѣ, такъ и шуточная пѣсня крестьянина о своемъ нынѣшнемъ безоліи, и шуточная пѣсня о птицахъ взяты изъ тѣхъ же народныхъ былинъ.

5) Разсказъ этотъ вполнѣ помѣщенъ въ 1 ч. сказаній русскаго народа. изд. Сахарова.

6) Расколъ, разумѣя подъ этимъ словомъ всё его толки и секты, до того распространенъ у насъ въ народѣ или соприсагается съ нимъ, что умолчаніе о немъ при изображеніи Микулы, представителя нашего земледѣльческаго народа, было бы пробѣломъ въ очертаніи этого мифическаго образа, существующаго въ народѣ съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время. Можно сказать, что внѣ раскола мысль еще дремлетъ въ народѣ, почему народъ нашъ, по своей неразвитости, весьма легко увлекается всякими лжеученіями: а потому каждый новый сектаторъ становится страшнымъ пропагандистомъ, что, по его мнѣнію, открываетъ ему новую дорогу ко спасенію въ будущей жизни. Чѣмъ болѣе обращенныхъ: тѣмъ болѣе надежды на собственное спасеніе. О сущности этихъ лжеученій будетъ сказано ниже. Замѣтимъ только, что народъ нашъ вообще ожидаетъ себѣ лучшихъ временъ, что весьма и естественно послѣ перенесенныхъ имъ тягостей и всякихъ бѣдствій. Когда же настанетъ такое время, что братъ не будетъ больше возставать на брата, а вѣрону не сыщется больше пищи на русской землѣ, тогда, по народному мнѣнію, воскреснутъ и явятся снова нѣкоторые древніе богатыри его, нынѣ спящіе по разнымъ мѣстностямъ. (См. прим. 17 къ 6-й пѣсн. 1 кн).

7) Вѣрованіе въ діавола, наступившее царство Антихриста и ожиданіе въ скоромъ времени страшнаго суда и свѣтапреставленія распространены издревле въ нашемъ народѣ по сіе время, чему основаніемъ, конечно, могло послужить между прочимъ тягостное его прошедшее. Приведенная при этомъ пѣсня извлечена изъ народнаго стиха о кончинѣ міра. Ожиданіе этого времени въ народѣ, какъ надобно думать, поддерживаютъ всего болѣе раскольничьи секты, которымъ оно должно принести, по ихъ вѣрованію, и торжество надъ врагами, и вѣчную славу; такъ какъ передъ этимъ наступитъ тысячелѣтнее царствованіе Іис. Христа на землѣ, во главѣ избранныхъ, т. е. ихъ же самихъ, а всё невѣрующіе нынѣ въ ихъ ученія, тогда увѣруютъ и будутъ служить имъ. Разумѣется, развивающагося нынѣ у насъ, народное образованіе рано или поздно уничтожитъ всё эти заблужденія,—и наконецъ, народъ нашъ убѣдится, что этотъ ожидаемый новый міръ всеобщаго бла-

годенствія собственно и заключается въ его будущемъ просвѣщеніи.

8) Бояринъ Ставръ Годиновичъ, — мифическое лице нашихъ народныхъ былинъ, эпохи краснаго-Солнышка Владиміра, — по толкованію иныхъ, лице историческое цвѣтущей эпохи Новгородѣ. Однажды Ставръ, на пиру у краснаго Солнышка кн. Владиміра похвалился умомъ жены своей, дочери Микулиной, или своимъ домашнимъ хозяйствомъ и богатствомъ, и былъ посаженъ за эту похвалу, по повелѣнію князя, въ глубокой погребъ; но жена его, переодѣвшись посломъ и озадачивъ князя и богатырей его ловкой стрѣльбой своей изъ тяжелаго лука - волокитнаго въ цѣль, выручила его изъ заключенія и увезла съ собою домой. (См: I и VI пѣсни 1-й кн. и примѣч. къ нимъ),

9) Здѣсь разумѣется извѣстный съездъ въ Москву представителей нѣкоторыхъ славянскихъ народностей, на этнографическую выставку, которая помѣщалась въ то время въ эзерсире-гаузѣ, называемомъ въ народѣ просто манежемъ.

10) Приведенное апокалипсическое сказаніе нашло также свой отголосокъ и въ нашихъ народныхъ преданіяхъ. «Въ средніе вѣка», говоритъ г. Афанасьевъ, языческія воспоминанія о демоническомъ змѣѣ слились съ библейскимъ преданіемъ о змѣѣ-соблазнительѣ первыхъ людей. На старинныхъ изображеніяхъ страшнаго суда, какія уцѣлѣли во многихъ храмахъ и на дубочной картинѣ, адъ представленъ въ видѣ драконовои головы съ раскрытою пастью, изъ которой извергается воспыхающее пламя; въ этой пасти сидитъ Сатана и держитъ на колѣняхъ Іуду. Тутъ же черезъ всю картину тянется змѣя, хвостъ и туловище котораго исписаны названіями всевозможныхъ грѣховъ. Эпическія сказанія о любовныхъ связяхъ демона-змѣя съ мифическими дѣвами заставили признать въ немъ возбудителя нецѣломудренной страсти, зачинщика нечистыхъ помысловъ и блуда. Въ этомъ смыслѣ было понято суевѣрнымъ народомъ и библейское сказаніе о первородномъ грѣхѣ... «И отверзоста очи наша, (говоритъ Ева въ одной апокриф. рукописи XV в.), и видѣхомъ наготу свою (по съяденіи запретнаго плода), и сердце наше восхоте на похоть, и быс(т)ъ тако». Скопическое вѣроученіе основано на томъ, что первою заповѣдью, данною Богомъ первосозданнымъ людямъ въ раю, была совершенная духовная и тѣлесная чистота: подъ внушеніемъ же отъ древа познанія добра и зла оно разумѣетъ плотское совоуцленіе праотцевъ. въ чемъ будто-бы и состояло ихъ грѣхопаденіе. Змѣя соблазнилъ первую чету и продолжаетъ соблазнять ея потомковъ. Потому, совершивъ оскотеніе, сектаторы бросаютъ срамный удъ, и обращаясь къ новому сочлену, восклицаютъ: «вотъ, смотри на сокрушеннаго змія!» Въ связи съ этими данными понятно, почему въ

стихѣ о страшномъ судѣ сказано, что блудницы пойдуть въ змѣи лютыя; а въ стихѣ о любодѣйницѣ, она ѣдетъ—

„Среди рѣки огненной

„На змѣѣ на трехглавомъ,

„И руки у нея, и ноги узами закованы,

„А на шеѣ ея сидитъ змѣя двуглавая,

„Двуглавая, злая, огненная“.

На лубочной картинѣ любодѣйница изображена восседающею на драконѣ, открытый зѣвъ котораго дымитя и извергаетъ пламя; на глазахъ у ней висятъ жабы, въ ушахъ продѣты стрѣлы, а груди сосутъ малыя змѣи... Въ сагахъ и сказкахъ змѣи (драконъ) и чортъ принимаются за названія синонимическія, могущія свободно замѣняться одно другимъ; народное воображеніе надѣляетъ чорта огромнымъ зѣвомъ и драконовыми крыльями, и нерѣдко заставляеть его показываться совершенно въ образѣ дракона». (Аф. т. II, ст. 583—585). Точно также не безъ вліянія осталось на наши народныя преданія, вѣроятно, и слѣдующее за тѣмъ апокалипсическое сказаніе объ ангелѣ, который держитъ длинную цѣпь (уже), чтобы изловить на нее сатану и низвергнуть его въ геенну огненную; но эта цѣпь въ нашихъ народныхъ преданіяхъ измѣнилась въ неводъ, а геенна въ огненную рѣку. (Смол. ниже прим. 29).

11) Хилиазмомъ называется извѣстное ученіе, объ ожидаемомъ нѣкоторыми сектаторами, въ томъ числѣ и нашими, тысячелѣтнемъ царствованіи І. Христа на землѣ, въ средѣ избранныхъ людей, въ послѣднія времена міра. Начало этого ученія надобно полагать еще у древнихъ іудеевъ, въ пророч. Исаи, объ успокоеніи и прославленіи сыновъ Израиля, когда, передъ концемъ вселенной, Господь соберетъ всѣхъ избранныхъ въ единое царство и воцарится въ немъ духомъ правды и мудрости, и всѣ чуждыя племена послужатъ этимъ сынамъ Божиимъ и поклонятся имъ, и волки будутъ жить вмѣстѣ съ овцами, и т. д. (Ис. глав. XI и XII). Время это называется также первымъ воскресеніемъ мертвыхъ, къ которымъ у сектаторовъ принадлежатъ, вѣроятно, несповѣдующіе ихъ ученіе. Источникомъ ученія этого, надобно полагать, послужило, кромѣ пророчествъ Исаи, также и откровеніе св. Іоанна, гдѣ времена тѣ прямо называются воскресеніемъ первымъ (апокал. гл. XX, 5). По мнѣнію же Сведенборга, эти времена уже наступили для истинно-вѣрующихъ. Наши скопцы также исповѣдуютъ это ученіе, и особенно на немъ основываютъ свои надежды на лучшія времена и ожиданіе ихъ въ темномъ будущемъ.

12) Этнографическая выставка въ Москвѣ посѣщалась обыкновенно въ теченіи дня; но, кажется, была открыта разъ или два

во-время пребывания славянскихъ гостей, также и вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи. Разумѣется, изображенное въ повѣсть за-сѣданіе и все происходящее на немъ, принадлежитъ къ чисто-фантастическому вымыслу.

13) Г. Бергманъ, имѣя, конечно, въ виду, что первыя переселенія въ Европѣ финно-алтайскихъ племенъ, которыя почитаются древнѣйшими въ ней переселенцами, начались еще за XXV ст. до Р. Х., т. е. тремя столѣтіями раньше арійскихъ, говоритъ: «можно почти положительно утверждать, что за сорокъ пять столѣтій или около того (до нашего времени), т. е. за 2500—700 лѣтъ до Р. Х., Европа была еще совсѣмъ необитаема и имѣла видъ дикой, пустынной страны, покрытой болотами и огромными лѣсами. (Les Gèl: р. 6.) Первыя появившіяся въ ней изъ Азіи, племена были финно-алтайскія (за XXV ст. до Р. Х.). Ученые вообще утверждаютъ, что во всей нынѣшней Сѣверной и Средней Россіи въ древности жили Финны; а г. Европеусъ, на основаніи лингвистическихъ розысканій (въ своемъ сочиненіи объ Угорскомъ народѣ, 1871 г.), доказываетъ, что настоящая родина Угровъ тогда простиралась отъ Оки на сѣверъ до Ледовитаго моря и отъ Сѣверо-Уральскихъ горъ до Финляндіи и Сѣверной-Скандинавіи, за исключеніемъ области около Онежскаго и южной части Ладожскаго озеръ. Г. же Иловайскій находитъ, что за тѣмъ на Юго-Востокѣ главную массу скифовъ, Царскіе, Сарматы, Будины, Невры, (прибавимъ, — Геллоны, Венды, и т. д.) составляла семья народовъ славяно-литовскихъ. По своему числу и значенію въ Скифіи преобладало, конечно, славянское племя... Другое названіе скифскихъ народовъ было Геты (Туригеты, Тиссагеты, Танаигеты, Массагеты, отъ рѣкъ — Тираса — Днѣстра, Танаиса — Дона, и т. д.). Названіе Геты и Готы, какъ и названіе Скифы, первоначально обнимало равно народы германскіе и славяно-литовскіе... Иногда названіе Скифія обнимало весь сѣверъ Европы и Азіи; а рѣка Танаисъ, по понятію древнихъ географовъ, дѣлила Скифію на Европейскую и Азіятскую. (Древн. и Нов. Россія, 1875 г. № 2, ст. 163) *) «Впрочемъ, го-

*) Вотъ, сохранившіяся у византійскихъ писателей и конечно искаженныя, имена нѣкоторыхъ скифскихъ царей или князей: у Скифо-Сарматскаго племени Сайевъ, царь Сайтафаря; Анахарсѣя, сынъ царя Гнура, внукъ Лыка и правнукъ Спарганита, убитый братомъ своимъ, царемъ Савліемъ. Поддѣе, потомокъ того же Савлія, сынъ царя Аріанита, Скиль, отъ жены истріянки (изъ подунайской страны), соблюдавшій также греческіе обряды и принимавшій участіе въ мистеріяхъ Адониса; за это выданный дядей Ситалкомъ и тоже убитый братомъ Октамазадомъ. Другіе скифскіе цари: Канита, Сарія, Илюсь, Форзей, Скмуръ, Беребистъ (Bouerebiate, Боретъ, Буривой)?... Тѣже Византійцы называютъ наши отряды, служившіе у нихъ въ X стол., то Русью, то Тавроскифами. (Древн. и нов. Россія 1875 г., № 5, ст. 84, 166, 167).

ворить г. Бергманнъ, исторія не запомнила многочисленныхъ переселеній Скифовъ изъ Азіи въ Европу ранѣе VII (въ др. мѣст. IX) ст. до Р. Х.; но она упоминаетъ о значительномъ переселеніихъ въ половинѣ VII ст., какъ, можетъ быть, о самомъ послѣднемъ и самомъ значительномъ. Это не было мирное переселеніе; но имѣло враждебный характеръ настоящаго вторженія...» (Les Gët: p. 30). Изъ чего видно, что всѣ эти историческія указанія на эпохи разныхъ переселеній изъ Азіи въ Европу, по толкованію г. Бергманна, надобно принимать по большей части прямо за эпохи набѣговъ или вторженій, а не мирныхъ расселеній. Но исторія не можетъ еще опредѣлять положительно множество тѣхъ частныхъ мирныхъ арійскихъ переселеній изъ Азіи въ Европу, что начались по ея предположеніямъ за 2200 л. до Р. Х., и посредствомъ которыхъ могла заселяться постепенно нынѣшняя юго-восточная Россія съ самой глубокой древности славянскими и другими племенами, прежде нежели они распространились до Лабы и Балтійскаго поморья. Почему большую часть ссылокъ на исторію, въ томъ числѣ и приведенныхъ въ моемъ сочиненіи, слѣдуетъ принимать только относительно, т. е. большею частью, какъ о враждебныхъ вторженіяхъ, отголосокъ которыхъ успѣлъ достигнуть исторіи, помимо другихъ, не менѣе, вѣроятно, значительныхъ переселеній, которыя уже совершились гораздо ранѣе, нежели могли узнать о томъ историческіе народы. Послѣ всего этого, не нужно принимать на себя также особенной учености, чтобы ясно и положительно видѣть поселенія древнихъ славянъ-скифовъ въ Европѣ гораздо прежде, нежели принято объ этомъ думать. Достаточно прибѣгнуть къ способу, рекомендуемому почтеннымъ профессоромъ г. Погодинымъ, — или къ его математическому приему, какъ онъ это называетъ, а именно: идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ несомнѣннаго, яснаго, къ неясному, сомнительному (Рус. Вѣстн. 1875 г. пр. стр. 377), — какъ это ужъ и дѣлывалъ покойный г. Надеждинъ. Пойдемъ же по этому указанію!.. Извѣстно, что названія рѣкъ: Дона, Днѣпра, Днѣстра, Дуная, имѣютъ одинъ корень, дун-дуни, санскрит. названія вообще рѣки; такъ что у славянъ — «форма дун, съ окончаніемъ авъ, — Дунавъ и потомъ Дунай, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, — зарѣками, за Дунаями...» (Буслаевъ, Рус. Вѣстн., 1862 г. Март. ст. 33). Между тѣмъ, названія рѣкъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ другими арійскими племенами, подобнаго корня не имѣютъ; почему можно предположить, что едва-ли не вынесли съ собой этотъ корень изъ прародины въ Азіи, собственно славянскія племена, и потомъ сохранили его въ названіяхъ тѣхъ главныхъ рѣкъ, по которымъ онѣ въ древности дѣйствительно и разсѣлились. На этихъ именно рѣкахъ исторія и встрѣчаетъ ихъ впервые подъ именемъ Виндовъ, Вендовъ, Будиновъ, и т. д. (См. Ист. Балт. слав. Гильфердинга и примѣч. 24 къ 3 пѣсн. 1 кн.). Съ другой же стороны, по свидѣ-

тельству нѣкоторыхъ нашихъ и итальянскихъ ученыхъ, южные придунайскіе славяне также въ глубокой еще древности расселяются до Аппенинскихъ горъ и основываютъ тамъ Этрурію (см. прим. 23 къ 3 пѣсн. 1 кн.). Въ Сѣверной Италиі, въ бывшемъ Венеціанскомъ королевствѣ, живетъ еще до сихъ поръ до 30 тысячъ неизвѣстныхъ славянъ, изъ которыхъ до трехъ тысячъ принадлежать къ племени Резьянъ («Бирж. вѣд.» 1875 г. № 130, ст. 2). Исторія знаетъ также съ глубокой древности обширныя славянскія поселенія по Карпатскимъ горамъ, по р. Лабѣ (Эльбѣ) и Балтійскому поморью. Даже въ южной нынѣшней Скандинавіи вначалѣ встрѣчаются славянскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей, и только позднѣ замѣняются нѣмецкими или скандинавскими. (Россія въ ист. и стат. отнош.). Славянскія поселенія были потомъ и въ Даніи, и въ Англіи; а въ Бретани (древней Арморикѣ) понынѣ главный городъ и рѣка, на которой онъ стоитъ, называются Ванъ (Vannes): «jolie petite ville, très sale et très mal bâtie» (Dict. de géogr.). У Чеховъ же существуетъ преданіе, что они начали спускаться съ горъ, когда воды только что отхлынули съ земной поверхности... И г. Гильфердингъ весьма основательно замѣчаетъ, что такіа обширныя поселенія славянъ не могли совершиться въ столь короткій періодъ, какъ свидѣтельствуемъ нашъ лѣтописецъ Несторъ, производящій славянское расселеніе съ одного Дуная, и не ранѣ эпохи нашествія на нихъ римскаго императора Траяна. «Невѣрность показанія Нестора объ этомъ, говоритъ г. Гильфердингъ, тѣмъ яснѣе, что даже если бы цѣлая Дакія принадлежала славянамъ, то и тогда изъ нея не могли бы выдти всѣ славянскія племена, расселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ». (Ист. балт. слав. ч. 1. ст. 18). Значить, все дѣло тутъ во времени,—и если мы отодвинемъ періодъ вообще славянскихъ расселеній глубже въ древность; то обширное расселеніе славянъ по всѣмъ этимъ мѣстностямъ объяснится само собою. По мнѣнію ученыхъ, славянскія племена перешли въ Европу гораздо позже другихъ арійскихъ племенъ, и путь ихъ съ Востока на Дунай лежалъ черезъ Кавказъ или между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ. Не желая отступать отъ этого утвердившагося мнѣнія, я начерталъ по немъ, въ 1 кн. этой поэмы, древній путь Мигулы въ Европу; тѣмъ болѣе, что переселенія арійскихъ племенъ съ Востока, какъ извѣстно, длились очень долгое время, начавшись за 2,200 л. до Р. Х.; а скифы считаются пришедшими въ Европу только за IX и даже за VII в. до нашей эры. (Les Gët, par Bergmann, p. 5, 6, 30): Но принимая во вниманіе многочисленность скифо-славянскихъ племенъ, зацѣпившихъ подъ собой почти пол-Европы, можно, кажется, основательно предположить, что появленіе ихъ въ ея предѣлахъ, а можетъ быть и на

самою Дунаемъ, гораздо древнѣе, нежели думаютъ, и что первый ихъ путь съ Востока на Дунай могъ даже еще лежать черезъ Малую Азію, когда Восточная Европа и часть Сѣверной, по причинѣ только отхлынувшаго моря, были еще неудобны для поселенія (смот. прим. 11 къ 2 пѣс. 1 кн.). Послѣ же того они, дѣйствительно, могли уже съ Дуная расселяться постепенно, — сперва по высотамъ, — и далѣе, на Востокъ и Западъ, какъ повѣствуетъ препод. Несторъ; а черезъ Кавказъ или Уральскія горы проходили уже позднѣйшія племена, искавшія новыхъ мѣстъ возлѣ древнихъ поселеній своихъ родичей. Въ пользу глубокой древности первыхъ славянскихъ поселеній можетъ также свидѣтельствовать и высшее ихъ развитіе передъ другими сосѣдними племенами, особенно если Этрурія обязана имъ своимъ основаніемъ. Въ самой глубокой еще древности, именно въ эпоху основанія Этруріи, греки уже знаютъ на Дунаѣ цвѣтущій и сильный народъ или царство (см. соч. Савельева о славянахъ). Да и вообще, развитіе вановъ - славянъ стоитъ вначалѣ гораздо выше развитія древнихъ скандинавовъ, тогда еще кочевыхъ, какъ послѣдніе свидѣтельствуютъ объ этомъ сами. У Птолемея во II в, по Р. Х. Балтійское море или Юж. часть его уже называется Венедскимъ заливомъ; а Венеды, славяне, причисляются къ числу великихъ народовъ Сарматіи. Исторія застаётъ уже поморскихъ славянъ въ страшной борьбѣ съ саксами въ Нордалбингіи, между устьемъ Лабы и Балтійскимъ моремъ, и съ датчанами. (Гильферд. т. I ст. 19, 29, 32). А еще гораздо раньше: «старшій изъ сыновей царя Ставроскифовъ, Скилура, Палакъ, для войны съ Митридатомъ, уже обращается за помощью къ племени Роксаланъ (тутъ наши предки впервые упоминаются подъ этимъ племеннымъ названіемъ, а не подъ общими именами скифовъ и сарматъ). Страбонъ же говоритъ, что роксалане были самый сѣв. скифскій народъ, обитавшій гдѣ-то между Днѣпромъ и Дономъ, и по берегамъ Меотійскаго озера. Тацитъ называетъ ихъ народомъ сарматскимъ. Слѣдовательно, жилища ихъ приблизительно находились на тѣхъ же степныхъ пространствахъ, гдѣ во время Геродота кочевало племя царскихъ скифовъ; припомнимъ, что сосѣдями послѣднихъ на Востокъ за р. Танаисомъ были тогда сарматы. Отсюда можно заключить, что часть сарматовъ, т. е. роксалане, изъ странъ между Танаисомъ и Араксомъ (Дономъ и Волгою) постепенно распространилась на западъ и заняла мѣста царскихъ скифовъ, отчасти истребивши ихъ, отчасти смѣшавшись съ ними, какъ это обыкновенно бывало при подобныхъ народныхъ движеніяхъ. Но значительные остатки царскихъ скифовъ продолжали еще господствовать въ Тавридѣ и ближнихъ къ ней черноморскихъ степяхъ. Роксалане двинулись на помощь тавроскифамъ въ числѣ 50 т. всадниковъ (число конечно преувеличенное). Они носили шлемы и панцири изъ воловьей кожи, имѣли шпаты, сплетенные изъ тро-

стнига, и были вооружены копьемъ, лукомъ и мечемъ. Предводителемъ ихъ назывался Тасій». (Др. и нов. в. 1875 № 3, ст. 286). «Скифы и алане походятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками; но скифы носятъ болѣе длинные волосы». (ст. 185). Затѣмъ, въ первые уже вѣка по Р. Х. диоземые писатели дивятся богатству и великолѣпію славянскихъ городовъ и капищъ на Балтійскомъ поморьѣ; а древній нашъ Кіевъ сравниваютъ, по величинѣ, богатству и великолѣпію, съ Византіей! Для достиженія такого развитія нужны были не одно или два столѣтія; а весьма долгое время пребываніе въ этихъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ Лукьяна, «тогда какъ греки наслаждались глубокимъ миромъ, — у скифовъ были постоянныя войны; они или нападаютъ, или отражаютъ нападенія; пастище, добыча, — все служить у нихъ поводомъ для битвы....» (Др. и нов. Рос. 1875, № 3, ст. 284). Но и въ то уже смутное древнее время исторія замѣчаетъ ихъ постоянное движеніе все далѣе на Западъ; тогда какъ передъ ними стоятъ еще бродячія дружины нѣмцевъ, безъ постоянной осѣлости, — «хотя обитавшіе на коренной нѣмецкой землѣ, между Рейномъ, Эльбою и Дунаемъ, нѣмцы и были уже осѣдлы и не передвигались всѣмъ народомъ съ мѣста на мѣсто, не смотря ни на какіе перевороты». (Гильферд. ст. 13). Невзирая на это славяне прорываются не однажды въ поселенія датчанъ и англовъ, на дальнія побережья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, и далѣе, такъ какъ нѣкоторые изыскатели видятъ поселенія ихъ и во Франціи, и въ Испаніи, и въ Италіи, и даже на берегахъ Африки.... Изъ всего этого по крайней мѣрѣ видно, что настоящая эпоха первыхъ т. е. древнѣйшихъ поселеній славянъ въ Европѣ до сихъ поръ составляетъ еще загадку для исторіи, и по сіе время вопросъ объ этомъ не разработанъ вполне научнымъ образомъ. Нашествіе же грознаго императора Траяна хотя и нагнало сильную панику на дунайскихъ славянъ, такъ что имя его осталось въ ихъ преданіяхъ и даже приурочено ими потомъ къ нѣкоторымъ ихъ мѣстностямъ; но вліяніе этого нашествія на переселенія славянъ съ Дуная могло быть только временное, и никакъ не могло двинуть ихъ такими массами отсюда на Востокъ и Западъ, какъ объ этомъ говорится въ нашей лѣтописи. Г. Афанасьевъ даже еще сомнѣвается, дѣйствительно ли въ славянскихъ преданіяхъ сохранилось имя императора Траяна, а не бога Триглава. «Имя Троянъ, по мнѣнію его, образовалось изъ слова: три, трое, и весьма вѣроятно, что въ свидѣтельствахъ старинныхъ рукописей дошелось до насъ воспоминаніе о томъ языческомъ божествѣ, какое извѣстно было у Поморянъ подъ именемъ Триглава. По указанію одного изъ вариантовъ сербскаго преданія, царь Троянъ имѣлъ три головы и восковыя крылья... Средство Трояна съ Триглавомъ подтверждается еще тѣмъ, что у послѣдняго были козлиныя головы, а первому сербская сказка даетъ козьи уши. Напомнимъ, что ле-

тучій змѣй въ народныхъ сказаньяхъ большею частію представляется трехглавымъ» (Аф. т. II ст. 643). Сколько доводы эти не убедительны; но почему же не предположить, что настоящій императоръ Троянъ, разгромившій придунайскихъ славянъ, могъ преобразиться потомъ въ напуганномъ народномъ воображеніи, въ самые страшные образы, преимущественно въ змѣя; какъ въ наше время Наполеонъ I преобразился въ народномъ мнѣніи въ антихриста? «Имя Трояново встрѣчается и въ словѣ о полку Игоревѣ, — продолжаетъ г. Афанасьевъ, въ слѣдующихъ загадочныхъ выраженіяхъ: «рица (Баянъ) въ тропу Трояна чрезъ поля на горы, — были вѣчи Трояни, — на седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребій и дѣвную себѣ любу, — вступил(а) дѣвою въ землю Троянию (Обида),... (тамъ-же. ст. 643). Не принимая на себя смѣлости толковать эти выраженія, все-таки я рѣшился бы скорѣе признать ихъ болѣе за историческія, нежели за мифическія. Такъ называемая тропа Трояна существуетъ и теперь въ Бессарабіи, подъ названіемъ Троянова или Змѣйнаго вала. Далѣе же тутъ говорится, о какихъ-то вѣчахъ Трояна или при Троянѣ, о землѣ Трояновой, о вѣкѣ Трояна, какъ объ эпохѣ, съ которой пѣвецъ почему-то считаетъ время до Всеслава. Всего вѣроятнѣе, что въ настоящемъ случаѣ мифъ только дополняетъ исторію, искажая ее по своему и придавая божественный санъ или грозный, чудесный образъ, страшному въ тѣ дни для славянъ, ихъ завоевателю. Касательно же обширныхъ мѣстностей, занятыхъ уже въ глубокой древности славянскими племенами подъ собою въ Юго-Восточной Европѣ, отъ Азовскаго и Адриатическаго морей до Балтійскаго, по Эльбѣ, Дону и Дунаю, см. также сочиненія Иловайскаго, Геденова, Вельтмана, Савельева, Бергмана, Шафарика, исторію Балт. славянъ Гильфердинга, прим. 24, къ 3 пѣс. 1 кн. этой поэмы, и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ изыскателей. Заключающіяся у нихъ свѣдѣнія и предположенія объ этомъ, конечно основаны на древнихъ Греческихъ, Византійскихъ, Римскихъ, отчасти арабскихъ и другихъ тогдашнихъ писателей, всего менѣе на скандинавскихъ сагахъ или иныхъ иноземныхъ народныхъ преданіяхъ; но можно-ли сказать, что всѣ эти, да и прочіе, какіе есть, источники уже вполне разработаны и изслѣдованы безпристрастною ученою критикою, — особенно иноземною, которая всего болѣе любитъ искать въ нашихъ предвахъ-славянахъ не-премѣнно, чуждые намъ, племена или финно-алтайскія, или тюркскія. Не даромъ наприм. г. Эверсъ, говоря о древнихъ Росахъ на Волгѣ, спрашиваетъ: «если тогда ужъ были Росы, гдѣ же оставались они до среднихъ вѣковъ?» Ученая критика едва-ли еще и теперь отвѣтитъ на это, удовлетворительно.

14) Касательно замѣчательнаго уже развѣтія народа нашего въ Россіи, въ эпоху призванія на княжество Рюрика и въ первую эпоху княженія его потомковъ, — во времена Владиміра св., Ярослава, даже

еще Мономаха, согласны все наши историки. Карамзинъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ исторіи русскаго государства, находитъ это народное развитіе у насъ тогда несравненно выше, нежели оно было въ тѣ времена у полудикихъ еще англовъ, скоттовъ и нѣмцевъ. Весьма ясно однако, что первые князья, предѣстники и послѣдователи блестящаго Ярослава, не могли-бы поставить наше отечество въ такое высокое, по тогдашнему времени, положеніе, если-бы народъ и самъ не стоялъ на замѣчательной уже степени развитія, по крайней мѣрѣ въ главныхъ мѣстностяхъ ихъ управленія, въ кievской и новгородской республикахъ. «О народъ не довольно судить по одной исторіи, говоритъ уважаемый г. проф. Миллеръ. Она представляетъ намъ только то, что выражалось поступкомъ, только внѣшнюю стороною жизни, нерѣдко состоящею въ вопиющемъ противорѣчій съ внутреннею ея стороною, съ тѣмъ сокровеннымъ міромъ помысловъ, желаній, стремленій, изъ котораго далеко не все переходитъ въ неподатливый съ одной стороны, сокрушительный съ другой, — міръ дѣйствительности...» (Древ. и нов. Россія, 1875 г. № 4, ст. 354). Искони воинственный и торговый народъ нашъ долженъ былъ вполне способствовать князьямъ, въ дѣлѣ устройства и расширенія только что возникавшаго, будущаго государства; что онъ продолжалъ и самъ по себѣ въ послѣдствіи, своими частными расселеніями и завоеваніями, и даже устройствомъ маленькихъ республикъ, которыя потомъ слились съ устроившимся государствомъ. Кромѣ первобытныхъ извѣстныхъ поселеній древняго Новгорода на сѣверѣ, къ этому можно отнести наше повдѣйшее по Юго-Востоку казачество и его частныя отважныя завоеванія, въ которыхъ правительство нисколько не участвовало, но которыя сдѣлались потомъ его достояніемъ. «Пусть собираютъ примѣры отталкивающаго добычничества казаковъ, продолжаетъ г. Миллеръ, — они, высоко держа до конца знамя борьбы съ азіятами, оказывали услугу всему человѣчеству; они какъ бы указывали путь европейской политикѣ, а если она и до сихъ поръ готова поддерживать власть азіятскихъ завоевателей надъ христіянами; то, конечно, лишь потому что нашла для себя невыгоднымъ воспользоваться примѣромъ южно-русскихъ «добычниковъ»... (Тамъ же, ст. 353, 354). И эту народную помощь первые князья наши имѣли не только на сушѣ, но и въ морскихъ своихъ походахъ. «Нельзя приписывать, говоритъ также и авторъ очерка русской морской исторіи, г. Веселаго, исключительно князьямъ быстрое созданіе многочисленныхъ флотилій, выводимыхъ ими въ море. Справедливѣе будетъ предположить, что князья въ самой странѣ нашли уже готовый матеріалъ для созданія подобныхъ флотилій, т. е. и людей знакомыхъ съ моремъ, и достаточно развитую технику постройки и снаряженія челновъ» (Древ. и Нов. Рос. 1875 г. № 4, ст. 454 статья г. Бѣлова). Приписывая скифо-славянскимъ племенамъ

изобрѣтеніе сошника (zoch, suoha, кабанъ), и потомъ, по образу колесницы или телеги, — сохи, раздирающей, (отъ слав. слова wluk, волкъ), г. Бергманнъ полагаетъ, что скифы, имѣвшіе сначала только плоты и челны (des gadeaux et des troncs d'arbres) научились у Киммеріянъ — Камаровъ на Понтѣ Эвксинскомъ постройкѣ морскихъ судовъ, которыя и назывались на Сѣверѣ камарами. Впрочемъ Сѣверные Скифы въ записе время ставили кочевыя жилища ихъ на санки (sangi, snaki, sauki), на которыхъ они развѣзали зимой даже и по Киммерійскому Босфору, а лѣтомъ эти зимніе санки служили имъ челнами для переправы черезъ рѣки; вотъ почему гораздо уже позднѣе одинъ родъ этихъ челновъ у скандинавовъ и назывался еще sneckia (Les Gètes, p. 91, 98—99). Въ этому можно еще присовокупить, что и наши древнія былины, особенно Новгородскія, полны отголосками о широкомъ мореходствѣ нашихъ предковъ, что потомъ отразилось и въ казацкихъ думахъ. А внутренній міръ народа окончательно обнаруживается лишь въ его поэзи, говоритъ г. Миллеръ. Лишь въ идеальныхъ созданіяхъ народа раскрывается передъ нами вся сущность его души и т. д. (Др. и нов. Рос. 1875. № 4, ст. 354) *).

15) Извѣстно, что въ Южной Россіи корчма и корчмарка играли нѣкогда весьма важную роль. Въ древности корчма уподоблялась

*) Какъ сохраняются вѣками и переходятъ изъ рода въ родъ древнѣйшіе обычай, съ нѣкоторыми, конечно, измѣненіями, можетъ служить образцомъ наприм. слѣдующее: если обиженный человекъ изъ скифовъ, не въ силахъ отмстить за обиду, говоритъ Лукьянъ,—то онъ приносилъ въ жертву быка, варилъ его мясо, разрѣзанное на куски, разстилалъ его шкуру и садился на нее, имѣя руки связанныя назадъ. Кто изъ проходящихъ бралъ кусокъ говядины и ставилъ ногу на шкуру, тотъ этимъ самымъ уже обязывался оказать помощь, смотря по своимъ средствамъ: одинъ обѣщалъ доставить пять всадниковъ, другой десять или болѣе, третій — пѣшихъ воиновъ, а самые бѣдные — самихъ себя. Скифъ Арзаконъ (обиженный на Боспорѣ тамошнимъ царемъ Левканоромъ) собралъ такимъ образомъ 20 т. пѣхоты и 5 т. конницы. (Др. и нов. Рос. 1875, № 3, ст. 285). Припомнимъ затѣмъ опозтезированное уже народное сказаніе въ нашихъ былинахъ о томъ, какъ Василій Буслаевъ въ Новгородѣ, поставивши чанъ или котелъ съ виномъ или брагой у себя на дворѣ, набиралъ дружину. Каждый, желающій поступить въ нее, долженъ былъ сперва выпить самое большое количество, какое можетъ, выставленнаго напитка; потомъ Васыка ударялъ его по головѣ своей тяжеловѣсной дубиной,—и это выносилъ съ честью оба эти испытанія, того онъ бралъ къ себѣ на службу и братался съ нимъ. Едвали гдѣ, какъ у насъ существуетъ до сихъ поръ въ столь широкихъ размѣрахъ и такъ называемая въ народѣ „помощь“, когда за извѣстное угощеніе виномъ, брагой или деревенскимъ пивомъ и съѣстнымъ, собирается цѣлая деревня, а иногда и изъ другихъ деревень, помогать кому нибудь убирать хлѣбъ или сѣно. Обычай эти не ведутъ-ли свое начало отъ того-же скифскаго древняго обычая, о которомъ сказано выше?

тому, что у насъ нынѣ называется клубомъ. Она была центромъ всѣхъ новостей и мѣстныхъ распоряженій. Въ ней собирались лучшіе мѣстные люди; сюда заѣзжали проездомъ извѣстные юнаки и жуваны; здѣсь сосредоточивались всѣ мѣстныя новости и распоряженія; сюда всѣ шли какъ въ древнія гонтины; сюда вели почетныхъ гостей и заѣзжали свадьбы; въ ея столовѣ или сараѣ дѣвки и парни плясали; угощеніе для всѣхъ было подѣ рукою. Борчмарка была большей частью красавица, и очень могла считаться вѣщею, по той роли, что она иногда играла въ мѣстныхъ происшествіяхъ. Борчмарки Ангелина и Бондарувна, — одна побратима Марка Бралевица, другая замученная полягами, сдѣлались историческими личностями въ народѣ. Значеніе корчмы убила въ послѣдствіи аренда и царскія кружала. На Сѣверѣ Россіи не было ничего подобнаго корчмѣ: наши кружала наполнены грязнымъ разгуломъ, а наши посидѣлки — учрежденіе чисто семейное, домашнее, и не можетъ быть даже похоже на древнюю южную корчму, — этотъ народный клубъ прежняго времени. Въ древности столичный Бѣвъ имѣлъ восемь рынковъ, съ своими и иноземными товарами; и въ каждомъ изъ этихъ рынковъ стояла корчма съ рѣзными карнизами, подобная въ этомъ отношеніи древнимъ гонтинамъ. Главная корчма находилась вондѣ велико-княжескаго двора. Вмѣсто вывѣски, у дверей ихъ стоялъ простой столъ, и на немъ ведро и кружка съ кувшиномъ. Москва не приняла этого южнаго заведенія; въ Москвѣ явился царевъ кабакъ, — сперва на Балчугѣ, а оттуда пустилъ корни по всему Царству. Корчма же, какъ враждебная единству и власти возникшей державы, была даже проклята московскимъ духовенствомъ, и оставалась только въ Новгородѣ и Исковѣ, хотя уже не въ томъ видѣ, какой была на югѣ, но гдѣ хоть не пропивались *сиротскія слезы* и вмѣсто притона разврата — *полна* была *благодѣтій*. Гораздо уже позднѣе корчма перешла въ грязный шинокъ, «гдѣ дивчаты частуютъ», и во множество тѣхъ кружалъ и питейныхъ домовъ, что сполли русскую землю, и про которые сложилась потомъ въ Малороссіи новая пѣсня:

„Моя дочка ледащица — не ночеу дома,

„Моя дочка ледащица — не хочи робити,

„Да якъ прійде неділенька — иде въ корчму пити“.

Что же касается до сѣвернаго преданія о Петрѣ и Февроніи; то г. Буслаевъ находитъ, что «въ муромской легендѣ, древнѣйшему преданію дана позднѣйшая историческая обстановка, и притомъ событія и лица возведены въ идеальную область христіанскихъ понятій. Въ общихъ чертахъ своихъ, муромская легенда содержитъ тѣже главнѣйшіе мотивы, что и пѣсни древней Эдды о битвѣ Зигурда съ змѣемъ и о союзѣ этого героя съ вѣщею дѣвою.

*

всякаго сомнѣнія. сходство это основывается на общихъ источникахъ, изъ которыхъ совершенно независимо другъ отъ друга были почерпнуты древнія преданія и въ пѣсняхъ Эдды, и въ нашей легендѣ. Змій муромской легенды есть змій - оборотень, подобный Фафниру, сыну Греймарову, и множеству огненныхъ летучихъ змievъ въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ. Замѣчательное сходство съ началомъ нашей легенды предлагаетъ одна сербская пѣсня, подъ заглавіемъ: царица Милица и змій отъ Ястребца. (Въ изд. Вука-Стефановича Караджича, ч. II, № 43). Какъ кн. Петръ вынимаетъ Агриковъ мечъ (которымъ онъ поразилъ змія) изъ стѣны храма, такъ въ сагѣ о Вельзунгахъ Зигмундъ вытаскиваетъ изъ священнаго дерева чудесный мечъ, который глубоко врубилъ въ это дерево самъ Одинъ, или точно также въ валашской сказкѣ, о витязѣ Вилипшѣ (въ изд. Шотта, № 11), этотъ витязъ идетъ къ четыремъ каменнымъ столбамъ, молится имъ цѣлые девять дней, и наконецъ изъ нихъ высовывается знаменитый мечъ, для совершенія великихъ подвиговъ... Какъ богъ Торъ и англосаксонскій герой Беовульфъ, поразивъ змievъ, сами погибаютъ отъ змѣинаго яда; такъ и кн. Петръ, поразивъ змія - оборотня, подвергаетъ свою жизнь опасности, заразясь отъ его крови проказою. «При самомъ вступленіи своемъ на сцену (исцѣлившая его) Февронія является въ обстановкѣ вѣщей дѣвы. Она сидитъ за краснами, занимается тканьемъ, какъ дѣва судьбы въ сербской сказкѣ или какъ Идисы и Норны въ нѣмецкой мифологіи».... Ея загадки: «не дѣпо есть быти дому безъ ушю и храму безъ очію», и еще «въ нови зрѣти», — относятся къ вѣщамъ, извѣстнымъ въ сѣверн: эпосѣ подъ именемъ рунъ. «Передъ вѣщей ткачихой для чего-то скачетъ заяць»... Изъ всѣхъ устныхъ и письменныхъ преданій, относительно состязанія въ мудрости помощью загадокъ и задачъ, ни одно не представляется въ такой значительной близости и, вѣроятно, въ рѣшительномъ сродствѣ по происхожденію съ Муромской легендою, какъ сербская сказка о томъ, какъ дѣвица перемудрила царя (по изд. Вука Стеф. Караджича, № 25). «Правдоподобіе всего предположеніе, что это замѣчательное сходство муромской легенды съ сербскою сказкой есть результатъ родственнаго развитія народнаго эпоса въ эпоху доисторическую. Если мы видимъ нѣкоторое сходство между кн. Петромъ и Зигурдомъ, и между Февроніей и Брингильдой, то было бы удивительно, когда бы мы не встрѣтили болѣе яснаго и опредѣленнаго, даже разительнаго сходства въ преданіяхъ изъ того же эпического цикла между племенами родственными, славянскими. Въ муромской легендѣ такъ сильно преобладаетъ мифическая основа, что мы не будемъ долго медлить на исторической обстановкѣ.... Можно остановиться развѣ на разсказѣ о смутахъ бояръ и на недовольствѣ боярынь, что ими управляетъ дочь древолазца. Последнее указаніе очень важно для исторіи

древне-русской женщины. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ основная идея легенды, и именно въ томъ смыслѣ, что эта легенда была обработана благочестивымъ грамотникомъ, который не могъ не увлечься энергическимъ характеромъ вѣщей дѣвы, подобной супругѣ мифическаго Дуная или Ставра боярина и нѣкоторымъ другимъ героическимъ идеаламъ женщины, этимъ драгоценнымъ остаткамъ первобытнаго эпоса». (Истор. от. рус. народ. слов: Буслаева, т. I. ст. 294 — 300).

16) О чудесномъ подземномъ городѣ Битижѣ, см. ст. г. Мельникова: за Волгой, Р. Вѣст. 1868 г. ноябрь стр. 459, 460. Больше подробно объ этомъ таинственномъ городѣ изложено въ статьѣ г. Безсонова къ русск. былинамъ, изд. г. Кирѣевскаго. Нашъ народъ ходитъ туда до сихъ поръ на богомолье, на Свѣтлое озеро, гдѣ нѣкоторые, конечно, болѣе вѣрующіе, слышатъ церковный благовѣстъ и звонъ подземныхъ соборовъ. Въ тойже статьѣ помѣщенъ и рассказъ о крестьянинѣ, спрятавшемъ лодку хлѣба, который, когда онъ проснулся, превратился въ древесную гнилушку.

17) См. *histoire du communisme*.

18) Первая французская революція.

19) «Богомилы, говорятъ и проф. Буслаевъ, по толкованію проф. Голубинскаго, признавали верховнаго Бога добраго, который, по ихъ ученію, сотворилъ невидимый духовный міръ, — и отпавшаго демона злаго, сотворившаго видимый вещественный міръ. Слово сошло съ небесъ и воплотилось, — не дѣйствительною плотью, а только привидѣніемъ, вошедши черезъ правое ухо Дѣвы и вышедши тѣмъ же путемъ. О крестныхъ страданіяхъ Христовыхъ богомилы учили, что онъ распятъ былъ не по своей волѣ и не за спасеніе человѣческое, но по нуждѣ; что демоны измыслили крестъ, что бы погубить его. Посему они называли крестъ — враждой Богу. За иконопочитаніе они называли православныхъ идолопоклонниками. Иерархическое устройство состояло у богомиловъ въ томъ, что каждая частная община или церковь имѣла своего учителя, который имѣлъ подъ собою 12 учениковъ, именованныхъ апостолами. Они проповѣдовали не заботиться о завтрашнемъ днѣ; а сами побольшей части брали на себя подвигъ нищеты, питааясь тѣмъ, что ходили изъ дома въ домъ и собирали милостыню». (Такъ поступали и буддійскіе монахи). «Признавая учрежденіе брака дѣломъ діавала, богомилы заповѣдовали и содержали безбрачіе, — и питали величайшее отвращеніе къ дѣтямъ, хотя бы происшедшимъ и отъ законныхъ супружествъ». (Крат. очер. прав. церквей болгарской, сербской и румынской, рус. вѣст. 1871 г. ст. 157—165. рус. вѣст. 1873 г. апр. ст. 641, 642). По мнѣнію г. Веселовскаго, литературное вліяніе Востока шло по слѣдамъ религіознаго. Но г. Буслаевъ находитъ, что — «историческое русло двоевѣрія глубже и шире тѣхъ теологическихъ и философскихъ перегородокъ, по кото-

рымъ или ереси и разныя секты; что оно было необходимымъ явленіемъ въ переходѣ отъ древнѣйшаго язычества къ тому средне-вѣковому невѣжеству, въ которомъ народности нашли новую среду для своего взаимнаго общенія, закрѣпивши неясное для нихъ, по разнообразію мѣстныхъ мифовъ и преданій, первобытное между ними сродство, — общими имъ всѣмъ, опредѣленными типами Ильи - Громовника, Ивана - Купалы, Егорія храбраго, Соломона и Китовраса, и т. п.» (Тамъ же, ст. 649). Такимъ образомъ, пропо-вѣдуемый богами подвигъ нищеты, безбрачіе и собираніе по домамъ милостыни, могли очень быть ими заимствованы прямо и отъ буддистовъ, которыхъ было немало, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ глубокую древность во Фракіи (см. прим. къ 3 п. I кн. этой поэмы); если же взять во вниманіе вообще отвращеніе нашего народа въ древности къ церковному браку, что приписывается иными нашими учеными тогдашней народной неразвитости и недостатку священниковъ; то это едва ли не есть одно изъ прямыхъ указаній, что ученіе богами было развито у насъ тогда гораздо болѣе, нежели мы знаемъ, — и что ученіе это, и соединенный съ нимъ буддизмъ, отъ котораго оно отчасти и происходитъ, едва ли не главные источники тѣхъ сектъ и ересей, которыя кишатъ въ нашемъ народѣ, еще задолго до извѣстнаго раскола въ XVII ст. Такъ, нынѣ уже извѣстно, что рижскіе раскольники, которыхъ долго причисляли къ старовѣрамъ, ведутъ свое начало отъ стригольниковъ; а самые стригольники не могли бы такъ скоро распространиться почти по всей Россіи, еслибы ужъ не было подъ ними давно готовой почвы отъ лжеученій, укоренившихся у насъ въ глубокую древность, — можетъ быть, еще прежде ученія богами. При чемъ можно указать на древнихъ нашихъ волхвовъ, въ Ростовской области, которые поклонялись какому-то подземному богу (Смотр. ист. Карамзина). Едва прошло 15 лѣтъ со введенія въ Россіи христіанства, — въ 1004 г. явился монахъ Адріанъ, отвергавшій церковь о обрядность. Это былъ первый извѣстный рационалистъ въ русской церкви. Кіевскій митрополитъ Леонтій заключилъ его въ тюрьму. Черезъ 121 годъ послѣ Адріана, въ 1125 г., Дмитръ отвергаетъ церковныя уставы; кіевскій митрополитъ Никита заключилъ его въг. Санелець. И Адріанъ, и Дмитръ, — богами той секты, къ которой въ Южн. Франціи, Пиемонтѣ, Ломбардіи и Богеміи принадлежали альбигойцы, валлейцы, альбогинцы, что отвергаютъ всякую духовную церковную іерархію и служатъ Богу духомъ и истиной. «Богъ есть духъ, и поклоняющіеся ему должны поклоняться духомъ и истиною». (Іоан. IV, 24). Каждый человекъ — живая книга. Поэтому, также склонность къ умерщвленію плоти и презрѣніе ко всякой внѣшности, — буква мертвить. Любовь Христова — чувственная; она породила божковъ Раднева, Щеглова, и др. Право на всѣхъ дѣвушекъ: въ чемъ и есть мисти-

ческое ученіе о сліяніи павшаго духа съ Искушителемъ. Подобное же есть и у буддистовъ Ламайскаго толка, — у калмыковъ, бурятъ, монголовъ, — можетъ быть, и у сибирскихъ шамановъ. Также въ древности христіанская любовь выражалась въ Сиріи и Финикіи, смѣшавшись съ поклоненіемъ Ваалу, Адонису, Астартѣ. Отсюда это могло перейти къ гностикамъ, а отъ нихъ и къ богомиламъ. Богомилы большей частію переходили съ мѣста на мѣсто, респостраяя ихъ ученіе; а русская церковь такъ близко соединена съ болгарской. Сперва религиозное своемысліе появляется у насъ на Югѣ а во время междоусобій и татарскаго ига переходитъ и на Сѣвѣръ, куда перешла русская митрополія, гдѣ кипѣла торговля Новгородѣ и жизнь народная. Начинаются волненія въ церкви отъ Мартина—армянина, и споры о постѣ въ среду и пятницу. Новгородскій протопопъ Сеитъ, заодно съ Тверскимъ епископомъ Феодоромъ, нападаетъ на монашество; возникаетъ проповѣдь о существованіи видимаго рая. Діаконы Карпъ и Никита (1271 г.) отвергаютъ всю іерархію; начинается ученіе стригольниковъ, — богослужебныя собранія не въ церквахъ, а въ избахъ для чтенія, пѣнія и проповѣди, — супружество безъ благословенія священниковъ, духовное достоинство всякаго мірянина, исповѣдь землѣ... Въ XV ст. является ересь жидовствующихъ въ Новгородѣ; глава ея—Схарія, пріѣхавшій сюда изъ Кіева. Она переходитъ и въ Москву, и въ другія области. Всѣ эти ереси спорятъ между собой и дробятся на особыя толки. Башкинъ, Косой и др. — чистые рационалисты. Ереси эти и толки распространяются по всей Россіи, — по видимому, на готовый уже почвѣ, гораздо ранѣе старовѣрскаго раскола при Никонѣ... (Соч. Ливанова, о расколѣ). О сектѣ богомиловъ смотр. также соч. Костомарова: сѣвернорусскія народоправства во время удѣльнаго вѣчеваго уклада, т. II, стр. 434 и далѣе... «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что апокрифическія книги, уважаемыя богомилами, у насъ были въ ходу наравнѣ съ другими подобными... Послѣ стригольниковъ, явились въ Псковѣ такъ называемые филозды (въ XIV ст.), которыхъ патріархъ сравниваетъ съ книжниками и укоряетъ въ высокоуміи. Эта оппозиція была собственно вполнѣ критикою духовенства и церковнаго порядка... Она напала на богатство духовенства и указывала въ противоположность на евангельскую нищету, приводя въ свидѣтельство тексты (ст. 439). Еретики считали священниковъ невѣрными (недостойными) и отвергали исповѣдь священнику, говоря, что можно каяться, *припадая къ землѣ*. Можетъ быть, въ этомъ обрядѣ, неясно выраженномъ для насъ, дѣйствовало, по привычкѣ, древнее языческое олицетвореніе Земли... *Строить душу*, — по ихнему значило умилостивлять божество за умершихъ»... (стр. 443). Приведенное же затѣмъ въ поэмѣ, раскольничье или скопческое міросозерцаніе, въ которомъ, какъ мы видимъ, отразились и ученіе

богомилловъ, и наша Голубиная или Глубинная книга, и языческое міросозерцаніе древней Индіи, передѣланныя на христіанскій ладъ, заимствовано изъ бѣсѣды, приписываемой тремъ святителямъ, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту и Василю Великому (В. Евр. 1873 г. Нов. помѣ. Троицкаго, ст. 567—569, 578), а именно: что св. вода честнѣе пречистыхъ св. тайнъ Господнихъ; первѣе Бога былъ Сатана, иже сверженъ бысть съ небеси... Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?—Сударь бѣ два плата служебные на блюдѣ, а ризы Петра—верхнее небо и преисподняя, стихарь—шестаго неба, поясъ—железное столпие около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, патрахиль—входъ и выходъ, подъ поясомъ земля. Толстота ея, яко отъ В. и до З. Повелѣтъ Господень ангель согнати пѣну морскую и сотворити землю на трехъ китахъ великихъ. На 30-ти малыхъ китахъ заляжетъ тридцать окомъ морскихъ; а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бывають. Гдѣ первѣе Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? Три коморы на небесѣхъ; въ тѣхъ коморахъ агнецомъ туто есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Въ тѣхъ коморахъ Отець и Сынъ и Св. Духъ свѣтъ есть, а другой свѣтъ огонь есть. Ангелы сотворены отъ Духа Святаго и отъ огня. Солнце сотворено отъ внутреннїи ризы Господни. Отъ чего луна сотворена бысть?—Отъ аера и отъ престола Господня, и отъ воздуха. Что есть внугъ рече бабѣ: положи мя у себѣ, и рече ему баба, како положу тя у себѣ, ты ми отецъ? Толкъ: внугъ есть Христось, баба—Земля *). Исусъ родился спустя восемь лѣтъ послѣ Ісуса,—онъ есть антихристъ. Марія освящена пачтїемъ св. Духа чрезъ слова архан. Гавріила. Этотъ антихристъ распятъ на двучастномъ крестѣ. Борьба слишкомъ двѣсти лѣтъ противъ крыжа Лятскаго, противъ невѣжественнаго самовластія церкви».... и т. д. А вотъ еще другое ученіе: «у Бога два сына—Христось и Сатанамилъ. Послѣдній создалъ тѣло человѣческое; Богъ вдунулъ душу. Сатанамилъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ; Христось, явясь, заперъ его въ бездны ада,—съ тѣхъ поръ онъ Сатана. Сатанамилъ учредилъ бракъ, и потому женатые прокляты, дѣти ихъ ненавистны; они мамонщина, дьявольщина. Богомиллы проповѣдуютъ самый страшный аскетизмъ, неповиновеніе властямъ, порицаніе божества. Мїръ держится на 4 золотыхъ китахъ, а киты на огненной рѣкѣ. Секта эта подточила въ самомъ корнѣ юныя общественныя силы Болгарскаго царства: въ ней дуализмъ Зороастра, христіанство и собственные вымыслы...» (Р.

*) Не напоминаетъ ли это прямо старинную нашу загадку: „когда быкъ родилъ корову?“ Отвѣтъ: тогда какъ Богъ создалъ землю. Еще въ древнихъ вѣкахъ богъ Индра называется быкомъ,—и образъ же быка или коровы придается потомъ землѣ у всѣхъ древнихъ арійскихъ народовъ.

вѣст. 1873 г. Апр. срав. изуч. нар. быта и поэзіи, Буслаева, ст. 581). Нечего говорить, что изложенныя затѣмъ преданія, о Буянѣ островѣ и о горѣ, названной въ нихъ Афономъ, должны быть заимствованы нашими скопцами изъ самыхъ древнѣйшихъ преданій о восточномъ свѣтломъ раѣ и о брахманахъ. Пѣсни о фіалѣ божьяго гнѣва и объ огненной рѣкѣ принадлежать къ народ: стихамъ о кончинѣ міра. Источникъ ихъ г. Афанасьевъ видитъ не менѣе отъ того въ глубокой же древности. «Вѣрованія эти, говоритъ онъ, очевидно стоятъ въ связи съ глубоко-укорененнымъ въ народахъ преданіемъ, о всеобщемъ развращеніи передъ кончиною міра, когда по выраженію русскаго стиха:

„При послѣднемъ будетъ при времени —

„Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо,

„А кривда пойдетъ по всей землѣ“.

«Въ началѣ XVI в. Псковичи, теряя древнія вольности, усматривали въ новыхъ московскихъ порядкахъ начало Антихристово царства. Свидѣтельства нашихъ старинныхъ памятниковъ и народныхъ стиховъ согласны съ языческими преданіями сканд. Эдды; въ ея сказаніяхъ о кончинѣ вселенной, исполненныхъ мрачнаго поэтического колорита, еще нагляднѣе и полнѣе изображена борьба свѣтлыхъ боговъ съ волками — представителями темныхъ силъ». (Аф. т. I, ст. 752—755).

20) Извѣстно, до какой степени развитъ духъ созерцанія на Востоцкѣ, въ Индіи, у буддистовъ и браминовъ, которые, судя по картинѣ этого, изображенной въ Саканталѣ, стоятъ или сидятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, такъ что птицы начинаютъ вить на нихъ гнѣзда и они сами обрастаютъ травою. Можно сказать, что вся обрядность и духъ буддизма сосредоточены на неподвижномъ созерцаніи. Откуда-бы созерцательность эта ни перешла и къ намъ, корень ея, во всякомъ случаѣ, — на древнемъ Востоцкѣ. Древніе боги всего болѣе страшились духа созерцанія въ человѣкѣ, который могъ черезъ него низвергнуть ихъ съ престоловъ, что и сдѣлалъ Будда. Арійскій богъ, Индра, вынужденъ былъ послать къ одному пустышнику обнаженную красавицу, чтобы она развлекала его, и прекратила его созерцанія, которыя становились уже страшными богами. «Наши истинные отцы духовные, пишетъ Сперанскій въ 1817 г. къ Цейеру, — чтобы вступить въ созерцаніе, ищутъ одиночества, т. е. самага удаленнаго угла своей комнаты. Тамъ они принимаютъ положеніе, наиболѣе удобное, т. е. просто садятся, скрещиваютъ руки подъ грудью, и устремляютъ взоры на какую либо часть своего тѣла, а именно на пупокъ (отсюда даже произошло одно изъ наименованій, даваемыхъ имъ). Опытъ доказалъ имъ всѣ выгоды этого положенія, охраняющаго ихъ въ одно время и отъ сна, и отъ развлечения наружнымъ свѣтомъ; но они остерегаются

закрывать глаза, — они остаются неподвижны. Они начинаютъ съ «Господи помилуй»; но у нихъ это скоро прекращается. Огонь, разъ возженный, горитъ самъ собою, и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питается. Въ этомъ и состоитъ тайна. Находишь вновь «Господи помилуй» въ мысляхъ своихъ лишь въ ту минуту, когда придешь въ себя. Они остаются въ этомъ состояніи, не сколько они хотятъ, но пока оно длится. Продолжительность его весьма различна; бывали случаи, что оно длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питья. Тутъ они видятъ иногда то, что они называютъ свѣтомъ Фавора (технич. терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). Не знаю, что это такое; но знаю положительно, что видѣніе это гораздо чище, гораздо духовнѣ нашихъ обыкновенныхъ видѣній». (Р. арх. 1870 г. т. 1, ст. 193, 194). Припомнимъ буддійскую нирвану, — погруженіе въ самозабвеніе, превращеніе своего бытія въ совершенное ничтожество!.. Потомъ, Сперанскій пишетъ томъ же, въписывъ къ С. М. Броневскому: «по мѣрѣ упражненія и навыка въ ней (въ духовной молитвѣ) открывается, что она какъ бы останавливаетъ ходъ мысленной нашей духовной силы, — и на вопросъ, о чемъ мы думали, когда снѣ образомъ *молились*, мы не находимъ въ себѣ отвѣта, ибо дѣйствительно въ сіе время мы не мыслили ни о чемъ, не представляя себѣ ничего, и ничего не помнимъ: ибо помнить, представлять и мыслить есть дѣло души, а не духа. Сіе состояніе Восточные отцы называютъ безмолвіемъ, а Западныя — *suspension de facultés de l'ame*. И вотъ почему молитва сія называется духовною. Она то есть *молитва въ духъ и истинъ*; а не то, что нѣкоторые, впрочемъ благочестивые люди, подъ симъ разумѣютъ. Кратко: она состоитъ въ отсутствіи всего того, что называютъ какииъ-либо понятіемъ, — всего того, что не есть духъ Христовъ: ибо духъ ни понятіи, ни словъ не имѣетъ. «(Тамъ же, ст. 200, 201). Другими словами, — не есть-ли это все также буддійская нирвана, какъ сказано выше? Впрочемъ, въ добавленіе къ этимъ письмамъ, Д. Н. Свербеевъ, и говорить, что въ книгѣ о Паисіи Величковскомъ, архимандритѣ Молдавскаго монастыря, изданной въ 40 годахъ Возловскимъ, онъ читалъ о подобномъ способѣ и слышалъ случайно отъ извѣстнаго Ф. Голубинскаго, что такой именно способъ знакомъ былъ Восточнымъ аскетамъ, и что онъ былъ описанъ св. Григоріемъ Паламой, однимъ изъ уважаемыхъ отцовъ церкви V вѣка. (Тамъ же, 1871 г. ст. 176—177). А въ словѣ, приписываемомъ Григорію, сказано: «отъ фюфильскихъ же и отъ аравитскихъ писаний научишеса Болгаре»... (въ лѣтоп. изд. пр. Тихонравова W, 99. Р. в. 1873 г. апр. ст. 602, прим. къ ст. о рел. др. міра въ отнош. къ христ.). Все же, изложенное ниже въ поэмѣ, толкованіе ученія и обрядовъ хлыстовской секты и истекающихъ изъ нея или сходныхъ съ нею толковъ и ихъ подраздѣленій, какъ-то: федосѣевцовъ, скопцовъ. и пр. заимствовано изъ сочиненія г. Кельсіева, о скопческихъ богородицахъ, съ одной изъ которыхъ онъ былъ знакомъ въ Болгаріи и ко-

торая очень простодушно полагала, что если-бы она только пожелала, то ей поклонились бы всѣ цари земные и она была бы обладательницей всѣхъ земныхъ сокровищъ. Вообще изъ ученія сектаторовъ нашихъ видно, какъ и сказано выше, что начало этого ученія еще въ мирѣ язычества; только что древніе языческіе образы и вѣрованія у нихъ смѣшаны съ новыми, христіанскими, — отчасти даже облечены въ христіанскія формы. Значить, язычество еще не заглохло совершенно въ нашемъ народѣ; но подъ влияніемъ христіанства, только переродилось въ разныя ереси, сохранивъ даже при этомъ множество древнѣйшихъ своихъ представленій, обрядовъ и вѣрованій. Мыслящій, но непросвѣщенный народъ, какъ видно, желалъ соединить новое съ прежнимъ, древнюю вѣру свою съ христіанскою, въ чемъ ему и не препятствовали. Ему по сіе время еще необходимы видимые или олицетворенные образы въ его вѣрованіи; онъ не могъ разстаться вдругъ съ своими древними языческими обрядами, и преобразилъ ихъ въ христіанскіе, разъясняя и очищая по своему первые духомъ новой религіи, большею частію къ затмѣнію или искаженію послѣдней; онъ имѣлъ мало достойныхъ учителей въ нашемъ древнемъ духовенствѣ, и взялъ ихъ изъ себя, изъ того же народа, — такимъ образомъ развилось въ немъ двоевѣріе, какъ и слѣдовало ожидать отъ народа, замкнутаго во тьмѣ первобытнаго невѣжества, лишеннаго вначалѣ просвѣщенныхъ пастырей и осужденнаго жить столѣтія своими собственными способами, по старому. Изъ чего слѣдуетъ, что двоевѣріе это у насъ при всѣхъ его заимствованіяхъ, не есть какое-нибудь новшество или наплывъ какихъ нибудь самобытныхъ, позднѣйшихъ, особенно политическихъ лжеученій; но только вѣтви все того же стараго дерева язычества, къ которымъ народъ привилъ по своему христіанство, искаживши то и другое, — и что съ развитіемъ въ народѣ просвѣщенія, двоевѣріе это должно пасть само собою.

21) Въ лѣтоп. русской литературы и древности, т. IV: въ 4-мъ словѣ противъ язычества. сказано: «чтутъ богиню, — сію же дѣву творятъ». «Вѣроятно, въ связи съ этимъ поклоненіемъ «богинѣ-дѣвѣ», говоритъ г. Щаповъ, находится и позднѣйшее религиозное поклоненіе секты «людей божіихъ» дѣвицъ, какъ богородицъ, — поклоненіе, соединенное, согласно съ древнимъ обычаемъ, съ «свадьнымъ грѣхомъ на радѣньяхъ»; а также и ученіе секты бѣгуновъ, утверждающее, что «дѣвка сотворена отъ Бога, а баба отъ діавола», — что блудное общеніе съ дѣвицею есть «любовь Христова...» (Отеч. записк. 1874, Май, Іюнь, ст. 423, прим. 4). Послѣднее, какъ сказано выше (примѣч. 21), находится и въ ученіи богомиловъ. «Въ языческія времена, вся жизнь женщины, прѣдлагаетъ г. Щаповъ, приносилась въ жертву мужицѣ, какъ богу; такъ что по смерти мужа, жена должна была слѣдовать за нимъ въ могилу: вдовъ сожигали на костре, въ поминокъ души мужа, для «умилостивленія къ нему боговъ подземныхъ». Въ примѣрѣ чего онъ приводитъ былинку о По-

токѣ, по древнимъ рос. стих. (стр. 225), гдѣ она сохранилась вѣрнѣе, т. е. гдѣ хоронится умершій Потокъ съ живой женою, а не живой Потокъ съ обмирающей женой, какъ это разсказывается въ другихъ былинахъ. (Отеч. зап., тамъ же ст. 424). На счетъ же сказанной «богини-дѣвы», г. Буслаевъ съ своей стороны также говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что принятая даже въ нашей иконописи Дѣвица-Земля есть таже самая античная фигура богини земли, которая часто встрѣчается въ живописныхъ и скульптурныхъ памятникахъ древняго христіанскаго искусства. Мастерамъ вмѣнялось въ обязанность изображать землю въ видѣ обнаженной дѣвицы, увитой зеленью, — по преданьямъ, о какой-то «матери сырой землѣ», и обычаямъ въ лѣтнюю пору водить въ хороводахъ обнаженную дѣвицу, увитую вѣтвями, которую у сербовъ, подъ именемъ Додола, а у болгаръ — Пеперуги или Преперуги, еще поливаютъ водою, будто изнемогающую и жаждущую отъ засухи земли». (Русск. вѣстн. 1873, Мартъ, сравн. изуч. народ. быта и поэзіи, ст. 595). «По мнѣнію проф. Лавровскаго, говорить г. Афанасьевъ, Додола представляетъ собою богиню Землю, еще не вступившую въ брачный союзъ съ Небомъ, и не орошенную плодотворнымъ сѣменемъ дождя; она проситъ этого союза, чтобы не быть бесплодною отъ засухи. Понятно, что только дѣвица и можетъ быть представительницей въ такомъ состояніи земли» (Аф. т. II ст. 173). «Слово Додола до сихъ поръ остается необъясненнымъ; серб. прпоруша, и болгар. пеперуга (преперуга) очевидно тождественны. Прпоруша должна значить: орошенная дождемъ, осыпанная его благодатнымъ сѣменемъ (отъ словъ: пурга — мятель, пурить — мочиться, пороша — дождь и снѣгъ — мучная пыль). На Руси неизвѣстенъ обрядъ хожденія Додола; но на второй день Пасхи, на разсвѣтъ, парни обливаютъ дѣвицу, а тѣ въ свою очередь обливаютъ парней во вторникъ: такъ какъ водѣ, какъ и весеннему дождю, приписывалась сила плодородія, сила цѣлебная и очистительная, сила вѣщая, и т. д. (Тамъ же, ст. 177, 178—192). «Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ г. Буслаевъ, съ богословской ли или вообще съ исторической сравнительной точки зрѣнія, общепризнанное сходство между преданіями язычниковъ и библейской исторіи настоятельно говоритъ въ пользу той мысли, что язычники, вмѣстѣ съ христіанствомъ принимая и сказанія библейскія, тѣмъ довѣрчивѣе и искреннѣе могли къ нему относиться, чѣмъ болѣе отрывали они родственныхъ узъ, которыми сказанія эти связывались съ ихъ собственной стариною и народностью; чѣмъ болѣе все неясное, смутное и разрозненное въ своихъ старобытныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ могли они облечь въ типическую форму историческихъ сказаній, скрѣпленныхъ авторитетомъ церкви... (Русск. вѣстн. 1873 г. Мартъ, ст. 603). Такой отзывъ уважаемаго нашего ученаго еще болѣе долженъ оправдать сектаторскія заблужденія нашего темнаго народа, который

видить въ нихъ, по своей необразованности, самое чистое, просвѣтлѣнное христіанство! (См. выше, прим. 20).

22) Вотъ одинъ образчикъ этихъ Саваофовъ! Владим: губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Егорьевскаго приказа, на гору Городину спустился Богъ-Отець съ неба въ превеликой славѣ, съ силами небесными, на огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ. Силы небесныя вознеслись; а верховный гость, превышній Богъ, сталъ видѣнъ на горѣ, въ образѣ человѣка, Данила Филиповича. За 15 л. до сошествія родился у него, по предсказанію пророковъ, сынъ І. Х., Иванъ Тимофеичъ, отъ столѣтней бабы, крѣпостной Нарышкина, въ 40 вер. отъ Мурома, въ с. Максаковѣ. Съ нимъ жила дѣвица, дочь Бога. Сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ: «и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа моего на всякую плоть, и прорекутъ сыны ваши и дщери ваши, и юноши ваши видѣнія узрять, и старцы ваши сонія видять; ибо на рабы моя и на рабыни мои во дни оны излію отъ духа моего, и прорекутъ». Богоотець убо Данила предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаша, играя; людіе же Божіи святіи образомъ сбытіе зряще, веселимся божественне, яко воскресе Христось, яко всесиленъ. Господь Богъ просвѣтилъ ученіемъ Іерусалимъ, а Данила Филиповичъ, имѣя съ нимъ одинаковыя свойства, просвѣтилъ Россію, начавши это образованіе съ Костромы, которую и называютъ верховною страгою. Дан. Филип., не имѣя земнаго начала, имѣетъ непосредственное сношеніе съ святымъ духомъ, отъ котораго получаетъ всѣ наставленія, по которымъ и творить чудеса. Явившись на землю, онъ всѣ книги кинулъ въ Волгу, какъ ненужныя, и установилъ не имѣть книжнаго на-ученія, а руководствоваться преданіями его и вдохновеніями пророковъ ихъ вѣры. Дан. Филип. далъ божество Ивану Тимофеичу, въ своемъ домѣ, въ дер. Старой, послѣ чего они оба три дня сряду возносились на небо при свидѣтеляхъ. І. Хр. возвратился въ жилище и началъ проповѣдовать ученіе Бога-Отца, Дан. Фил. — по 12 заповѣдямъ. По царскому повелѣнію, его схватили и пытали съ 40 учениками. Бояринъ Мордвиновъ, отъ допросовъ отказался. Пытали на лобномъ мѣстѣ и распяли на стѣнѣ, у Спаскихъ воротъ, гдѣ нынѣ часовня. Когда онъ испустилъ духъ, стража сняла его со креста, и въ пятницу похоронила на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами; а въ субботу на воскресенье онъ при свидѣтеляхъ воскресъ и явился ученикамъ въ Покрѣ. Тутъ онъ былъ снова пытаемъ и распятъ, снята была съ него кожа; одна изъ ученицъ покрыла его простынею, образовалась новая кожа. Онъ вновь воскресъ, и назвался бого-человѣкомъ, Стародубскимъ христомъ-спасителемъ. Потомъ былъ взятъ еще въ третій разъ; но освобожденъ, по случаю рожденія Петра великаго. Послѣ того онъ жилъ 30 лѣтъ въ домѣ, Новомъ Іерусалимѣ. Когда же превышній Богъ, гость богатый Дан. Филип., изъ деревни Старой на сотомъ году, прибылъ въ Москву, въ домъ возлюбленнаго сына своего, Ів. Тим., и возвесья на небо при свидѣтеляхъ, въ домѣ

св. Василія; то начали считать и новый годъ съ этого времени. Затѣмъ Ив. Тим. высланъ былъ изъ Москвы, и скитался 15 лѣтъ; а когда гоненіе утихло, построилъ маленькій домикъ, противъ прежняго. Въ третьемъ домѣ,—священный колодезь, столъ бога-отца, на одной доскѣ образа обоихъ, кериги. Иванъ Тим. умеръ въ день св. Тихона, показавъ примѣръ своего терпѣнія и благочестія на землѣ. Онъ хотя и былъ сынъ Божій; но тѣло его похоронено у церкви св. Николая въ Грачахъ, откуда онъ вознесся въ славу своей, при свидѣтеляхъ, для соединенія съ отцомъ. А вотъ еще и другое о томъ же Данилѣ Филиповичѣ сказаніе: Данила Фил. —божійчеловѣкъ, бѣглый солдатъ, объявившій себя богомъ Ивану Тимофенчу Сулову, а его объявившій христомъ. У нихъ была богородица и 12 апостоловъ, по берегамъ Оки и Волги. Данила Фил. умеръ въ Москвѣ, передавъ званіе христа стрѣльцу Прокопію Лубкину. Мистическое ихъ ученіе проповѣдывалось въ Нижегородской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ; въ 1716 году Лубкинъ былъ пойманъ, но опять освобожденъ. Ученица его, Агафья Карповна, учредила общество въ Веневѣ, въ 1713 г. Ученіемъ ихъ увлеченъ былъ даже ростовскій епископъ Досифей... Они посланы въ разныя мѣста Сибири. Послѣ Лубкина, сдѣлался христомъ Андрей Петровъ, юродивый (Соч. Ливанова)... Кромѣ многихъ другихъ христовъ и саваофовъ, былъ еще Иларіонъ—коровни пожи; о немъ упоминается въ книгѣ: о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ. Онъ жилъ въ Бѣлой Бриницѣ, и былъ коноводомъ тамошнихъ старообрядцевъ при импер. Іосифѣ II. «Митрополита для Бѣлой Бриницы не нашлось, и Иларіонъ потихоньку сталъ заявлять себя христомъ. Онъ былъ мужикъ богатый, заказалъ себѣ митрополичье облаченіе, и *многіе* изъ бѣлокриницкихъ иноковъ и мирянъ, самиде-видѣли, какъ онъ въ митрополичьемъ облаченіи, въ саду Бѣлокриницкаго монастыря, гулялъ не по землѣ, а по воздуху въ сіяніи, и почитали его не только за митрополита, но и за воплощеніе І. Христа.» «Въ послѣдствіи онъ въ чемъ-то попался и умеръ въ тюрьмѣ. Въ запискахъ инока Аркадія Тульчинскаго исторія эта рассказана а съ большими подробностями» (Бельсіевъ. Русск. вѣстн. 1869 г. Ноябрь, стр. 181, Польск. агенты въ Царьградѣ). Что же во всемъ этомъ бросается въ глаза, кромѣ мистичности самого ученія?—Опять таже образность или желаніе возсоздать все отвлеченное въ видимые образы, и опять таже древняя божественность человѣческаго духа или желаніе обоготворить себя въ разныхъ божественныхъ образахъ. Безплотное христіанское небо превращается въ древнюю стеклянную гору; избранные люди—въ боговъ, а ихъ христіанское ученіе—въ самое древнее, фигуральное язычество. Одно спасеніе отъ всего этого—опять то же народное просвѣщеніе!

23) Приведенная пѣсня принадлежитъ также къ скопческимъ,—къ ученію этихъ новыхъ, христіанскихъ жрецовъ общей матери Цибеллы. А эти Вѣтры, Вернигоры, Стриги, Вѣдьмы, Скакуны, Огнен-

ные мечи, Зори ясныя, Господь-богъ красное-Солнышко,—и проч. и проч., не образы ли все это древнѣйшаго языческаго міра?.. Народъ нашъ по сіе время не можетъ съ ними разстаться и воображаетъ, что онъ облагородилъ и освятилъ ихъ христіанствомъ, или даже, что они всё порожденіе христіанской религіи, столь мало доступной ему въ своей сущности. Не въ этомъ ли и главная причина народнаго упорства и закоснѣлости во всёхъ этихъ ересяхъ?..

24) Ученіе объ этомъ также скопческое; а въ приведенной здѣсь ихъ пѣсни, объ оставленіи Петромя III Питера и Москвы, говорится далѣе, что онъ перебирать будетъ всякое сѣмячко, отъ вѣрныхъ не укроется, надъ царями царь откроется, завладѣетъ всеми престолами и короною съ державою, всё цари, власти ему поклонятся, и вы (т. е. вѣрные) рядомъ съ нимъ сядете. Затѣмъ, вотъ заключеніе этой пѣсни:

„Ты свѣти, свѣти, свѣти, свѣтель мѣсяць,
„Обогрѣй ты насъ, красно солнышко,
„Прикатися къ намъ государь-батюшка,
„Съ Восточной, государь, со сторонупки,
„Изъ своей, государь, изъ неволюшки,—
„Покажи ты намъ свой пречистый ликъ!..“

(Ливановъ).

25) Восхваленіе и самое начало пустыни еще идутъ отъ буддизма. Самая исторія о пустынникѣ Варлаамѣ и объ Іосифѣ царевичѣ, говорить г. Буслаевъ, — распространившаяся, какъ полагаютъ, въ средніе вѣка, не только по Россіи, но и по всей Западной Европѣ, есть только передѣлка на христіанскія понятія и нравы, какъ извѣстно, житія Будды, который былъ также сыномъ царя. Помнѣннѣе г. проф. Веселовскаго (о Соломонѣ и Китовраѣ, введ. стр. XI—XII) легенды о Варлаамѣ и Іосифѣ перешли къ намъ изъ Болгаріи, отъ секты богомиловъ. Но, какъ сказано выше (прим. 21), преданія о нихъ, въ образѣ Будды, по мнѣнію г. Буслаева, могли перейти къ намъ и прямо отъ язычества (Русск. вѣст. 1873 г. апр. 649). Объ этомъ можно будетъ сказать еще положительнѣе, когда разъяснится, что источникъ всёхъ нашихъ еретическихъ сектъ въ народѣ есть тотъ же самый буддизмъ, извѣстный у насъ гораздо ранѣе, нежели о томъ думаютъ,—или вѣрнѣе, занесенный къ намъ еще древнѣйшими нашими предками, при переселеніи ихъ съ Востока (См. предисловіе къ этой II книгѣ). Эта же самая пустыня въ послѣдствіи приняла у насъ совершенно христіанскій характеръ,—и вѣроятно, въ этомъ новомъ уже видѣ получаетъ она отъ раскольниковъ разныя восхваленія, какъ напр.

„Прекрасная мати пустыня,
 „Любезная моя дружина!
 „Пришелъ я тебя соглядати,
 „Потщися ми воспріяти,
 „И буди ми яко мати...

„Ахъ, гдѣ бы мнѣ водвориться,
 „Съ усердіемъ Богу помолиться!...“

Тутъ есть и указаніе на перенесенныя нашими сектаторами, гоненія, и на жажду уединенія, ради спасенія души своей; но основаніе самой пустыни все-таки буддическое, и ученіе о ней есть прямо ученіе завѣщанное! для своимъ послѣдователямъ.

26) Извѣстно, что Пугачевъ называлъ себя Петромъ III, котораго скопцы признаютъ своимъ главнымъ Христомъ. Этотъ Петръ III заблуждѣлъ духомъ, покинулъ тронъ свой, потомъ и Москву, и проявился въ пустынѣ. Конечно, въ проявленія его въ пустынѣ и въ послѣдовавшихъ затѣмъ беспорядкахъ, главные виновники—наши раскольники, которымъ это было нужно для скорѣйшаго уничтоженія царства тьмы въ Россіи. Теперь они ожидаютъ его опять съ Востока, т. е. изъ Сибири, гдѣ онъ скрывается до времени отъ предержавшихъ властей. Только этимъ можно объяснить, бывшее въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, движеніе крѣпостныхъ крестьянъ на Востокъ, на рѣку Дарью, гдѣ они предполагали найти рѣку, текущую медовою сытой, и кисельныя берега. Движеніе это было такъ обширно въ среднихъ губерніяхъ, что многія господскія села и деревни за одну ночь совершенно пустѣли. Бѣглецовъ возвращали власти съ дороги; а нѣкоторые возвращались и сами, не найдя нигдѣ того земнаго рая, о которомъ изъ рассказывали. Это напоминаетъ бывшее въ средніе вѣка подобное же движеніе коммунистовъ въ Германіи, и такое же ихъ разочарованіе.

27) О раскольничьемъ мнѣніи, о Наполеонахъ I и III, см. также сочиненіе о скопцахъ Кельсіева, приведенное выше, (прим. 20).

28) «Какъ олицетвореніе ночной тьмы и мрачной тучи, волкъ отождествляется съ дьяволомъ, говоритъ г. Афанасьевъ. Старонѣмецкое *Warg* (гогс. *varhs*, и сл. *vargr*) Яковъ Гриммъ удачно сблизилъ съ словомъ врагъ (*vrag*), которое и на нашемъ языкѣ, въ областныхъ говорахъ, и у древнихъ славянъ означаетъ чорта. У отцовъ церкви зѣвъ ада уподобляется раскрытой пасти волка, а чортъ называется похищающимъ души волкомъ. Олицетворяя дождевыя облака дойными коровами, овцами и козами, пастушескія племена вѣрили, что стада эти похищаются на зину демономъ Вритрою. Сверхъ того, въ мрачныхъ тучахъ, туманахъ и затѣніяхъ солнца и луны они видѣли демоновъ, поѣдающихъ божественныя свѣтила, и эта вѣчная борьба тьмы и свѣта на мифиче-

слово ягнѣ обозначалась нападеніемъ голодныхъ волковъ на небесный стада. По свидѣтельству одного древняго заговора и кормчей книги, тучи въ образѣ волковъ терзаютъ своими зубами солнце, луну и тѣ безчисленные стада овецъ и козъ, въ видѣ которыхъ олицетворялись яркія звѣзды. Такъ какъ солнце, луну и звѣзды фантазія древняго челоѣка признавала за небесные огни, то отсюда возникло повѣрье, будто волки пожираютъ огонь... Въ одной малорусской сказкѣ говорится: «дунулъ чортъ на небо — и яркая звѣзда потухла, а свѣтлый мѣсяцъ закрылъ шапкою». О падающихъ звѣздахъ рассказываютъ на Руси, что звѣзды эти бѣгутъ и прыгуютъ въ дальнихъ областяхъ неба, будучи преслѣдуемы нечистымъ духомъ. Когда небо заволокутъ тучи, то простой народъ обращается къ солнцу съ заклинаніемъ: «вы лань, солнышко! твои дѣтки плачутъ». Этими думаютъ освободи дневное свѣтило отъ власти темныхъ силъ. Есть лѣтописныя свидѣтельства, что при солнечныхъ затмѣніяхъ въ старину раздавался непритворный плачь населенія, которое опасалось за судьбу солнца, захваченнаго злымъ демономъ мрака. По преданіямъ западн. славянъ, царь-Солнце борется съ нечистою силою (Зимю), которая нападаетъ на него въ видѣ волка. У хорутанъ существуетъ повѣрье, что папоротникъ разцвѣтаетъ, когда солнце побѣждаетъ чернаго волка. Затмѣнія солнца и луны, издревле называвшіяся божьими знаменьями, у всѣхъ языческихъ племенъ объяснялись враждебнымъ нападеніемъ демоновъ тьмы на свѣтлыхъ боговъ, обитающихъ на высокомъ небѣ. Народы различныхъ странъ и вѣковъ равно боялись затмѣній, усматривая въ нихъ дѣйствительный вредъ, наносимый свѣтлѣмъ, и считали ихъ предвѣстіями общественныхъ бѣдствій; цари заирались въ то время въ своихъ дворцахъ и въ знакъ горести остригали дѣтямъ волосы. Слова лѣтописи о затмившемся солнцѣ: «снѣдаему сущу» — равносильны выраженію: «изъѣдоша», которое встрѣчается въ показаніи кормчей книги о волкодлакахъ. *Несъласи* (т. е. недовольно просвѣщенные христіанскимъ ученіемъ) вѣрили, что злые духи мрака пожирали свѣтило; отъ ихъ острыхъ зубовъ видны были въ лунѣ и солнцѣ изъѣденныя щербини; припомнимъ, что ежемѣсячное умаленіе луны называется ея ущербомъ. Уподобленіе багряныхъ лучей солнца — кровавымъ потокамъ должно было сочетаться съ мыслию о лютомъ волкѣ, терзающемъ свѣтлое божество дня. Индѣйцы вѣрили, что вовремя солнечнаго и луннаго затмѣній демонъ Рагу или чудовищный змѣй (олицетвореніе тучи и зимнихъ тумановъ) стремится проглотить, захваченное имъ, свѣтило. Въ Индіи, Китаѣ, въ Африкѣ и Сѣвер. Америкѣ, у древн. грековъ, римлянъ и у другихъ европейскихъ народовъ было въ обычаѣ производить, во время затмѣній, сильный стукъ и звонъ въ мѣдные сосуды, подымать неистовые крики, а въ позднѣйшую эпоху стрѣлять изъ ружей, чтобы этими звуками, напоминающими

побѣдные громы Индры, напугать страшнаго звѣря или чернаго дракона, готоваго пожрать небесное свѣтло. Во многихъ странахъ сохранилось повѣрье, что лунное затмѣніе бываетъ, когда на луну нападаетъ волкъ съ разинутою пастью. Въ Бургундіи говорятъ: *Dieu garde la lune des loups*; у насъ ущѣляла старинная поговорка: сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловить, т. е. черная туча закрываетъ звѣзды. Въ старину, съ такимъ совершеннымъ уничтоженіемъ солнца невѣгласи соединяли вѣрованіе въ кончину міра, — «мняше, яко скончаніе міра прииде», — и потому горько плакали.... «Поча убывати солнце, — по полудни погиге все. О, великъ страхъ и тьма бысть». Весьма недавно (въ 1840 г.), при солнечныхъ затмѣніяхъ, по нашимъ городамъ и селамъ думали, что солнце не будетъ болѣе освѣщать землю, что настаетъ страшный судъ, и готовились къ нему съ плачемъ.... Скандинавскій мифическій волкъ Френмиръ, тогда (во время свѣтопреставленія) разинетъ свою огромную пасть такъ широко, что верхняя челюсть коснется неба, а нижняя земли; разинуть бы еще далѣе, еслибы доставало пространства; изъ его глазъ и ноздрей пышетъ пламя. У насъ, волкъ-туча, пожиратель небесныхъ свѣтилъ, въ народъ: русскихъ сказкахъ носить характеристическое названіе волка-Самоглота. Онъ живетъ на морѣ — на океанѣ (т. е. на небѣ), добываетъ сказочному герою гусли-самогуды (метафора грозовой тучи), пасть у него страшная, готовая проглотить всякаго супротивника», и т. д. (Афан. I, ст. 742 — 744, 747 — 751, 755, 759, 764). Можно, кажется, поэтому предположить, что Сканд.: волкъ Френмиръ и нашъ волкъ-Самоглотъ имѣютъ сходство между собою; но какъ у волка-Самоглота болѣе стихійныхъ принадлежностей, нежели у Френмира, — такъ у него подъ хвостомъ баня, свади — море, въ его утробѣ — живая вода дождя; онъ самъ замѣняется въ сказкахъ иногда молочною рѣкою съ кисельными берегами, которая всѣхъ питаетъ и всѣмъ даруетъ красоту и силу (тамъ же, ст. 764); то Самоглотъ долженъ быть древнѣе Френмира, который отъ него же, можетъ быть, и заимствованъ, какъ отъ славянъ: слова: врагъ, вѣроятно, произошли и старонѣм. *warg*. и гот. *wargs*. и исланд. *vargr*, и т. д. (См. выше, въ началѣ примѣч.).

29) По нашимъ народнымъ преданіямъ, огненная рѣка, что должна протечь по землѣ въ послѣдніе дни міра, имѣетъ двойное значеніе. во 1-хъ какъ рѣка истребленія, во 2-хъ какъ рѣка очищенія. Въ настоящемъ случаѣ принято послѣднее ея значеніе. «Младенческимъ племенамъ, говоритъ г. Афанасьевъ, все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ. Солнце, удаляющееся вечеромъ съ небснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ бы уходять подъ землю, а потому Западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтло, признанъ былъ за подземное, загробное царство: тамъ полагали греки и свой адъ (*älys*). Весенняя, пожигаемая молніями, туча течетъ съ

Востока огненною рѣкою, *подаетъ обветшалый міръ*, и затѣмъ отходить къ Западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемірный пожаръ дѣйствуетъ заодно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозового пламени и дождевыхъ ливней, и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны.... Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго *очищенія*, то понятно почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двойное значеніе: адскаго, наказующаго потока и очистительнаго пламени (*Fegefeuer*). Здѣсь хранится католическій догматъ о чистилицѣ (*purgatorium*). По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неведомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небснаго океана:

„И прошелъ неводъ мукой вѣчною,

„И вытащилъ душъ праведныхъ (процонныхъ) изъ муки вѣчныхъ“.

«Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злая, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною, металлическою рѣкою, которая разольется при кончинѣ вселенной... и потомъ явится новая земля и новое небо, и воцарится вѣчный свѣтъ и правда». (Аф. III, ст. 24 25). Ясно, что въ нашемъ народномъ стихѣ и эта огненная рѣка, и совершаемое ею очищеніе, приняли уже христіанскій характеръ; но основаніе ловли очищенныхъ душъ неведомъ, г. Афанасьевъ видитъ въ финской Калевалѣ, передающей мифъ о похищеніи огня рыбою, и въ сказаніи Эдды, изображающей грозу, какъ ловъ громоносной рыбы небесными богами. По первому сказанію, — «когда владѣтельница мрачной Похъюлы скрыла солнце и мѣсяць въ мѣдную гору (за густые туманы), то боги грозъ: владыка вѣтровъ, вѣщій пѣвецъ Вейнемейненъ и кузнецъ Ильмариненъ, желая даровать міру новый свѣтъ, взошли на небо, высѣкли огонь (молнию) и вручили его воздушной дѣвѣ. Она держала огонь въ длинномъ облакѣ, и будто младенца въ колыбели, качала его туда и сюда и баюкала; скрипѣли серебряные ремни, звучала золотая колыбель и гнула небесная кровля. Но вотъ неосторожная дѣва уронила огонь; рассыпаясь искрами, онъ упалъ въ море, вспяпятилъ воды и озарилъ ихъ блескомъ. Это море — воздушный океанъ, въ которомъ плаваютъ облака — рыбы. Здѣсь прогматываетъ огонь щука, — поэтическая картина грозы», и т. д. По сказанію Эдды, раздраженные асы ловятъ сѣтью въ водопадъ лукаваго Локки (представителя грозового пламени), виновника насильственной смерти бога весны Балдура. Локки скрылся въ водопадъ въ видѣ рыбы (семги); Торъ держалъ сѣть за одинъ конецъ, а остальные боги

тянули за другой. «По Индѣйскому преданію, Агни, нѣкогда скрывшійся въ воду, былъ преданъ рыбою, и тогда же изрекъ на нее проклятіе, чтобы она вѣчно была преслѣдуема ловцами. А греки рассказывали о Гефестѣ, что сброшенный съ неба, — онъ былъ принятъ богинями водъ Евриномою и Фетидою, изъ которыхъ первая представлялась въ Аркадіи въ рыбьемъ образѣ». (Аф. II, ст. 153 — 155).

30) «Старинный мифъ о погруженіи въ сонъ и пробужденіи божества творческихъ силъ природы, говоритъ г. Афанасьевъ, сохраняется у славянъ въ сказочномъ эпосѣ. Въ горѣ Бланикъ, въ четырехъ миляхъ отъ Табора, рассказываютъ чехи, заключены рыцари, павшіе нѣкогда въ бою. Нѣкоторые покоятся, опершись на мечъ, а другіе — сидя верхомъ, склонивъ голову на шею лошади. Вождь ихъ, Венцелій, покоится посреди пещеры на возвышенномъ мѣстѣ. Они выступаютъ на битву, когда враги со всѣхъ сторонъ ворвутся въ страну, заселенную чехами, внесутъ въ нее смерть и огонь, и разрушатъ Прагу до основанія, когда старый прудъ около Бланика наполнится кровью и засохшія деревья пожелѣютъ и дадутъ цвѣтъ. Въ то время выступитъ священное войско, и во главѣ его Венцелій на статномъ *бѣломъ конѣ* (также, какъ богъ Вишну), держа въ рукѣ распущенное знамя; онъ изгонитъ хищныхъ враговъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ своими ратниками удалится на вѣчный покой. Въ Моравіи существуетъ преданіе о любимомъ князѣ Святополкѣ (Svatopluk), что когда-то онъ долженъ воротиться къ своему народу. Черногорцы рассказываютъ, что въ пещерѣ у развалинъ grada Oboda спитъ «*déd njihov Crnojevic Ivan*»; его сторожатъ горная вила и разбудитъ, кода наступитъ время «*da sjedini opet sa Crnogorom ravni koji sinje more*». На Руси означенный мифъ соединяется съ именемъ Стеньки Разина, которому народъ приписываетъ сокрытіе дорогихъ кладовъ. «Когда пройдетъ еще столѣтъ, сказалъ онъ однажды зашедшимъ случайно къ нему въ Жегулевскія горы матросамъ (самъ въ образѣ древняго сѣдаго старика — ажно мохомъ поросъ) — на Руси грѣхи умножатся, люди станутъ забывать Бога и зажгутъ передъ образами салныя свѣчи, вмѣсто восковыхъ; тогда я снова явлюсь на бѣлый свѣтъ и стану бушевать пуше прежняго». Въ разныхъ деревняхъ можно услышать рассказы, что не только Стенька Разинъ, но и Гришка Отрепьевъ, Ванька Каинъ и Емелька Пугачевъ до сегодня живы и скрываются въ змѣиной пещерѣ на томъ островѣ, гдѣ живутъ получеловѣки, или сидятъ заключенные въ Жигулевскихъ горахъ. Русское преданіе, согласно съ нѣмецкими сагами, связываетъ пробужденіе Стеньки Разина съ кончиною міра, и безпощаднымъ, кровавымъ побойщемъ, какое ожидается при этомъ всемірномъ событіи». (Афан. II, ст. 448 — 453). Известно, что у сербовъ — *цхъ* Марко Кралевичъ, а у насъ — Илья Муромецъ, по народ. пред-

нѣмъ также не умерли, но находятся въ усыпленіи, въ горныхъ пещерахъ, и должны возстать, какъ и всѣ тѣ сказочные герои, предъ самою кончиною міра. «Но характеръ русскаго преданія, замѣчаетъ г. Афанасьевъ, значительно отличается отъ сагъ, созданныхъ германскимъ племенемъ. Тамъ спящіе герои — представители благотворныхъ, творческихъ силъ природы, выступающіе на борьбу съ враждебными ратями демоновъ, на помощь родной странѣ и на устроеніе новой счастливой жизни; напротивъ, у насъ, подъ влияніемъ тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя послужили матеріаломъ для обработки стариннаго мифа, герой — разбойникъ и грабитель, и является съ тѣмъ демоническимъ значеніемъ, какое придавалось великанамъ-тучамъ, какъ роднымъ похитителямъ золота солнечныхъ лучей и плодороднаго сѣмени вождя». (Тамъ же, ст. 453). Въ этому можно, кажется, присовокупить, что у насъ свѣтлая сторона древнихъ народныхъ мифическихъ образовъ, особенно подъ влияніемъ христіанства, перенесена вообще на небесныя силы и новые чудесные ихъ образы.

31) Въ нашихъ народныхъ преданіяхъ также есть свой ~~летучий~~ *корабль*, — облако. «Представленіе облака, тучи кораблемъ, говоритъ г. Афанасьевъ, возникло одновременно съ представленіемъ неба — воздушнымъ океаномъ. На кораблѣ Пльи Муромца «вѣялъ парусъ, какъ орлиное крыло». Индусы называли облака кораблями небеснаго океана — *nāvah samdriyah*; въ Эддѣ облако — *vinflot* (*schiff* или *floss des windes*), потому что вѣтры плывутъ по воздуху въ тучахъ. Русская сказка рассказываетъ о летучемъ кораблѣ, который находился во власти мифическаго старика съ чудотворными бровями и рѣсницами, т. е. во власти бога-Громовника, которому тучи служатъ бровями, а молніи очами... Еще недавно въ Сибири во время масляницы, на нѣсколькихъ связанныхъ вмѣстѣ саняхъ устроивали корабль со всѣми необходимыми снастями и парусами; на корабль сажали честную Масляницу (замѣнившую имя древней богини) и медвѣдя (зооморфическое воплощеніе бога-Громовника), и въ сопровожденіи пѣсенниковъ, возили на лошадяхъ по улицамъ (до двадцати лошадей у переднихъ саней). Въ нѣкоторыхъ городахъ донинѣ соблюдается обычай кататься на масляной недѣлѣ въ большой лодкѣ, поставленной на полозья.» (Аф. 1 ст. 552—556). Извѣстно, что въ глубокую древность на корабляхъ и ладьяхъ перевозились души усопшихъ по воздушному океану въ царство Рода; отголосокъ о чемъ остался въ мрачномъ изображеніи корабля Ильи Муромца съ товарищами, (древняго Перуна). У скандинавовъ, въ ихъ мифологіи, есть корабль изъ человѣческихъ ногтей. Онъ является въ воздушномъ океанѣ въ послѣдніе дни міра, когда загорается земля и свѣтлые асы вступаютъ въ послѣднюю битву съ чудовищами мрака. На немъ у руля стоитъ коварный Локи, образъ котораго есть собственно темная сторона Тора-громовника,

какъ у насъ богатырь Илья темный — темная сторона Илья Муромца; корабль же самый весь наполненъ мертвецами. А какъ мертвецы, по народнымъ преданіямъ, перевозились вообще на корабляхъ-тучахъ; то я нашелъ возможнымъ сблизить оба эти корабля съ мертвецами, нашъ и скандинавскій, и ввести въ настоящее описаніе мифическаго воскресенія мертвыхъ.

32) По нашимъ и другимъ народнымъ преданіямъ, передъ кончиною міра потечетъ рѣка огненная, солнце и луна померкнутъ, звѣзды упадутъ на землю, и будетъ нѣсколько другихъ знаменій; у Скандинавовъ страшный волчій вѣкъ стужи, а у насъ — такое время, что «будутъ семеро одну соломенку подымать». Прежде люди назывались волотами, а придетъ пора, когда станутъ называться пыжиками, которые на столько-же будутъ меньше насъ, на сколько мы меньше волотовъ... Наконецъ, люди сравнятся съ мурашками: тогда то и будетъ конецъ свѣту!... (Аф. т. II ст. 784). Въ народѣ, какъ мнѣ извѣстно, предшествующіе намъ люди называются также пыжиками; а живущіе нынѣ — тужиками, и послѣдніе дойдутъ до того, что семеро будутъ едва подымать соломенку. Впрочемъ, вообще о кончинѣ вселенной, — «свидѣтельства нашихъ старинныхъ памятниконъ и народныхъ стиховъ, говоритъ г. Афанасьевъ, вполне согласны съ языческими преданіями скандин: Эды. Въ ея сказаніяхъ о кончинѣ вселенной, исполненныхъ мрачнаго поэтическаго колорита, еще нагляднѣе и полнѣе изображена борьба свѣтлыхъ боговъ съ волками — представителями темныхъ силъ. Мысли о погибели солнца и другихъ свѣтилъ необходимо возбуждали представленіе разрушающейся вселенной: погаснутъ небесныя свѣточи—и вѣчный мракъ и холодъ обниметъ природу, земля оцѣпенѣетъ и все живое на ней истребится...

- „Протечетъ Сіонъ-рѣка огненная, —
- „Отъ Востока рѣка течетъ до Запада;
- „Пожжетъ она землю всю и камень,
- „Древеса и скоть, и звѣрье, и птицу пернатую.
- „Тогда мѣсяцъ и солнушко потемнѣютъ
- „Отъ великаго страха и ужаса;
- „И звѣзды спадутъ на землю,
- „Спадутъ онѣ, яко листья съ дрововъ;
- „Тогда же земля вси восколыбается“...

«Тоже говоритъ и скорое пророчество: «приходитъ послѣднее время: земля и небо потрясется, частыя звѣзды на землю слатятся... не взвидятъ грѣшныя свѣту бѣлаго, не взвидятъ они солнца свѣтлаго». Любопытно повѣрье, что ради людскихъ грѣховъ солнце нынѣ стало свѣтитъ тусклѣе прежняго, а другое, — что злой духъ

скрадываетъ свѣтъ божій и въ потьмахъ ловить христіанъ въ свои хитрыя сѣти. По свидѣтельству русскаго стиха о страшномъ судѣ, вслѣдъ за всеобщимъ развращеніемъ человѣческаго рода — явится съ неба молніеносный Илья-пророкъ и —

„Загорится матушка сыра-земля,

„Съ Востока загорится до Запада, и т. д.

Пойдутъ гласы по всей землѣ, разбудятъ мертвыхъ и вызовутъ ихъ изъ гробовъ.» «Замѣчательное согласіе съ Эддою! продолжаетъ г. Афанасьевъ. Всемирный пожаръ оканчивается потопомъ; омытая обновленная земля выходитъ изъ водъ чистою, аки дѣва непорочная. Золотая труба архангела замѣнила собою болѣе древнее представленіе о громозвучномъ рогѣ Геймдала: это метафора небеснаго грома, который пробуждаетъ въ жизни творческія силы природы, оцѣпенныя дыханіемъ зимы (смерти) и спящія въ гробахъ-ту-чакъ. Отъ любовной связи Локи съ великанкою (Angrbodha) родились: волкъ, змѣя (Jormungandr) и Гелла (смерть, чума, адъ), которой приписывается такая же злая пасть, какъ волку. На нашей же лубочной картинѣ, извѣстной подъ названіемъ «страшнаго суда», адъ изображенъ открытою змѣиною пастью, изъ которой исходитъ страшное пламя. Волкъ, змѣя и Гелла—три различныя воплощенія бурной, разрушительной грозы». (Аф. в. ст. 755—762). У скандинавовъ, во время разрушенія міра, всѣ свѣтлые боги и герои Валгалы, подъ предводительствомъ Одина, являются на послѣднюю, отчаянную битву съ чудовищами мрака; но у насъ только мифическіе Илья-пророкъ и Михаилъ архангелъ (два христіанскіе образа древняго Перуна) съ свѣтлыми небесными силами. По сканд.: Эддѣ, кромѣ мертвецовъ, извергаемыхъ Геллой, показывается еще корабль, построенный изъ ногтей человѣческихъ: имъ править Локи, а корабль полонъ мертвецами: Суртуръ (черный), вооруженный чудеснымъ мечемъ, сверкающимъ свѣтлѣе солнца, ведетъ огненное воинство; передъ нимъ и за нимъ — горящій пламень (наша огненная рѣка); онъ зажигаетъ землю и небо. Въ нашихъ преданіяхъ, есть также воздушный корабль, о которомъ сказано выше (см. прим. 31); но у насъ земля загарается отъ Сіона-рѣки и отъ огня, исходящаго изъ огненной части адскаго змія. Морской змѣй въ Эддѣ затопляетъ землю; а у насъ потопъ насылается самимъ Господомъ. (О нашемъ же волкѣ-Самоглотѣ и волкѣ Френмирѣ см. предыд. 29 прим.). «Тогда звѣзды сорвутся съ небеснаго свода и падутъ на землю»... Древній міръ разрушился, и изъ водъ океана vyplываетъ новый. «Вообще эта картина борьбы и разрушенія, по мнѣнію г. Афанасьева, есть собственно картина весенней грозы.—когда боги громовъ, молній и бурь сражаются съ демоническими существами — великанами, волками и

звѣями, т. е. темными тучами; колеблются облака-горы, горитъ священная ясень (дерево-туча), небо сожигается и весь міръ объе-мается великимъ пожаромъ. Вслѣдъ за этою беспощадною борьбою наступаетъ кроткая пора ясныхъ майскихъ дней, *прежній ветхій міръ* разрушенъ въ бурныхъ грозахъ, и намѣсто его возникаетъ иной, полный юности и свѣжести. Изъ хаоса и борьбы стихій боги созидаютъ новый міръ, и мифы, повѣствующіе о происхожде-ніи будущаго блаженнаго царства, въ основѣ своей совершенно тождественны съ мифами космогоническими. Вообще народныя пре-данія о созданіи и кончинѣ вселенной, страшномъ днѣ суда, адѣ и раѣ, возникли изъ древнѣйшихъ воззрѣній на природу и ея годич-ныя превращенія. Неутомимая жажда челоуѣка вѣдать — и безвѣ-стное прошедшее, и таинственное будущее, нашла для своихъ га-даній готовые образы и краски въ поэтическихъ сказаніяхъ о при-родѣ. Онъ только придалъ этимъ сказаніямъ болѣе широкій смыслъ, нежели какой онѣ имѣли первоначально, и сдѣлалъ это непроиз-вольно, а подъ влияніемъ метафизическихъ выраженій роднаго язы-ка. (Афан. 1 ст. 758—762). Нечего пояснять, что немалое влияніе на эти представленія должно было имѣть и самое хри-стіанство.

33) Много было писано учеными въ пользу литературы ара-бовъ; было писано и противъ нея. Въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, достаточно привести здѣсь мнѣніе объ этомъ нашего ува-жаемаго ученаго Буторги. «Выйдя изъ своего таинственнаго заклю-ченія, Аравійская литература, говоритъ онъ, утратила то обаяніе, которое до того производила и которымъ незаслуженно пользовалась. Въ ученыхъ трудахъ аравитянъ нѣтъ и слѣдовъ самостоятельнаго изученія: о наукѣ никто изъ нихъ не думалъ и не догадывался; вся литература состоитъ или изъ переводовъ, или заимствованій и подражанія, или наконецъ изъ компиляцій и сборниковъ». (О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ. Р. вѣст. 1873 г. мартъ, ст. 32) «Читая арабскіе сборники, невольно приходишь въ изумленіе при видѣ легкомыслія, съ какимъ аравійскіе мудрецы обращались съ предметами учености и съ трудами ученыхъ, которые они перела-гали на свой отечественный языкъ... Въ нихъ пріобрѣтаются съ чрезвычайной легкостью самыя разнообразныя свѣдѣнія, но непре-дѣльно поверхностныя, а весьма часто столь же ложныя». (Тамъ-же, стр. 35). При этомъ можно сказать положительно, что гдѣ господствуетъ коранъ, тамъ общества стоятъ неподвижно, не по-мышляя о развитіи, и вмѣстѣ съ фанатизмомъ утративъ даже свою прежнюю, необузданную силу. Гиббонъ приводитъ въ своей исторіи нѣсколько примѣровъ милосердія первыхъ мусульманъ, приписывая ихъ конечно влиянію ученія Магомета; но какъ будто преднамѣрен-но опуская изъ виду, что если ученіе корана и проповѣдуетъ дѣй-ствительно дѣла милосердія, воздержанія и даже нищеты, чему и

слѣдовали первые калифы; то это ученіе заимствовано Магометомъ отъ христіанства. Но чтобы выразить въ нѣсколькихъ словахъ несостоятельность корана и вообще Магометовой религіи, достаточно сказать, что эта религія не можетъ имѣть прозелитовъ ни въ одномъ развитомъ обществѣ; тогда какъ христіанство есть и будетъ всегда религіей всѣхъ обществъ, государствъ и народовъ, идущихъ впередъ въ ихъ развитіи.

34) Касательно общественнаго развитія у насъ при Ярославѣ, уже сказано выше въ прим. 14. Оно, внесено было въ нашъ край не воинственными бродягами, князьями варяжскими, которые помышляли только о войнѣ, даянхъ и завоеваніяхъ; но слѣдуетъ также, oprичъ вліянія христіанства, обратить вниманіе и на то, что земля наша, кипѣвшая еще издревле торговлей съ Востокомъ и Западомъ, Сѣверомъ и Югомъ, была уже достаточно развита, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ мѣстностяхъ для воспріятія этого перваго развитія, которое безъ предварительной почвы не имѣло-бы никакого значенія. Прибавимъ къ этому, что у Балтійскихъ славянъ, уже въ VIII и IX ст., какъ говоритъ г. Гильфердингъ, на основаніи современныхъ источниковъ, процвѣтала обширная торговля. Въ XI в. городъ Волинъ или Волынъ (онъ же и Винета, у датчанъ) велъ такую торговлю, какой не было во всей сѣверной Европѣ; онъ былъ важенъ и богатъ еще и вначалѣ XII ст. Еще тогда Поморская торговля была такъ жива и плодотворна, что поддерживала, на маленькомъ пространствѣ у Одерскаго лимана, четыре большихъ, цвѣтущихъ города. Земля Западныхъ славянъ славилась своимъ плодородіемъ, для достиженія чего нужны были немалыя средства. Въ XII в. островъ Рана былъ такъ обиленъ хлѣбомъ и стадами, что могъ кормить множество народа; а Поморье было такъ богато и такъ процвѣтало, что, плѣненный имъ, очевидецъ (Гельмольдъ) приглашалъ нѣмецкихъ монаховъ туда поселиться... (Ист. балт. слав. т. 1, ст. 191—193). Задолго еще до Р. Х., веныты на Балтійскомъ поморьѣ вели торговлю янтаремъ. (Тамъ же, ст. 91). Вообще, поморскіе города, храмы и кутины поражали иноземцевъ своимъ богатствомъ, рѣзными украшеніями, а нѣкоторые и древностію. Нѣмцы и скандинавы стояли на гораздо высшей степени развитія... Не можетъ быть, чтобы и Восточныя наши племена, черезъ которыя шла торговля Западныхъ ихъ братьевъ съ Греціей и Востокомъ, стояли ниже поморянъ. Кромѣ тѣхъ темныхъ преданій, что датчане и скандинавы ѣздили къ русскимъ южнымъ князьямъ, учиться военному дѣлу и служили у нихъ, какъ впоследствии при нашихъ князьяхъ историческихъ, достаточно свидѣтельства Адама Бременскаго о нашемъ древнемъ Кіевѣ, который онъ называетъ «соперницей Константинопольскаго скипетра, красой и славой Греціи» (въ XI ст.). Онъ называетъ Кіевъ—Chivz, столицей Острогарда, т. е. русской земли, и указываетъ на множество русскихъ торго-

выхъ людей оттуда въ Поморскомъ г. Юлині, т. е. г. Вилині или Волині: (Тамъ же, стр. 74, 75). Сколько же надобно было вѣковъ, чтобы Кіевъ достигъ такого величія? Князь Олегъ, преемникъ перваго варяжскаго у насъ князя, называетъ уже Кіевъ матерью городовъ русскихъ. Надобно думать, что онъ почитался такимъ во всей странѣ еще изъ древности, и что это выраженіе принадлежитъ не одному Олегу, но цѣлому краю, который издревле понималъ значеніе этого города, и привыкъ считать его во главѣ всѣхъ прочихъ городовъ и племенъ своихъ, соединенныхъ между собой торговыми союзами; чѣмъ только и можетъ разъясниться столь быстрое завладѣніе ими ближайшими потомками Рюрика, который былъ призванъ княжить въ землю, полную еще гражданскихъ беспорядковъ, но достаточно уже готовую для гражданства и дальнѣйшаго развитія, — что и подтверждается исторически дальнѣйшими столь быстрыми, ея успѣхами, при Владимирѣ, Ярославѣ и ближайшихъ ихъ потомкахъ, изъ которыхъ послѣдніе были сами отчасти причиною постигшихъ страну бѣдствій и потомъ дальнѣйшаго нравственнаго ея застоя.

35) «Мы не привыкли мыслить самостоятельно, безъ указки западно-европейскихъ учителей; а въ книгахъ и въ ученіяхъ отличать справедливое отъ несправедливаго, — говоритъ г. Бѣловъ. На основаніи логики очень дешеваго свойства, мы или принимаемъ все, или все отвергаемъ, забывая подумать, правильно-ли сдѣлано все логическое построеніе и нѣтъ-ли въ главной послыжкѣ раздвоенія. По мнѣнію-же г. Даниловскаго, Европа не признаетъ насъ своими «Она видитъ въ Россіи и въ славянахъ вообще нѣчто ей чуждое, а видитъ съ тѣмъ такое, что не можетъ служить для нея простымъ матеріаломъ, изъ котораго она могла-бы извлекать свои выгоды какъ извлекаетъ изъ Битая, Индіи, Африки, большей части Америки, — матеріаломъ, который можно-бы формовать и обдѣлывать по образу и подобию своему, какъ прежде было надѣялись, какъ особливо надѣялись нѣмцы, которые, не смотря на препрославленный космополитизмъ, только отъ единой спасительной германской цивилизаціи чають спасеніе міра. Поэтому Европа видитъ въ Россіи и въ славянствѣ вообще не только чуждое, но и враждебное начало»... «Мы хотимъ этимъ еще разъ сказать, продолжаетъ почтенный г. Бѣловъ, какъ необходимо всюду, а особенно въ области международныхъ отношеній, думать своимъ умомъ... Народъ, который мало выказываетъ эгоизма (въ смыслѣ самостоятельности народной), недолговѣченъ... Въ народѣ разумный эгоизмъ (въ томъ-же смыслѣ) составляетъ условіе sine qua non исполненія историческаго призванія... Народъ, который не блюдетъ своихъ интересовъ, недолговѣченъ; народъ, который о своихъ интересахъ разсуждаетъ чужимъ. иноземнымъ умомъ, обрекаетъ себя на національное самоубійство»... Затѣмъ, замѣтивъ, что вообще платоническіе идеалы политики отым-

ваются больше, чѣмъ дѣтскимъ простодушіемъ, г. Бѣловъ продолжаетъ: «вообще похвалы и брань зашад. писателей, которыми они осыпаютъ русскихъ дѣятелей, весьма сомнительной цѣнности. Часто *хвалятъ за дѣла, противныя выгодамъ Россіи* и обратно порицаютъ; *мы же съ благоговѣніемъ внимаемъ*»... Съ другой стороны, — «русская мысль, остановленная въ правильномъ развитіи народнаго самопознанія черезъ открытое и широкое изученіе отечественной исторіи, удари-лась въ мелочной анализъ внутренняго человѣка, его чувствъ, начались копанія въ самыхъ грязныхъ душечкахъ человѣческаго отребья... Одно такое направленіе, конечно, невольное, не могло не исказить взглядовъ на общественныя отношенія и въ здоровой части русскаго общества, можетъ быть, и вопреки писателямъ этого направленія. Отсюда и успѣхъ социалистическихъ идей въ нѣкоторой части русскаго общества. Ибо на чемъ основанъ социализмъ? На какомъ фундаментѣ зиждется его постройка? На идеѣ отвлеченнаго (абстрактнаго) человѣка, взятаго внѣ историческихъ отношеній. Казенная печать, наложенная на русскую исторію, была причиною неуваженія къ ней, которое обнаружилось въ нѣкоторой части нашей интеллигенціи и притомъ въ части вліятельной... Поэтому мы и не замѣчаемъ, что въ дѣлѣ преподаванія исторіи мы носимся во облацѣхъ воздушныхъ; государственный и политическій элементъ почти изгнаны изъ учебниковъ, яко-бы ради прогресса. Въ дѣлѣ преподаванія (прибавимъ. и изысканій по всеобщей исторіи), мы буквально слѣдуемъ нѣмецкимъ учебникамъ, забывая, что исторія — наука жизни, а интересы жизни народовъ, при одинаковомъ стремленіи къ общей цѣли, различны». (Др. и нов. Россія 1875 г. № 7, стр. 281, 284, 288). Я не скажу ничего новаго, если добавлю, что равнодушіе наше и недо-вѣріе къ собственной разумной самостоятельности и полное, неограниченное довѣріе къ иностраннымъ авторитетамъ, извѣстны всѣмъ и каждому, не только русскимъ, но и иноземцамъ, которые поэтому самому и смотрятъ на неразвитость нашу съ сожалѣніемъ: Мы не довѣряемъ собственнымъ силамъ; только то и разумно, и похвально, что не нами вымышлено или на Западѣ принято. Мы даже готовы на всякія жертвы, только бы тамъ насъ похвалили, — хотя бы это было и къ нашему ущербу. Точно также идутъ у насъ и историческія изысканія, — только вслѣдъ за иноземными; къ чему впрочемъ общество относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и остается при тѣхъ-же вѣрованіяхъ, съ которыми вышло изъ школы: отъ чего происходятъ иногда самыя странныя недоразумѣнія. Такъ наприм.: нѣкоторые до сихъ поръ согласны признавать галичанъ, «gente Ruthenus, natione Polonus», — т. е. нашихъ древнихъ соотечественниковъ, русскихъ, жителей нынѣшней Галиціи, — или такъ мы очень простодушно продолжаемъ понинѣ праздновать гибель нашего-же русскаго флота въ древности подъ стѣнами Царьграда, когда погружена была въ море риза Богоматери, вынесенная изъ Влахернскаго хра-

ма, и буря разсыпала суда наши до береговъ малой Азии. А сколько найдется и еще подобныхъ приключеній въ нашей бывшей исторической жизни, когда мы благодарили Бога за собственные промахи и гордились успѣхами своихъ сосѣдей, на нашъ собственный счетъ и къ нашему ослабленію!

36) Противъ войны было очень много писано; но я рѣшаюсь привести здѣсь еще свидѣтельство очевидца нашей послѣдней крымской компаніи, англичанина Кингляка, который говоритъ: «à bien des reprises, il fut posé en principe, avec l'adhésion apparente de milliers d'auditeurs, que la guerre, à moins d'avoir la défense du pays pour objet, était non seulement une folie. mais encore une souveraine impiété. (L'invasion de la Crimée. par Alexandre William Kinglake, trad. par Théodore Karcher. 1864. t. II, ch. XXIV, p. 66). Завоеватели, искусные полководцы и вообще счастливые военные геніи, называются героями, пользуются продолжительной славой не только между современниками, но и въ потомствѣ; а чего стоитъ ихъ слава и завоеванія, большей частію непрочныя и бесплодныя, человѣчеству! «По исчисленію Спенсера, количество жертвъ террора во Франціи простиралось не свыше десяти тысячъ человекъ; а въ Наполеоновскихъ походахъ, — въ сраженіяхъ, отъ рапъ, болѣзней, погубло, при самой дивизіи ополченій, свыше двухъ милліоновъ. Однако, продолжаетъ Спенсеръ, о кровопролитіяхъ во время революціи всегда говорили съ негодованіемъ, и виновники ихъ всегда возбуждали безусловную ненависть; а по поводу несравненно большаго кровопролитія въ теченіи войнъ консульства и имперіи, негодованія почти не было слышно. Да и теперь еще Наполеона называютъ великимъ, и даже англичане выражаютъ уваженіе къ его памяти, посѣщая его могилу съ непокрытой головою» (От. Зап. 1875, февраль, ст. 251). Послѣ этого становится понятнымъ дикое выраженіе одного изъ современныхъ великихъ государственныхъ правителей, что «для управленія народами нужны огонь и желѣзо»; но такую мрачную тѣнь набрасываетъ это выраженіе на современную эпоху XIX столѣтія, которое гордится своимъ просвѣщеніемъ и человѣчностью, — и сколько еще произвола и варварства общаетъ Европѣ въ темномъ будущемъ!...